

ТиПЛ

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1

Выпуск 5, № 1 2019

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань

доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна

канд. филол. наук (Галф Бриз, Флорида, США)

Буркин Алексей Алексеевич

д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра

д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей

д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна

д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид

доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Чой Мун-Джеонг

доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна

д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

ThAL

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1

Volume 5, Issue 1, 2019

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (Gulf Breeze, Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'1
UDC 81'1

Баландина Екатерина Сергеевна
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
Ekaterina S. Balandina
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
nenash_ek@mail.ru

**ОБРАЗ ЦВЕТА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ
COLOR IMAGES IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF ARABIC STUDENTS**

Аннотация

В статье рассматриваются способы репрезентации образов цвета в языковом сознании носителей арабской культуры. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в культуре каждого народа сложились осознаваемые и неосознаваемые соответствия между отдельными цветами и определёнными образами, несмотря на относительную универсальность восприятия цвета всеми людьми. Изучение данных связей и соответствий во многом способствует становлению дружественного межкультурного общения представителей различных стран и культур. Более того, значимость подобных исследований обусловлена необходимостью фундаментальных разработок лингвистической науки, связанных с проблемами восприятия и отражения действительности и способами её фиксации и репрезентации в языковом сознании. Предметом настоящего исследования являются образы цвета, сложившиеся в сознании носителей арабской культуры. Результаты исследования основываются на материале, полученном в ходе проведённого свободного ассоциативного эксперимента среди носителей арабской культуры, обучающихся в Южно-Уральском государственном университете города Челябинска. Анализ построенных ассоциативных полей на стимульные слова позволил разделить полученные вербальные реакции на ассоциации смежности и сходства, выделить наиболее частотные ответы на предъявляемые стимулы, оценить ценностно-эмоциональную составляющую исследуемых образов, показать иерархию семантических связей в оценках стимулов. В заключении статьи автор делает выводы относительно устойчивости различных ассоциативных связей в долговременной и кратковременной перспективах, предлагает дальнейшие направления исследования.

Abstract

The article considers representations of color images in linguistic consciousness of Arabic students. The relevance of the chosen topic is proved by the fact that there are different conscious and unconscious associations between individual colors and certain images, despite the relative universality of the color perception by all people. The study of these links greatly contributes to the establishment of friendly intercultural communication among representatives of different countries and cultures. Moreover, the importance of such research

is due to the need of fundamental developments in linguistic science related to the problems of perception and reflection of reality and the ways of its fixation and representation in linguistic consciousness. The goal of this article is to identify, fix, and analyze a fragment of the Arabic students' language consciousness, which contains conscious and unconscious knowledge of color images such as green, red, and white. The focus of this study are color images as a part of Arabic students linguistic consciousness. The results of the research are based on the material obtained during free associative experiment that was carried out in the South Ural State University, Chelyabinsk city. The analysis of the constructed associative fields enabled to divide the verbal reactions into contiguity and similarity associations, to select the most frequent responses to the presented stimuli, to evaluate the emotional component of the studied images, to show the hierarchy of semantic links within the corresponding fields. Finally, the conclusion is made regarding the stability of various associative links in the long-term and short-term perspectives, directions of further research are proposed.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, образ, ассоциативное поле, реакции.

Keywords: psycholinguistics, linguistic consciousness, image, associative field, associations.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_5_15

1. Введение

Цвет изучается рядом дисциплин – психологией, физиологией, физикой, лингвистикой. Лингвистические исследования цветообозначений включают в себя следующие направления: культурологический аспект, связь цвета с культурой; психологическая характеристика цвета; лексико-семантическая характеристика цвета; изучение этнолингвистических основ цвета; изучение языка цветовых символов; цветозвуковые ассоциации; изучение цветовых концептов и образов [Сапига, 2016, с. 192–193].

Цвет – обязательный компонент картины мира. Мир многоцветен, яркое, его невозможно описать в чёрно-белых тонах. В сознании носителя языка картина мира формируется, оформляется с помощью единиц языка и закрепляется в языковом сознании индивида. Компонентом или репрезентантом картины мира является языковая картина мира, одну из заметных частей которой составляет цветовая или лингвоцветовая картина мира [Любимова, 2013, с. 236].

Лингвоцветовая картина мира – это совокупность представлений человека о мире, отражающихся через призму цветовых ощущений и материализующихся посредством речи. Изучение совокупности таких индивидуальных лингвоцветовых картин может помочь выявить общие закономерности, свойственные внутреннему образу отдельного цветообозначения в сознании представителей определённой культуры [Таныгина, 2011, с. 70].

Психолингвистический подход к изучению цвета подразумевает исследование проблемы функционирования слов-цветообозначений в языко-

вом сознании индивида с целью выявления закономерностей взаимодействия человека с цветом, причин, правил и специфики порождения и функционирования цветовых значений. Многочисленные психолингвистические исследования показали, что за словами-цветообозначениями кроется обширный информационный материал в виде сложной многоуровневой и многокомпонентной цветовой символики [Касаткина, 2015, с. 131].

Цель данной статьи состоит в выявлении, фиксации и анализе фрагмента языкового сознания иракских студентов, содержащего осознаваемые и неосознаваемые знания о цветовых образах: зелёный, красный, белый. Выбор обусловлен тем, что данные цвета являются основными или базовыми, поэтому их анализ во многом позволяет исследовать представления носителей любой культуры об окружающей их действительности через призму цветового восприятия.

Теоретической базой исследования послужило обоснованное в психолингвистике представление о том, что явления действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его языковом сознании. Это отображение не только фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемые в ходе восприятия, но и обладает определённой этнокультурной обусловленностью, динамичностью и вариативностью [Уфимцева, 2011, с. 24].

Актуальность изучения данного аспекта обусловлена тем, что в культуре каждого народа сложились неосознаваемые соответствия между отдельными цветами и определёнными образами, несмотря на относительную универсальность восприятия цвета всеми людьми [Прохорова, 2014, с. 252]. Имя прилагательное в силу своего категориально-грамматического значения, в основе которого лежит идея качества, является одним из самых важных средств номинации цвета [Джалилова, 2015, с. 93]. Прилагательные цвета представляют собой лингвокультурологические феномены, обладающие большим количеством смыслов в результате расширения ассоциативного мира человека и увеличения сферы контекстуальных связей [Григорьева, 2010, с. 11]. Изучение и анализ данных смыслов во многом позволяет лучше понять и выстроить межкультурное общение с носителями той или иной культуры. Более того, цвет в языковой системе обладает познавательными и эмоционально-информационными свойствами для всех народов мира и представляет собой культурно-маркированную ценность нации и часть ее культурного наследия, на которое накладываются отпечатки социально-религиозные аспекты и морально-этические нормы [Цун Япин, 2017, с. 94–95]. Кроме того, цвет в истории развития языка генерировался с оценочной функцией, причём в некоторых случаях он слился с ней так прочно, что в какой-то момент создалось впечатление, что именно цвет определяет качество предмета [Кезина, 2013, с. 361]. Таким образом, анализ связей между образами цвета и предметами / явлениями позволяет выявить значимые сходства и различия в языковом сознании носителей той или иной культуры в окрашивании реального мира [Хохолова, 2014, с. 220].

Научная новизна представленных результатов обусловлена тем, что впервые была предпринята попытка целенаправленного исследования цветовых образов, сложившихся в языковом сознании носителей арабской культуры определённой возрастной группы (23–26 лет), выстроена схема анализа полученного материала, позволяющая описать всестороннее содержание анализируемых образов.

2. Методология исследования

Для того чтобы выявить реальное восприятие образа того или иного цвета в языковом сознании носителей той или иной культуры, недостаточно просто обратиться к значению, зафиксированному в словарной статье. Изучение этого значения может быть построено с использованием ассоциативного эксперимента в качестве способа выявления скрытых связей и смыслов, которые ассоциируются с различными словами-цветообозначениями.

Ассоциативный эксперимент представляет собой один из видов проективной методики исследования личности, позволяющий снять самоконтроль «Я». Методика проведения свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемый как можно быстрее отвечает первым пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово-стимул, без ограничения формальных и семантических особенностей слова-реакции. Методы анализа данных ассоциативного эксперимента зависят от задач исследования и от его объекта. Анализ данных предполагает в первую очередь формирование соответствующего экспериментального массива [Миронова, 2011, с. 109]. В нашем исследовании полученный экспериментальный массив представляет собой построенные ассоциативные поля и даёт возможность описывать образы сознания носителей арабской культуры, поскольку он овнешняет знания, ассоциированные со словами-стимулами.

Полученный массив ассоциатов, состоящий из 100 реакций, был составлен в ходе проведённого эксперимента среди 100 иракских студентов в возрасте 23–26 лет, обучающихся в России. Эксперимент был организован зимой 2018–2019 года среди бакалавров и магистров различных направлений в Южно-Уральском государственном университете города Челябинска. Здесь важно отметить, что анкеты, предлагаемые студентам в ходе эксперимента, были составлены на их родном языке, однако в данной статье для удобства восприятия анализируемые реакции были переведены на русский при сохранении формально грамматических характеристик ассоциаций. В ходе классификации полученных ассоциаций рядом со словом-реакцией в круглых скобках мы будем указывать частотность ассоциации, то есть количество студентов, давших подобный ответ.

3. Результаты

Ассоциации, полученные на стимульное слово *зелёный* أخضر можно классифицировать следующим образом. К ассоциациям по предметно-смысловой смежности относятся ассоциативные пары слов, не имеющие

общих существенных признаков в своём содержании, в основных значениях членов которых отражаются реальные отношения смежности между предметами и явлениями действительности или содержаниями абстрактных понятий [Мартинovich, 1993, с. 96–97]: *дерево* (24), *весна* (9), *трав*а (7), *растения* (2), *сад*, *природа*, *листья деревьев*, *земля*, *лес*, *конфета*, *чай*, *карта*, *путь*.

В свою очередь, ассоциации по сходству можно разделить на две подгруппы. Классификационные – это ассоциативные пары, члены которых имеют в своих содержаниях хотя бы один общий существенный признак. К ним относятся реакции, соотносимые с элементами различного рода лексических объединений парадигматического характера. В арабском ассоциативном поле могут быть выделены следующие ассоциаты, относящиеся к данной группе: *цвет* (12), *жёлтый*, *синий*.

Детерминационные – к ним относятся ассоциативные пары, в которых содержание ответа-реакции входит в содержание слова-стимула в качестве одного из признаков этого содержания. В построенном нами ассоциативном поле арабских студентов можно выделить следующий ряд ответов, относящихся к данной подгруппе: словоформы и словосочетания, выявляющие качественные характеристики образа *счастливый* (5), *хороший* (4), *комфортный*, *яркий*, *красивый*; *несогласованные со словом-стимулом глаголы и глагольные сочетания мне нравится, быть готовым*. Также следует отметить, что на данный стимул было получено 2 отказа от ответа.

В полученных ассоциативных парах арабских студентов ответ-реакция также связаны со словом-стимулом через опосредованные ассоциации: *жизнь* (2), *свобода* (2), *чистота* (2), *скорость*, *радость*, *здоровье*, *красота*, *релаксация*, *движение*, *секрет*, *символ*, *отдых*, *мир*.

На стимульное слово أبيض *белый* реакции распределились следующим образом. Предметно-смысловые: *бумага* (6), *снег* (4), *день* (3), *машина* (2), *дверь*, *ангел*. Классификационные: *чёрный* (13), *цвет* (9). Детерминационные – *ясный / чистый* (6), *широкий*, *чистый*, *плохой*, *безобидный*, *крутой*, *свежий*, *не всегда белое*. Опосредованные: *мир* (20), *сердце* (9), *ребёнок* (3), *красота* (2), *небо*, *независимость*, *женщины*, *вода*, *песня*, *свадьба*, *хорошее настроение*, *безопасность*, *счастье*, *честность*, *желание*, *море*.

Стимульное слово *красный* أحمر вызвало следующие ассоциации у опрошенных респондентов. Предметно-смысловые – *кровь* (31), *огонь* (3), *роза*, *вино*, *различные вещи*, *лампа*. Классификационные – *цвет* (8), *синий*, *зелёный*, *обычный цвет*, *мой любимый цвет*. Детерминационные – *пугающий / опасный* (15), *небезопасный*, *кровавый*, *хороший*, *тяжёлый*, *грустный*. Опосредованные – *стоп* (12), *романтика* (4), *опасность* (3), *команда Замалек*, *дорожное движение*, *вода*, *секс*, *обольщение*, *ужас*, *смерть*, *храбрость*, *страна*, *нет*, *море*.

Таким образом, мы можем судить о том, что частотными ответами на выбранные стимульные слова являются не только классификационные ассоциации и реакции предметно-смысловой смежности, характеризующие широкий спектр предметов, связанных в языковом сознании носи-

телей арабской культуры с исследуемыми образами. Цвета обладают обширными ассоциативными связями с чувственным и эмоциональным спектрами (детерминационные ассоциаты), а также с различными опосредованными явлениями и предметами, с которыми они связаны через какой-либо другой образ. Причём в зависимости от того или иного цветообозначения, процентное соотношение предметно-смысловых, классификационных, детерминационных и опосредованных реакций может варьировать.

На следующем этапе анализа рассмотрим более детально реакции исследуемых ассоциативных полей. Как известно, цвет окружён системой ассоциаций, смысловых значений, символов, толкований и становится воплощением разнообразных нравственно-этических ценностей [Евтушевская, 2015, с. 65]. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть распределение полученных ответов по семантическим полям. Тем самым, мы получим возможность глубже изучить содержание исследуемых образов.

Ответы на стимульное слово **зелёный** могут быть представлены следующими группами реакций:

- семантическое поле природы: *дерево* (24), *весна* (9), *трава* (7), *растения* (2), *лес*, *природа*, *сад*, *листья деревьев*, *земля*;
- семантическое поле цвета: *цвет* (12), *синий*, *жёлтый*;
- семантическое поле личных ассоциаций: *мне нравится*;
- семантическое поле ценностно-эмоциональных ответов: *жизнь* (2), *свобода* (2), *чистота* (2), *мир*, *здоровье*, *красота*, *радость*;
- семантическое поле отдыха: *отдых*, *релаксация*, *карта*, *чай*, *конфета*;
- семантическое поле характеристик: *счастливый* (5), *хороший* (4), *комфортный*, *яркий*, *красивый*;
- семантическое поле дорожного движения: *скорость*, *быть готовым*, *движение*, *путь*;
- семантическое поле «знака»: *символ*, *секрет*.

Наиболее популярные ответы *дерево* (24), *весна* (9), *трава* (7), имеющие наибольший индекс частотности, принадлежат к семантической группе природа, что указывает на логические ассоциативные связи между цветом и различными предметами и явлениями природы. Подобные реакции во многом предопределяют и появление в содержании образа семантического поля «отдых» и группы ценностно-эмоциональных ответов, объединяющих в себе понятия жизни, чистоты, свободы, отдыха, здоровья, красоты и так далее. Частотные ассоциаты: *счастливый* (5), *хороший* (4), а также менее частотные ответы группы «характеристики» иллюстрируют эмоционально-положительное восприятие зелёного цвета носителями арабской культуры. Кроме этого, следует отдельно отметить связь цвета с семантическим полем «знак» и ответами, устанавливающими связь цвета с процессом дорожного движения.

Стимульное слово **красный** сочетает в себе следующие группы ответов.

- семантическое поле опасности: *кровь* (31), *опасность* (3), *огонь* (3), *ужас*, *смерть*;

- семантическое поле дорожного движения: *стоп* (12), *дорожное движение*;
- семантическое поле характеристик: *пугающий / опасный* (15), *хороший, небезопасный, кровавый, грустный, тяжёлый*;
- семантическое поле цвета: *цвет* (8), *синий, обычный цвет, зелёный*;
- семантическое поле любви: *романтика* (4), *обольщение, секс*;
- семантическое поле личных ассоциаций: *мой любимый цвет, нет*;
- семантическое поле ценностей: *храбрость*;
- семантическое поле географических реакций: *море*;
- семантическое поле спорта: *команда Замалек*;
- семантическое поле ответов, объединённых цветом красный: *вода, различные вещи, роза, вино, страна, лампа*.

Среди выделенных групп реакций наибольший процент получило семантическое поле «опасность», в которое вошло самое частотное слово *кровь* (31). Частотность данной ассоциации была настолько высока, что мы провели несколько личных бесед с респондентами, чтобы выяснить причину упоминания данной реакции. В ходе личных интервью выяснилось, что военные конфликты, происходящие в арабском мире и, в частности, на территории Ирака, послужили причиной ассоциирования стимульного слова **красный** с кровью. Данная реакция является отражением войны и опасности, а потому является самой частотной в составленном ассоциативном поле иракских студентов. Дополняют значение данного ответа менее частотные реакции: *опасность* (3), *огонь* (3), *ужас, смерть*, которые также указывают на военный конфликт в стране.

Следующим по процентному соотношению необходимо выделить группу характеристик. Однако в отличие от стимульного слова *зелёный*, обладающего эмоционально-положительной оценкой значения, **красный** в языковом сознании опрошенных респондентов ассоциируется с полярными ощущениями. В первую очередь он вызывает эмоции страха: *пугающий / опасный* (15), *небезопасный, кровавый*, что во многом связано с высоким процентом реакций, относящихся к группе опасности, и военно-политической обстановкой в стране.

Между тем, некоторые респонденты всё же воспринимают данный цвет с несколько другого ракурса. Красный цвет во многих странах – это цвет любви, и в арабской культуре данный компонент значения также присутствует, что подтверждается списком выделенных семантических полей. Как и в стимульном слове *зелёный*, **красный** имеет устойчивые ассоциативные связи с дорожным движением, причём данная группа реакций входит в тройку наиболее частотных. Для некоторых опрошенных красный цвет ассоциируется с храбростью, с Красным морем, спортивным футбольным клубом, и различными предметами красного цвета – роза, вино, лампа. Однако, следует отметить, что данный тип ассоциатов является единичным и лишь дополняет общий образ исследуемого стимула.

Стимульное слово *белый* вызвало следующие ассоциации, которые условно можно разделить на представленные семантические группы:

- семантическое поле цвета: *чёрный* (13), *цвет* (9).

– семантическое поле характеристик: *ясный / чистый* (6), *плохой, безобидный, крутой, свежий, широкий, чистый*.

– семантическое поле ценностей: *мир* (20), *красота* (2), *независимость, безопасность, счастье, честность*.

– семантическое поле чистоты образа: *сердце* (8), *ребёнок* (3), *женщины, ангел*.

– семантическое поле ответов, объединённых белым цветом: *бумага* (6), *снег* (4), *день* (3), *машина* (2), *дверь, небо, вода, свадьба*.

– семантическое поле личных ассоциаций: *не всегда белое*.

– семантическое поле географических реакций: *море*.

– семантическое поле эмоций: *песня, хорошее настроение, желание*.

Белый цвет в языковом сознании носителей арабской культуры ассоциируется в первую очередь с *миром* (20) и *спокойствием*. Данный ответ во многом определяет появление в семантической группе ценностей таких реакций, как *независимость, безопасность, счастье*. Данное стимульное слово является олицетворением честности и чистоты образа, которые в языковом сознании респондентов связаны с сердцем, ребёнком, женщиной, ангелом. Исследуемый образ наполнен эмоционально-положительным содержанием ассоциатов *ясный / чистый* (6), *безобидный, крутой, свежий, широкий, чистый*, которые, наравне с реакциями группы эмоций, отражают внутренние ощущения опрошенных студентов, связанные с анализируемым цветом.

Кроме того, на примере данного цвета мы можем увидеть динамику изменения и варьирования языкового сознания носителей выбранной культуры. Некоторые респонденты отмечают связь образа не только с такими традиционными предметами и явлениями как *бумага* (6), *день* (3), *машина* (2), *дверь*, и другие, но и со *снегом* (4). Подобная реакция с высокой частотностью не свойственна представителям исследуемой культуры по климатическим условиям в стране, из которой они происходят. Однако условия жизни, в которые окунулись студенты Ирака, приехав учиться в Россию, нашли отражение в их языковом сознании.

4. Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что образы цвета в языковом сознании носителей арабской культуры имеют многообразные ассоциативные связи. Устойчивые отношения в долговременной перспективе находят отражение в наиболее частотных реакциях. Кратковременные ассоциативные связи, проявляющиеся также в частотных и периферийных ответах, возникают в результате влияния как внешних, так и внутренних факторов. Комплексное изучение построенных ассоциативных полей позволяет выделить наиболее значимые грани различных образов цвета, оценить ценностно-эмоциональную составляющую исследуемых образов, показать иерархию семантических связей в оценках стимулов.

Ассоциаты стимульного слова *зелёный* имеют исключительно положительные либо нейтральные значения, большинство которых так или иначе

связаны с растениями как частью природы. Абсолютное большинство ассоциатов белого цвета также концентрируются вокруг положительных или нейтральных образов. В противоположность этим двум цветам, ассоциаты красного в подавляющем большинстве представляют отрицательные образы, что самым непосредственным образом связано с текущей политической обстановкой в Ираке. При этом красный и белый противопоставлены как жестокая реальность и светлая мечта о том, какой должна быть жизнь.

Перспективными, с нашей точки зрения, являются исследования, направленные на сравнительно-сопоставительный анализ цветообозначений, изучение содержания образов отдельных цветов с целью выявления особенностей их восприятия носителями разных культур.

Список литературы

1. Григорьева, И. В. К вопросу об изучении цвета в современной лингвистике [Текст] / И. В. Григорьева // Вестник Карагандинского университета. – 2010. – № 1 (57). – С. 11–15.
2. Джалилова, М. Т. Семантико-сопоставительный анализ непроизводных прилагательных цветообозначения в английском, таджикском и русском языках [Текст] / М. Т. Джалилова // Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 1 (62). – С. 92–98.
3. Евтушевская, А. Е. Фиксация базовых цветоименований и их лексическое описание в словарях различных типов [Текст] / А. Е. Евтушенко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия Филология. – 2015. – № 7. – С. 64–70.
4. Касаткина, Т. Ю. Психолингвистические предпосылки изучения семантики цвета в разносистемных языках [Текст] / Т. Ю. Касаткина // Многоязычие в образовательном пространстве. Сер. Языковое и межкультурное образование. – 2015. – № 7. – С. 129–136.
5. Кезина, С. В. Оценочность цветолексем и ее актуализация в славянских языках [Текст] / С. В. Кезина // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 361–365.
6. Любимова, Н. И. Технология формирования цветовой картины мира в языковом сознании младших школьников [Текст] / Н. И. Любимова // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 20 (163). – С. 236–242.
7. Мартинович, Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента [Текст] / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93–99.
8. Миронова, Н. И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы [Текст] / Н. И. Миронова // Вопросы психолингвистики. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 108–119.
9. Прохорова, А. М. Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях [Текст] / А. М. Прохорова // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 252–255.

10. Сапига, Е. В. Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты [Текст] / Е. В. Сапига, М. В. Репина, С. В. Жукова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 2/2. – С. 192–195.
11. Таныгина, Е. А. Образ цвета в сознании носителя русской культуры (на примере цветообозначения розовый) [Текст] / Е. А. Таныгина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4. – С. 69–75.
12. Уфимцева, Н. В. Динамика и вариативность языкового сознания [Текст] / Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
13. Хохолова, И. С. Цветообозначения в языковом сознании представителей якутской и русской культур [Текст] / И. С. Хохлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34). – Ч. I. – С. 219–221.
14. Цун Япин. О национальном своеобразии цветовой символики в русском и китайском языках [Текст] / Цун Япин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – № 9 (1). – С. 93–97.

References

1. Grigoryeva, I. V. (2010). K voprosu ob izuchenii tsveta v sovremennoy lingvistike [To the question of researches of colour designation in modern linguistics]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta* [Bulletin of the Karaganda University], 1 (57), 11–15.
2. Dzhililova, M. T. (2015). Semantiko-sopostavitel'nyy analiz neproizvodnykh prilagatel'nykh tsvetooboznacheniya v angliyskom, tadzhikskom i russkom yazykakh [Semantico-correlative analysis of root adjectives of colour in English, Tajik and Russian]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of TSULBP. Series of Humanitarian Sciences], 1 (62), 92–98.
3. Evtushevskaya, A. E. (2015). Fiksatsiya bazovykh tsvetonaimenovaniy i ikh leksicheskoe opisanie v slovaryakh razlichnykh tipov [Basic colour terms and their lexicographic description in dictionaries of different types]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya Filologiya* [Herald of Vyatka State University. Philology], 7, 64–70.
4. Kasatkina, T. U. (2015). Psiholingvisticheskie predposylki izucheniya semantiki tsveta v raznosistemnykh yazykakh [Psycholinguistic prerequisites of colour semantics study in different languages]. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. Seriya Yazykovoe i mezhkul'turnoe obrazovanie* [Multilingualism in the Educational Sphere. A Series of Language and Intercultural Education], 7, 129–136.
5. Kezina, S. V. (2013). Otsenochnost' tsvetoleksem i ee aktualizatsiya v slavyanskikh yazykakh [Evaluation of colour lexemes and its actualization in the Slavic languages]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 4 (2), 361–365.
6. Lybimova, N. I. (2013). Tekhnologiya formirovaniya tsvetovoy kartiny mira v yazykovom soznanii mladshih shkol'nikov [Technology of color picture of the world in the language consciousness of younger schoolchildren]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], 20 (163), 236–242.

7. Martinovich, G. A. (1993). Opyt kompleksnogo issledovaniya dannykh assotsiativnogo eksperimenta [Experience of a comprehensive study of the associative experiment data]. *Voprosy psikhologii* [Journal of Psychology], 2, 93–99.
8. Mironova, N. I. (2011). Assotsiativnyy eksperiment: metody analiza dannykh i analiz na osnove universal'noy skhemy [Associative experiment: methods of data analysis and analysis based on the universal scheme]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 14 (2), 108–119.
9. Prohorova, A. M. (2014). Tsvetovaya simbolika v angliyskikh i russkikh ustoychivyykh slovosochetaniyakh [Color symbolism in the Russian and English sustainable phrases]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 1, 252–255.
10. Sapiga, E. V., Repina, M. V., Zhukova, S. V. (2016). Tsvetooboznacheniya v sovremennoy lingvistike: semanticheskiy i semioticheskiy aspekty [Colour terms in modern linguistics: Semantic and semiotic aspects]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social-educational ideas], 8 (2/2), 192–195.
11. Tanygina, E. A. (2011). Obraz tsveta v soznanii nositelya russkoy kul'tury (na primere tsvetooboznacheniya rozovyy) [The image of colour in the linguistic consciousness of the native speakers of Russian (the Russian colour term «pink»)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 4, 69–75.
12. Ufimceva, N. V. (2011). *Dinamika i variativnost' yazykovogo soznaniya* [Dynamics and variability of linguistic consciousness]. Moscow: Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences.
13. Hoholova, I. S. (2014). Tsvetooboznacheniya v yazykovom soznanii predstaviteley yakutskoy i russkoy kul'tur [Colour naming in linguistic consciousness of the Russian and Yakut cultures representatives]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 4 (34), 219–221.
14. Cong Yaping. (2017). O nacional'nom svoeobrazii tsvetovoy simboliki v russkom i kitayskom yazykah [On the national specificity of color symbolism in the Russian and Chinese languages]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 9 (1), 93–97.

УДК 811.1/.2, 81'373

UDC 811.1/.2, 81'373

Беленов Николай Валерьевич**Самарский государственный социально-педагогический университет****г. Самара, Российская Федерация****Nikolay V. Belenov****Samara State University of Social Sciences and Education****Samara, Russian Federation****belenov82@gmail.com**

**ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ ФОРМАНТЫ
И ИЗОГЛОССЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
INDO-EUROPEAN HYDRONYMIC FORMANTS AND ISOGLASSES
OF THE SAMARA VOLGA REGION
IN ETHNOHISTORICAL CONTEXT**

Аннотация

В статье рассматривается ряд характерных для ранних индоевропейцев гидронимических формантов в связи с гидронимией и этнической историей Самарского Поволжья. Аргументируется обоснованность выделения рассматриваемых формантов, на основании проверки по ряду значимых топонимических критериев. Основное внимание при этом уделяется целесообразности выделения гидронимического форманта *pa*, являющегося наиболее значимым для макро- и мезогидронимии исследуемого региона. По мнению автора, гидронимы Самарского Поволжья, содержащие формант *pa*, являются наиболее архаичными для данной территории и восходят к языкам населения, впервые полноценно освоившего регион в период энеолита. Остальные, рассмотренные в статье гидронимические форманты и изоглоссы, могли бытовать параллельно с данным формантом, что подтверждается рядом примеров, либо включиться в топонимический процесс на более поздних этапах индоевропейского освоения региона. Каждый из рассматриваемых гидронимических формантов иллюстрируется, при наличии, примерами из гидронимии Самарского Поволжья с последующей этноисторической интерпретацией. В целом, наличие в большинстве названий крупных и средних рек региона раннеиндоевропейских гидронимических формантов подтверждает гипотезу о формировании основной гидронимической номенклатуры Самарского Поволжья в раннеиндоевропейской этноязыковой среде, в эпоху бытования на данной территории самарской, хвалынской, древнеямной, полтавкинской и срубной археологических культур.

Abstract

The article considers a number of hydronymic formants characteristic for early Indo-Europeans in connection with the hydronymy and ethnic history of the Samara Volga region. The article argues for the necessity to single out the formants as far as they correspond to a number of significant toponymic criteria. The primary attention is paid to the particular need

to distinguish *RA* formant as the one being the most important for macro- and meso-hydronymy in the region under study. There are reasons to consider that the hydronyms of Samara Volga region containing *RA* formant, are the most archaic to the area and date back to the languages of the peoples who were the first to fully settle in the region during the Aeneolithic period. Other hydronymic formants and isoglosses discussed in the article could exist parallel to the formant, as proved by a number of examples, or could be included in topogenesis at the later stages of Indo-European development of the region. Each of the reported formants is illustrated, where possible, by examples from hydronymy of Samara Volga region accompanied by ethnohistorical interpretation. In general, the presence of early Indo-European hydronymic formants in most of the names of large and medium-sized rivers of the region proves the hypothesis about the formation of the major hydronemic nomenclature of the Samara Volga region in the early Indo-European ethno-linguistic environment, in the era of Samara, Khvalynsk, Ancient Yamna (Pit-grave), Poltavka and Srubna (Timber-grave) archaeological cultures.

Ключевые слова: топонимика, гидронимия, Самарское Поволжье, этническая история, раннеиндоевропейская гидронимия.

Keywords: toponymy, hydronyms, Samara Volga region, ethnic history, ancient Indo-European hydronyms.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_16_34

1. Введение

Индоевропеистика, вызвав к жизни интерес к изучению топонимов в научных кругах Европы, уже на заре становления топонимики как науки в современном понимании этого термина, способствовала развитию исследования гидронимических формантов и изоглосс как одного из ведущих направлений топонимических исследований.

Здесь надо отметить, что индоевропейские языки дают замечательное многообразие гидронимических формантов, топонимических и гидронимических изоглосс, среди которых есть как общие для всех (или подавляющего большинства) индоевропейских языков, так и отличительные для той или иной группы индоевропейских языков, в том числе, на определённых этапах исторического развития.

Очевидно, что, чем более ранний период развития индоевропейских языков будет нами рассмотрен, тем более общие изоглоссы, в том числе и топонимические, будут нам встречаться. На протяжении последних десятилетий ряд исследователей считают возможным говорить о балто-тохаро-славяно-германо-фракийских, тохаро-итало-кельтских, балто-тохаро-фриго-лувийских и прочих изоглоссах [Иванов, 1988, с. 47].

Гидронимические изоглоссы и форманты, индоевропейская гидронимия и её характеристические черты часто становились темой исследования работ В. И. Абаева, Б. В. Горнунга, В. В. Иванова, Х. Краэ, П. Кречмера, А. Мейе, Б. А. Серебренникова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачёва, М. Фасме-

ра, Н. Л. Членовой, Г. Шрамма как в свете собственно топонимических вопросов, так и в более широком контексте индоевропеистики [Абаев, 1979, с. 333; Горнунг, 1963, с. 89; Иванов, 1988, с. 55; Krahe, 1964, с. 103; Kretschmer, 1944, с. 36; Мейе, 1938, с. 99; Серебренников, 1955, с. 30; Топоров, 1962, с. 117; Трубачёв, 1962, с. 117; Фасмер, 1986, с. 133; Членова, 1989, с. 193; Шрамм, 1997, с. 101].

2. Анализ гидронимических формант

В контексте нашего исследования, интересно рассмотреть наиболее характерные индоевропейские гидронимические форманты и изоглоссы применительно к территории Самарского Поволжья, о заселении которого носителями индоевропейских диалектов по косвенным данным можно говорить с IV тыс. до н. э. [Васильев, 1999, с. 55].

Одной из наиболее распространённых изоглосс такого рода являются устойчивые сочетания ряда фонем в индоевропейских языках, гипотетически возводимые к одной праформе со значением *течь, текущий*.

2.1. Праформа *sr*

Речь идёт о гидронимической основе *sr*, которую традиционно реконструируют как *ser* [Герценберг, 1972, с. 59]. Однако данная форма, как представляется, не может быть однозначно признана как исходная. Она объединяет такие языки, как индоарийские, иранские¹, кельтские, некоторые балтские (литовский) и является вариацией гидронимической основы-изоглоссы *str* практически во всех славянских языках.

Изоглосса *str*, характерная для славянских, балтских, фракийских, германских и, возможно, части иллирийских, языков не всегда устойчива внутри как групп языков, так и каждого отдельного языка. Однако, применительно к гидронимическим терминам и названиям рек и озёр, в рамках отдельного языка демонстрируется большая устойчивость, а разграничения, также достоверные, могут проходить даже между родственными языками (ср.: в латышском *str*, в литовском *sr*).

Вместе с тем, целый ряд индоевропейских языков (италийские, иллирийские) характеризуется иной гидронимической основой – *tr* и её различными вариациями: например, иллирийское *dru* с тем же значением «течь», откуда ряд гидронимов Восточной и Центральной Европы: *Драва*, *Адрия*, *Дервента* и так далее. Здесь же надо указать, что имеются основания полагать о переходе основы *tr* в кельтских и некоторых других индоевропейских языках в германоязычной этноязыковой среде в форму *dr* (ср.: немецкое *Драйзам* из кельтского *Tragisama*. При этом произношение данного гидронима в кельтском также дискуссионно) [Krahe, 1964, с. 20]. Зафиксировано распространение данной гидронимической основы на восток

¹ В них произошёл закономерный переход фонемы *s* в *x*: ср. гидроним *Герируд* «текущая река», ирано-пуштунское название реки *Теджен*; вопреки распространённой версии, название города *Герата* вторично по отношению к гидрониму, первоначально город носил название *Артакона* или *Ариана*; далее, гидроним *Харахвати* вместо индоарийского *Сарасвати* и др.

(гидронимы *Терек*, *Терса* и др.), проникновение её в ряд древних иранских языков [Абаев, 1979, с. 336], правда, с несколько иной семантикой. Приведённый пример из кельтской гидронимии также отражает бытование формы *tr*, наряду с превалирующей в кельтских языках *sr*.

У нас нет данных, которые бы позволяли утверждать первичность формы *sr* перед *tr* либо наоборот. Также необходимо учитывать, что в ряде языков (а точнее: практически во всех индоевропейских языках) данные формы могут сосуществовать, имея сходную семантику и активно участвуя в топонимии. Исключением здесь является гидрооснова *str*, которая для целого ряда индоевропейских языков вовсе не характерна.

По нашему мнению, имеющиеся данные позволяют предполагать для обеих указанных форм (и синкретической формы *str*) существование более ранней общей праформы, которую можно реконструировать в форме *θr*, где первая фонема соответствует звуку, обозначаемому буквой тета греческого алфавита, далее, вероятно, следовал неопределённый гласный, а замыкала основу фонема *r*.

Мы полагаем, что данная основа в неизменном виде сохранилась в ряде гидронимов, отчасти мифологических, некоторые из которых имеют реальные прототипы. Сравните, например, название реки амазонок в греческой мифологии – *Фермодонт* (так принято в русском написании, в действительности финальный *t* в оригинале отсутствует) и греческую форму *Θερμώδων*. Интересно, что название реального прототипа данного гидронима, протекающего по территории Малой Азии, впоследствии было изменено в тюркской этноязыковой среде на название *Terme Çayı*, что, по сути, является полукалькой античного названия. Для нас здесь, прежде всего, представляет интерес переход индоевропейской гидронимической основы у тюрков в форму, идентичную одной из вариаций праосновы *θr* в индоевропейских языках – *tr*. Этот факт позволяет предположить, что для ряда гидронимов Восточной Европы, имеющих сегодня основу *tr*, до прихода в эти места тюркоязычного населения, в названиях сохранялась архаичная праиндоевропейская основа *θr*. К сожалению, проверить данное предположение, ввиду отсутствия письменных источников с указанных территорий, не представляется возможным. Вторым примером неустойчивости первой фонемы данной гидронимической основы в различных этноязыковых средах является гидроним *Серет*, который у Геродота передан в форме *Τιαραντ*. Здесь, опять же, вопрос прочтения «геродотовых» гидронимов тесно связан с древнегреческой фонетикой.

В гидронимии Самарского Поволжья рассмотренная основа встречается в форме *str* в таких названиях как *Стерех*, *Сестра*, *Стерик*. В целом, примеров такого рода немного и в ряде случаев (напр., в случае гидронима *Сестра*, где вероятно выделение финали-топоформанта *ra*) они спорны. В целом, по нашему предположению, гидронимия такого типа на данной территории восходит к индоевропейскому языку носителей срубной археологической культуры и включается в достаточно представительную группу гидронимов, относящихся к средним и малым рекам [Беленов, 2017, с. 130]. К другим вариациям подобной основы может относиться гидроним

Сарбай (однако в этом случае имеется ряд сильных конкурирующих гипотез, напр., тюркская) и несколько гидронимов с сопредельных территорий: *Терса* (две реки с таким названием в Саратовском Поволжье), *Тирус* в Оренбуржье.

2.2. Формант *ра*

Формант *ра* в речных названиях, также формирующий своеобразную изоглоссу, продолжает оставаться предметом споров среди топонимистов и историков. Для гидронимии Самарского Поволжья, ввиду частоты встречаемости данного форманта и его несомненной архаичности, вопрос о правомерности его выделения и этноисторической интерпретации является, пожалуй, фундаментальным.

Несмотря на давно выявленные и, на наш взгляд, очевидные факты, говорящие за признание форманта *ра* раннеиндоевропейским, до настоящего времени далеко не всеми ономастами разделяется не только такая интерпретация, но и вообще существование данного форманта в каком-либо языке, и, соответственно, его участие в топонимии.

Аргументы, используемые противниками выделения данного форманта в раннеиндоевропейской гидронимии и в гидронимии вообще, сводятся к следующему:

- широкое распространение финали *ра* в речных названиях, составляющих ареал, который не может быть убедительно интерпретирован как принадлежащий не только какой-либо группе родственных языков на определённом этапе их развития, но и семье языков;

- зафиксированное употребление данного форманта в речных названиях, заведомо происходящих из неиндоевропейских и из неродственных между собой языков;

- частая встречаемость данной финали в различных индоевропейских (исторических и современных) языках, в словах, где она заведомо не является отдельным формантом со специфическим значением. Здесь, правда, надо сразу же оговориться, что на тех территориях, где возможно присутствие индоариев в ту или иную историческую эпоху, финаль *ра*, даже заведомо не являясь топонимическим термином, может указывать на принадлежность топонима индоарийским языкам. Подобных примеров множество, приведём лишь несколько: река *Брахмапутра* в Индии («сын *Брахмы*» – здесь, вероятно, имеет место вторичная этимологизация), остров *Сокотра* в Индийском океане, у побережья Сомали (*Двина Сахада-ра* – «Остров Предвестия Удачи»).

Однако при ближайшем рассмотрении данные аргументы оказываются малоприменимы к конкретному гидронимическому материалу – как в Самарском Поволжье, так и в раннеиндоевропейской гидронимии вообще.

Во-первых, ещё в ходе известного спора между Б. А. Серебренниковым и А. И. Поповым относительно теории формантов была высказана мысль, которую, при использовании данного подхода, следует принять за аксиому: выделение того или иного гидронимического форманта должно

происходить строго в рамках исторически, этнически и географически обусловленного ареала, все остальные случаи его фиксации должны подвергаться тщательному комплексному анализу. Таким образом, при исследовании вопроса о возникновении и распространении форманта *ра*, скажем, в Поднепровье, целесообразно использовать гидронимический материал с данным формантом из Среднего Поволжья, поскольку на протяжении длительного времени данные территории входили в ареал одной этноисторической общности (праиндоевропейской, обозначавшейся И. Б. Васильевым как «среднестоговско-хвалынская»), и, напротив, неправомерно без предварительного анализа привлекать в качестве как примеров, так и контрпримеров гидронимы *Ангара*, *Вишера*, *Пахра* и так далее, то есть названия рек с тех территорий, которые в данный ареал не входили.

Во-вторых, наличие одного и того же форманта в гидронимической номенклатуре народов, говорящих на неродственных языках, явление не столь редкое в топонимике, чтобы на этом основании подвергать сомнению правомерность выделения того или иного форманта. Один пример: гидроформант *дон / тон / дан*, широко известный в индоевропейских, в особенности в иранских, языках и аналогичный гидроформант в юкагирском языке. Автохтонность происхождения указанного форманта у представителей обеих этноязыковых сред, равно как и правомерность его выделения, не вызывает сомнений (см. историю данного вопроса, с заочной полемикой А. П. Дульзона и Г. Н. Курилова у А. М. Малолетко [Малолетко, 2003]), а между тем вероятность такого независимого параллелизма на порядок ниже, чем в случае с формантом *ра*, если исходить из классического определения вероятности. Однако здесь нельзя игнорировать и возможность случайного совпадения: в юкагирском языке *-д-* является отдельной морфемой.

В-третьих, в существовании у индоевропейских народов в прошлом форманта *ра* в качестве самостоятельного гидронимического термина (что, кстати говоря, не является обязательным условием для лингвоэтнической интерпретации того или иного гидронимического форманта) убеждают следующие аргументы:

- фиксация данного форманта в качестве самостоятельного названия реки в «*Авесте*», «*Ригведе*» и у античных историков и географов, в частности, у Птолемея и Аммиана Марцеллина;

- распространение подобных гидронимов на территориях, для которых присутствие носителей архаичных индоевропейских диалектов не подвергается сомнениям, вне зависимости от гипотетического расположения «индоевропейской прародины»; например, река *Раа* в Башкортостане и *Рось* в Поднепровье; *Аранха* – иранское название Амударьи (сравните авестийское *Рангха*; *Рахси* – название кавказского Аракса в доскифскую эпоху); река *Рага* в Иране и ещё одна река с таким же названием, приток *Пянджа*, в Афганистане; *Рахамасты* – река в Горном Алтае, в непосредственной близости от ареала археологических памятников «пазырыкского типа»;

– установление исходной праформы для данного форманта, гидронимических и иных терминов: индоевропейского корня *рь / ри* со значениями «*передвигаться, идти, кочевать*» [Kretschmer, 1944, с. 55], откуда вариации гидронимического термина (см. ниже), а также *ratha* – «*безудержно продвигаться*» в митаннийском арийском; *ρέει, ροή* – «*течь, протекать*» в греческом; *раха* – «*путь*» в таджикском, бытует в словосочетании *об-раха* – «*путь воды*»; *rez, rehtan* в иранском «*течь, литься*»; *ристать* – в старорусском «*быстро двигаться, ездить*», также в русском языке слова *рысь, рыца, рыскать*; *risch* – «*проворный, быстрый*» в средневерхненемецком; *risčià* – «*бежать рысью*» в литовском; *ratha* – «*колесница*» на санскрите; *raθa* – «*колесница*» на авестийском; *rith* – «*бежать, быстро двигаться*» в ирландском.

– бытование данного названия в современных мордовских языках, только применительно к Волге в форме *Рав / Рау / Раво / Рава*;

– фиксация данного либо фонетически близкого термина в самостоятельном гидронимическом значении, как в исторических, так и в современных индоевропейских языках: в авестийском – *ravan* в значении «*река*»; в хотано-сакском *raha* – «*река*»; в латышском *rova / rava* – «*лужа*», *rava / revas* – «*глубокое место в воде*», *raava* – «*водопад*»; в литовском *ravas* – «*овраг, в том числе, обводнённый*», *revos* – «*порог (на реке)*»; наконец, наиболее показательный пример – в талышском: *ру* – «*река*».

Приведённые аргументы дают основание полагать, что выделение подобного форманта для ряда архаичных индоевропейских языков и бытование его в них в качестве самостоятельного гидронимического термина, активно участвовавшего в топонимизации, не вызывает сомнений. Здесь надо отметить, что семантическая связь «*река – движение*» вообще характерна для индоевропейских языков, хотя и редко встречается внутри какого-либо одного, отдельно взятого языка.

Это, безусловно, не означает, что все вопросы относительно данного форманта и его этноисторической интерпретации разрешены. Так, далеко не во всех случаях можно достоверно различать, к какому гидронимическому пласту относится то или иное название – к архаичному индоевропейскому или более позднему балтскому. Характерным примером такой неопределённости является гипотеза Ф. И. Гордеева о происхождении античного названия Волги из балтских языков, с заимствованием из них же в мордовские [Гордеев, 1969, с. 129]. И хотя в данном конкретном случае, как нам представляется, разграничение всё же возможно и балтские языки в качестве первоисточника здесь надо исключить – исходя из семантических вариантов бытования в них гидронимических терминов с основой *рава*, в случае названий небольших речек всё не так очевидно.

Близко соотносится с данным вопросом и дискуссия вокруг форманта *руд / руда* в восточноевропейской гидронимии. Гипотеза Н. Л. Членовой, выдвинутая ей в известной работе, об иранском происхождении данного форманта, поддержанная В. И. Абаевым, неоднократно подвергалась резкой и, в целом, обоснованной критике (см., напр., С. Р. Тохтаев, в разделе

«Дискуссии» в книге Л. С. Клейна «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов» [Клейн, 2007, с. 200]), которая сводилась к фактам достоверной трактовки подобного типа гидронимов от славянского руда – «красноватый, рыжий». Однако, надо полагать, что и здесь всё не так однозначно: ведь, наряду с иранскими гидронимами Герируд, Сефидруд, Шахруд, в которых формант руд имеет значение «река», подобное значение фиксируется и в современных балтских языках: сравните, в латышском *rudynas* – «ручей». Помимо этого, непререкаемый научный авторитет автора гипотезы – одного из ведущих отечественных археологов и крупнейшего отечественного ираниста – сам по себе обязывает отнестись к ней с повышенным вниманием.

В Самарском Поволжье пласт гидронимии с формантом *ra* представлен названиями: *Самара, Кубра, Чагра, Сестра, Ра* (историческое название Волги)². Данный список может быть существенно расширен за счёт реконструируемых форм (напр., в ряде источников *Кондурча – Кондура*), кроме того, в русском языке происходит активное включение суффикса к в данный формант – в особенности, в тех случаях, когда на соответствующих реках основаны одноимённые города. Сравните: река *Самара* в разговорной речи жителей города в большинстве случаев фигурирует как *Самарка*, в ряде случаев подобные изменения закрепились в официальной топонимической номенклатуре. В каждом отдельном случае здесь, конечно, необходимо специальное исследование, с привлечением максимально широкого круга источников. На данном этапе исследований можно отметить, что, исходя из историко-археологических и лингвистических предпосылок, с учётом топонимических закономерностей, пласт гидронимии на *ra* в Самарском Поволжье является наиболее архаичным и может восходить к эпохе освоения данной территории носителями индоевропейских диалектов, то есть, согласно современным этноисторическим концепциям, ко временам хвалынской археологической культуры [Васильев, 1999]. Новейшими исследованиями самарских археологов подтверждается, что в самарско-хвалынскую эпоху территория Самарского Поволжья была плотно заселена: поселения и могильники с материалами, имеющими надёжные параллели в самарских и хвалынских памятниках, обнаружены практически на всех крупных реках региона [Археологические открытия..., 2017, с. 17]. А это, в свою очередь, означает, что уже в это время здесь должна была сформироваться развитая топонимическая номенклатура.

2.3. Формант *kub / kob / koba*

Гидроформант *kub / kob / koba*, относится, по всей видимости, также к древнеиндоевропейским. О его неоднозначности в различных индоевропейских языках мы уже говорили. Интересно также коснуться вопроса о бытовании данного гидроформанта в качестве самостоятельного гидроними-

² Следует помнить, что историческое название Волги – *Ра* – так же явно выводится из древнечувашского *Bpa* – «река», являющегося, в свою очередь, рефлексом общетюркского *YRYK* – «поток, ручей, река».

ческого термина в ряде тюркских языков и диалектов. В ряде диалектов башкирского языка (у камеликских башкир в Саратовской области), а также в казахском и каракалпакском языках термин *купа / копа* может означать «заросли камыша; мелководное озеро, болотистая местность, заросли камыша и куги» [Камалов, 1997, с. 197]. В целом, карта распространения данного гидротермина в тюркских языках, как мы полагаем, указывает на возможное заимствование в тюркские языки данного термина из какого-то среднеазиатского иранского языка. Также в ряде тюркских языков распространён географический термин *кобу* – «ложбина (без реки)» и лишь в отдельных диалектах азербайджанского языка встречается значение для данного термина «*речка, по которой может проплыть лодка*» [Севортян, 1990, с. 47]. Учитывая локальность встречаемости такого значения, в этом случае также высока вероятность заимствования, предположительно, из какого-то иранского языка, возможно, азербайджанского. Исходя из материалов монгольского, чувашского, якутского языков в сравнении с кыпчакскими языками, представляется, что фонема *к* присутствовала в общем тюрко-монгольском языке, а в ряде языков, например, якутском, была впоследствии трансформирована в *х* [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 146–147, 154–155; Сравнительно-историческая ..., 1988, с. 11–12]. В отделившемся пратюркском языке фонема *к* также присутствовала, являясь одним из показателей собственно выделения, но, по всей видимости, оставалась малоупотребительной. В тюркских словах, относящихся к базовой лексике соответствующих языков, фонема *к* сохранилась.

В ряде источников (см., напр., [Kretschmer, 1944]) указывается, что термин *коба* присутствует в тюркских языках в значении углубление в земле, иногда – пещера. Термин вообще имеет широкое распространение в казахской топонимии, однако классик казахской топонимической науки Г. К. Конкашпаев однозначно утверждал, что названия с подобной основой на казахском языковом материале не этимологизируются [Конкашпаев, 1963, с. 59].

В связи с тем, что казахская топонимия имеет достаточно широкое распространение в Оренбуржье, представительную выборку мнений топонимистов о природе термина *коба / копа* в тюркских языках приводит Б. А. Моисеев [Моисеев, 2013, с. 100]. Сам исследователь пишет, что слово *копа* в казахском языке является географическим термином и означает местность, заливаемую водой в половодье. Е. Койчубаев приводит несколько иную трактовку термина: *копа* – это солончак, поросший камышом и кугой. Э. М. и В. Г. Мурзаевы в специальной работе, посвящённой местным географическим терминам, пишут: «*Копы* – болото, мелкое озерко, покрытое тростником и другими влаголюбивыми растениями (копа – слово казахское)» [Мурзаев, Мурзаева, 1959, с. 115].

В. М. Иллич-Свитыч реконструировал для гипотетического алтайского языка термин *goba / gobi* со значением «полый, пустой». В собственно тюркских языках данный термин зафиксирован с фонемой *в* вместо *б*. Впрочем, древнетюркский лексический фонд подобного термина не содержит, как и вообще не имеет близкого слова с гидронимическим значением

[Севортян, 1990, с. 61]. Возможно, в данном случае к общей праформе с указанным значением исследователей приводил тюркский зооним *кабан* с семантикой «роющий землю, копающий вниз» (данное слово в русском и других славянских языках является заимствованным; ср. у славян: *вепрь*, *секач*, *пороз*). Однако подобная этимология зоонима нуждается, во-первых, в дополнительной аргументации, во-вторых, по нашему мнению, в тюркских языках данный зооним также является заимствованным. Так, он распространён не во всех тюркских языках: у чувашей и, по всей видимости, у огурских тюрков вообще, *кабан* обозначается словосочетанием *хир сысни*, то есть «степная (дикая) свинья», где *сысна* есть заимствование из какого-то архаичного индоевропейского диалекта, от *sūs* – «свинья». В конечном счёте, нельзя исключать заимствование и термина *кабан* тюрками из какого-то индоевропейского языка, однако исходная форма и семантика термина здесь трудно восстановимы. В особенности интересен данный вопрос в свете этимологий лимнонима *Кабан* на территории Казани, топонима *Кубань-озеро* и ряда других названий с подобной основой в Самарской области. Однако более вероятно то, что топонимы с формой *Кабан* ничего общего со свиньей не имеют. Так, в бурятской топонимике имеется *Кабанский район* – отнюдь не передовик по свиноводству.

В ряде источников декларируется, что термин *koban* бытовал в среде болгар, в том числе волжских, в значении «река» [Барашков, 1996, с. 63]. Отметим, что гидронимическая номенклатура территории бывшей Волжской Булгарии подтверждений данной гипотезе не представляет [Беленов, 2016]. По всей видимости, основанием для подобных утверждений стало наличие данного термина в карачаево-балкарском языке в форме *къобхан* со значением «разливающийся бурный поток» [Трубачёв, 1962]. В этногенезе данных тюркских народов действительно принимали участие болгары, однако значительность данного участия до сих пор остаётся предметом дискуссий. Карачаево-балкарский язык относится к кыпчакским языкам, также выделяется в нём и смешанный кавказский субстрат. К данному субстрату, по нашему мнению, следует отнести и рассматриваемый термин, который, кроме прочего, вполне может восходить к индоевропейскому названию крупнейшей реки региона – Кубани, впоследствии ставшем нарицательным в местных языках. Таким образом, имеется основание считать, что собственно к болгарскому языку и, тем более, к диалектам волжских болгар, данный термин отношения не имеет.

Возвращаясь к индоевропейской природе данного термина, хотелось бы проследить его семантику с возможными вариациями в исторических и современных индоевропейских языках. Как нами уже отмечалось, семантика эта прямо противоположная: в древних индоиранских диалектах она относится к обозначению гидрообъектов: древнеиндийское *kubha*, праиндоевропейское *kuba* / *koba*; в современных балтских языках – к обозначению возвышенностей и горных вершин: литовское *kubure*; *kuburys* – «куча, гряда»; литовское, латышское *kauburs* – «кочка»; литовское *kubrys* – «вершина»; литовское *kopa*, латышское *kapa* – «холм, бугор»; литовское *kaubre* – «гора»; латышское *kaupre*, литовское *kaupa* – «возвышенное ме-

сто». Впрочем, иногда в балтских языках данный термин используется и для обозначения отрицательных форм рельефа, сравните: литовское *kora*, латышское *kara* – «овраг» [Невская, 1977, с. 109]. Как в связи с этим не вспомнить замечание И. С. Тургенева в «Записках охотника» о том, что в Орловской губернии верхом называется овраг, то есть и здесь наблюдается, казалось бы, алогичная связь, когда отрицательная форма рельефа называется верхом. А также встречается ряд диалектных значений данного термина с «окологидронимической» семантикой, сравните: латышское *kaara* – «берег»; литовское, латышское *kora / kara* – «песчаная дюна».

Как представляется, пути семантических изменений в ходе исторического развития индоевропейских языков здесь могли быть следующими. Во-первых, если принять точку зрения О. Н. Трубачёва [Трубачёв, 1999, с. 93] о том, что данный гидроформант восходит к индоарийскому *kuba* со значением «извилистая», то семантика «извилистый, с изогнутыми очертаниями», в широком смысле, также может быть применима и к обозначению гор, и возвышенностей. Во-вторых, следуя в русле славянской гидронимической традиции, отмеченной Н. И. Толстым [Толстой, 1969, с. 211], которая, в определённой степени, была не чужда и балтам, данный термин вначале мог применяться для обозначения форм донного рельефа. В результате семантической эволюции, впоследствии, термин *kuba* мог распространиться и на положительные формы рельефа вообще. Наконец, в-третьих, и эта гипотеза представляется нам наиболее вероятной, данный термин в ранних индоевропейских языках или, быть может, в индоевропейском праязыке, имел абстрактное значение, применявшееся, в том числе, и для обозначения географических объектов. В дальнейшем его семантическое развитие в географической лексике отдельных индоевропейских языков шло обособленно, с возможными пересечениями семантических полей ввиду сложной истории отношений, как между самими индоевропейскими языками, так и их носителями. Для индоиранских языков, как нам представляется, более всего подходит значение, реконструируемое для данного термина М. Фасмером и П. Кречмером, которые сближали его с древнеиндийским *kubha* – влагообильная [Фасмер, 1986, с. 336]. К этому же значению, надо полагать, восходят русские слова *капля*, *купание*. В реконструированном же общеиндоевропейском значении мы склонны трактовать данный термин как выражение обобщения, собирательности – откуда и влагообильная может трактоваться как «собирающая, собравшая влагу». Тогда балтские оронимические термины можно рассматривать в семантическом значении «гора, возвышенность» – «собранный земля». Возможно, данное древнейшее значение индоевропейского термина с основой *kap / kor* сохранилось в латышском *kora* со значением «вместе», русском *копить* в значении «собирать что-либо»; украинском *купа* польском *kupa*, болгарском *купчина*, словенском *kip*, греческом *σῶρος* – «куча», особенное внимание обращает на себя курдское *kobani* со значением «соединение, скопление, союз».

Наконец, надо отметить, что, возможно, такие семантические противопоставления вообще являются особенностью индоевропейских языков.

Так, рассмотренная нами гидронимическая индоевропейская изоглосса *str* получает неожиданную интерпретацию в сербохорватском *стрмо* – «круча; крутизна».

В Самарском Поволжье ярким примером гидронимов с подобной основой является название *Кубра*, в котором сочетаются древнеевропейская основа *kub/kob/koba* и древнеиндоевропейский формант *ra*, рассмотренный нами выше. Прочие немногочисленные примеры гидронимов с данной основой с территории Самарского Поволжья нуждаются в тщательной проверке на предмет их возможного тюркского происхождения.

2.4. Формант *don / dan / danu*

Необходимо рассмотреть ещё один из известнейших индоевропейских гидроформантов *don / dan / danu*, который в современной топонимической традиции прочно и по праву связывается с сармато-аланской этноязыковой средой, но в прошлом, как мы увидим в дальнейшем, имел много более широкое распространение.

О бытовании данного гидроформанта в индоиранской среде можно судить по упоминаниям его, чаще всего, в качестве самостоятельного слова, в древнейших индоарийских и иранских памятниках. По-видимому, в иранских языках данный формант оставался топогенетичным долее всего, тогда как в индоарийских, на этапе письменной фиксации этих языков, а, вероятно, гораздо ранее, уже утратил эту функцию. Впрочем, для древнеиндийского всё же характерно слово *danu* со значением «роса; влага; капель; капля; сок» (причём, «фруктовый сок», как правило, *rasa*), что свидетельствует о том, что данный гидроформант мог быть характерен и для индоариев.

В «Авесте» данный гидроформант, по мнению большинства учёных, сохраняет значение «река», однако степень его участия в топонимизации невелика, что позволило В. И. Абаеву предположить, что данное слово в памятнике вообще является именем собственным: «Немногие места в «Авесте», где встречается слово *danu*-, дают право утверждать, что речь идёт не нарицательно о реке вообще, а об определённой реке» [Абаев, 1979]. Сам В. И. Абаев считал, что под этим названием в «Авесте» фигурирует *Сырдарья*.

В то же время, Ф. Х. Л. Бартоломе в своём словаре даёт для авестийского *danav* значение «река» вообще, безотносительно к какой-то определённой реке [Bartholomae, 1895, с. 57].

Вообще говоря, гидроформант в определённых обстоятельствах вполне может стать именем собственным для конкретной реки, часто с последующим приданием ему вновь нарицательной функции. Возможно, именно так обстоит дело с гидронимом в Средней Азии, передававшимся античными авторами идентично причерноморскому гидрониму – *Танаис*. Имела ли здесь в действительности место полная идентичность названий, или она представлялась таковой в сознании античных авторов, приспособивших новую географическую информацию, полученную в ходе походов Александра Македонского, к устоявшейся картине мира – для нашей

темы не столь важно. Важным представляется факт, что в авестийском языке, наряду с гидроформантами *rangha / rauda* и *ap / op* для обозначения водных объектов, продолжал бытовать и формант *danu / danav*. Гидронимия Южной Сибири свидетельствует, что данный формант оставался топогенетичным в каких-то местных иранских языках, вероятно, предковых для савромато-сарматских [Малолетко, 2003, с. 105].

Показательно, что в гидронимии Восточной Европы данный гидроформант связан именно с сармато-аланским миром, что подтверждается рядом сильных аргументов. Во-первых, гидронимия с формантом *don / dan / danu* маркирует продвижение сармато-аланских племён с востока на запад в хорошей корреляции с данными исторических письменных источников и археологическими материалами. Во-вторых, данный гидроформант до сих пор является топогенетическим в языке-потомке аланского языка – осетинском.

Здесь же следует отметить, что попытки ряда исследователей распространить бытование данного форманта также и на скифский язык выглядят неубедительными: среди названий рек Скифии, приведённых Геродотом, данный формант содержит лишь один гидроним – *Танаис*. Однако известно, что именно *Танаис* являлся пограничной рекой между скифами и савроматами и вполне мог носить савроматское название. Этот же факт указывает на то, что рассматриваемый гидроформант являлся общим для савроматов, сарматов и алан и оставался топогенетическим в их среде на протяжении, по меньшей мере, тысячелетия. Последовательно гипотезы об общей скифо-сарматской гидронимической номенклатуре в Северном Причерноморье придерживался В. И. Абаев, составивший также общий словарь «скифо-сарматских» наречий и достаточно категорично утверждавший, что в случае скифского и сарматского языков мы имеем дело с диалектами одного языка [Абаев, 1979]. Не рассматривая вопрос столь глобально, отметим ещё раз, что относительно гидронимии и гидронимических формантов у скифов и сарматов такое утверждение неверно: если сарматская гидронимия уверенно маркируется формантом *дон / дан*, то скифская гидронимия, насколько сейчас можно судить, общих формантов не имела, либо они не были столь широко распространены и всеобъемлющи. Данный вывод никоим образом не может повлиять на споры вокруг классификации и взаимном отношении друг к другу скифского и сарматского языков: топонимика знает примеры изменения функций и форм бытования гидронимических формантов в одних и тех же этноязыковых средах на разных этапах их исторического развития.

Так, тот же рассматриваемый нами гидроформант *don / dan / danu* обнаруживает явные следы бытования и в других индоевропейских языках, однако в специфических формах. В кельтской топонимической традиции формант *дон / дан / дун* фигурирует, главным образом, в ойконимии, где его значение может быть реконструировано в форме «поселение у воды / у реки; водосборник» (по альтернативным версиям, от *dun* – «укрепление» или даже «жилой холм»; от *dinas* – «гавань» и т. д.), что нашло отражение в таких кельтских ойконимах как Сингидун, Лондон и так далее.

В дополнительной проверке нуждается связь данного гидроформанта с кельтскими лексемами – валлийской *don* и ирландской *tonn*, имеющими значение «волна».

Известен данный гидроформант был и древним грекам, однако его топогенетичность проявлялась, в основном, в наименовании мифических географических объектов. Сравните: *Фермодон* (*Термодон*) – легендарная река амазонок, хотя и имеющая реальные аналогии, наиболее обоснованная из которых – река *Терма* в современной Турции, являющаяся, конечно, мифическим объектом, в чём не оставляют сомнений её описания у ряда авторов; *Эридан* – крупная река античной мифологии, иногда идентифицируемая с реальными объектами (напр., с Нилом), однако также имеющая чисто мифическое происхождение, что подтверждает и Страбон [Страбон, 1964], говоря, что «...Эридана нет нигде на Земле». Имеется также небольшая речка, протекающая через город Афины, которая носит название *Эридан*, однако здесь мы, вероятнее всего, имеем дело с вторичной номинацией, которая восходит к мифологической праформе.

Все указанные формы бытования данного форманта в топонимии различных индоевропейских народов, возможно, являются отголосками более широкого, может быть, общеиндоевропейского его распространения. Дополнительным, хотя и спорным, аргументом в этой связи может выступать также ближневосточный гидроним *Иордан*, который, согласно одной из версий, восходит к какому-то индоевропейскому языку (возможно, языку филистимлян) [Иванов, 1988].

Кроме того, иранское население достаточно долгое время присутствовало на Ближнем Востоке – в VII веке до н. э. скифы вторглись в Палестину, в Иорданской долине существовал город Скифополь (современный Бейт-Шеан), где остались жить скифские воины-ветераны, при нём же существовало кладбище умерших от эпидемии скифов [Мартынов, Алексеев, 1986, с. 111]. Хронологически возникновение гидронима возводить к этому периоду нельзя, однако фонетическая калька здесь вполне возможна. В интерпретации иранского населения гидроним *Иордан* можно восстанавливать в форме *Yардан*, что, в свою очередь, этимологизируется из иранских языков как *Varu-Danu* – «Широкая река», что семантически по отношению к Иордану вполне оправдано в контексте ближневосточных гидрологических реалий.

Отсутствие на территории Самарского Поволжья ряда распространённых в индоевропейских этноязыковых средах гидронимических изоглосс – причём, в тех случаях, когда историко-культурные данные указывают на этноязыковую близость местного населения с населением других территорий, в топонимической номенклатуре которых данные изоглоссы объективно присутствуют – можно объяснить как разницей в топонимической парадигматике, так и высоким уровнем этноязыковой преемственности, когда предыдущий – преимущественно, индоевропейский же – гидронимический пласт признавался последующим индоевропейским населением «своим», с возможным сохранением первичной этимологизации. Именно этим, по-видимому, можно объяснить отсутствие

на территории Самарского Поволжья типичного савромато-сарматского гидроформанта *тон / дон / дан*, достаточно широко распространённого на других территориях, население которых в указанную эпоху обнаруживает явные этноязыковые связи с савромато-сарматами Средней Волги.

3. Заключение

Проведённое исследование ряда характерных для ранних индоевропейцев гидронимических формантов в связи с гидронимией и этнической историей Самарского Поволжья позволяет сделать ряд выводов. Одной из наиболее распространённых изоглосс являются устойчивые сочетания ряда фонем в индоевропейских языках, гипотетически возводимые к одной форме *sr / tr* со значением «течь, текущий». Наиболее архаичным и значимым для макро- и мезогидронимии исследуемого региона является формант *ra*. Другие проанализированные гидронимические форманты и изоглоссы – *kub / kob / koba* и *don / dan / danu* – существовали параллельно с *ra* либо включились в топонимический процесс на более поздних этапах индоевропейского освоения Самарского Поволжья. Приведённые с данными формантами примеры и их этноисторическая интерпретация подтверждают гипотезу о том, что основная гидронимическая номенклатура Самарского Поволжья была сформирована в раннеиндоевропейской этноязыковой среде в периоды развития самарской, хвалынской, древнеямной, полтавкинской и срубной археологических культур.

Список литературы

1. Абаев, В. И. Скифо-сарматские наречия [Текст] / В. И. Абаев // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 315–354.
2. Археологические открытия в Самарской области 2016 года [Текст] / под ред. А. Ф. Кочкиной, Д. А. Сташенкова, В. А. Цибина. – Самара, 2017. – 24 с.
3. Барашков, В. Ф. Самарская топонимика [Текст] / В. Ф. Барашков, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов. – Самара : СамГУ, 1996. – 192 с.
4. Беленов, Н. В. Гидронимия «балтского типа» в Самарском Поволжье [Текст] / Н. В. Беленов // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 3 (3). – С. 129–132.
5. Беленов, Н. В. Топонимия Волжской Булгарии в этноисторическом контексте [Текст] / Н. В. Беленов. – Самара : Офорт, 2016. – 286 с.
6. Васильев, И. Б. Расцвет энеолитических культур в Волго-Уральской лесостепи [Текст] / И. Б. Васильев // Комплексные общества в Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к междунар. конф. / под ред. Д. Г. Зданович, Н. О. Иванова, И. В. Предеина. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1999. – С. 90–96.
7. Гаджиева, Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис [Текст] / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1986. – 285 с.
8. Герценберг, Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках [Текст] / Л. Г. Герценберг. – Л. : Наука, 1972. – 275 с.

9. Гордеев, Ф. И. О происхождении гидронима Волга [Текст] / Ф. И. Гордеев // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 122–129.
10. Горнунг, Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства [Текст] / Б. В. Горнунг. – М. : Наука, 1963. – 353 с.
11. Гройле, А. «Ономастическая археология» (на материале топонимии Германии) [Текст] / А. Гройле // Вопросы ономастики. – 2015. – № 2. – С. 101–113.
12. Иванов, В. В. Балто-славяно-тохарские изоглоссы [Текст] / В. В. Иванов // Балто-славянские исследования 1986. – М. : Наука, 1988. – С. 45–60.
13. Камалов, А. А. Башкирские географические термины и топонимия. [Текст] / А. А. Камалов. – Уфа : Китап, 1997. – 384 с.
14. Клейн, Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов [Текст] / Л. С. Клейн. – СПб., 2007. – 226 с.
15. Конкашпаев, Г. К. Словарь казахских географических названий [Текст] / Г. К. Конкашпаев. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963. – 185 с.
16. Малолетко, А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимии : Т. 3. Арийцы [Текст] / А. М. Малолетко. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2003. – 288 с.
17. Мартынов, А. И. История и палеоантропология скифо-сибирского мира [Текст] / А. И. Мартынов, В. П. Алексеев. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1986. – 144 с.
18. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. – М.-Л. : Наука, 1938. – 428 с.
19. Моисеев, Б. А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимический словарь [Текст] / Б. А. Моисеев. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. – 380 с.
20. Мурзаев, Э. М. Словарь местных географических терминов [Текст] / Э. М. Мурзаев, В. Г. Мурзаева. – М. : Гос. изд-во географической литературы, 1959. – 303 с.
21. Невская, Л. Г. Балтийская географическая терминология [Текст] / Л. Г. Невская. – М. : Наука, 1977. – 229 с.
22. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков [Текст] / Э. В. Севортян. – М. : Восточная литература РАН, 1974–2003. – 5099 с.
23. Серебренников, Б. А. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР [Текст] / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1955. – № 6. – С. 19–31.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология [Текст] / под ред. Э. Р. Тенишева. – М. : Наука, 1988. – 560 с.
25. Страбон. География в 17 книгах [Текст] / Страбон / пер. и комм. Г. А. Страбановского. – М. : Наука, 1964. – 944 с.
26. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды [Текст] / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1969. – 262 с.
27. Топоров, В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья [Текст] / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачёв. – М. : АН СССР, 1962. – 271 с.
28. Трубачёв, О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье [Текст] / О. Н. Трубачёв. – М. : Наука, 1999. – 320 с.

29. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер / перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1986. – 3304 с.
30. Членова, Н. Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н. э. [Текст] / Н. Л. Членова // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 225–240.
31. Шпрамм, Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках [Текст] / Г. Шпрамм. – М. : Eastern Communications, 1997. – 160 с.
32. Bartholomae, F. C. L. Avestasprache und Altpersisch [Text] / F. C. L. Bartholomae. – Straßburg : GHB, 1895. – 296 S.
33. Krahe, H. Unsere ältesten Flussnamen [Text] / H. Krahe. – Wiesbaden : NDB, 1964. – 198 S.
34. Kretschmer, P. Inder am Kuban [Text] / P. Kretschmer // Anzeiger der Akademie der Wiss. n in Wien Philos. hist. Klasse. 80. – Jahrgang, 1943 ; Brunn. – Munchen. – Wien, 1944.

References

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiya [Scytho-Sarmatian languages]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskii yazyki* [The outline of Iranian languages studies. Old Iranian languages] (pp. 315–354). Moscow : Nauka Press.
2. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Tsibin, V. A. (eds) (2017). *Arheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2016 goda* [Archaeological discoveries in Samara Region in 2016]. Samara.
3. Barashkov, V. F., Dubman, E. L., Smirnov, Yu. N. (1996). *Samarskaya toponimika* [Samara toponymics]. Samara : SamGU Press.
4. Belenov, N. V. (2017). Gidronimiya «baltского типа» в Самарском Поволжье [Hydronyms "Balt type" in the Samara-Volga Region]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 9 (3-3), 129–132.
5. Belenov, N. V. (2016). *Toponimiya Volzhskoy Bulgarii v etnoistoricheskom kontekste* [Volga Bulgaria toponymy in ethnic and historical context]. Samara : Ofort Press.
6. Vasilyev, I. B. (1999). Rastsvet eneoliticheskikh kul'tur v Volgo-Uralskoy lesostepi [The blossoming of the Aeneolithic culture in Volga-Ural forest-steppe]. In D. G. Zdanovich, N. O. Ivanova, I. V. Predeina (eds), *Kompleksnye obshchestva v Tsentral'noy Evrazii v III–I tys. do n. e.* [Complex communities in Central Eurasia in III–I millennium BC] (pp. 90–96). Chelyabinsk : Chelyabinsk State University Press.
7. Gadzhieva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative-historic grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow : Nauka Press.
8. Gercenberg, L. G. (1972). *Morfologicheskaya struktura slova v drevnikh indoiranskikh yazykakh* [Morphological word structure in Old Indo-Iranian languages]. Leningrad : Nauka Press.
9. Gordeev, F. I. (1969). O proishozhdenii gidronima Volga [The origin of the hydronym «Volga»]. *Onomastika Povolzhya* [Onomatology of Volga Region] (pp. 122–129). Ulyanovsk.

10. Gornung, B. V. (1963). *Iz predystorii obrazovaniya obshcheslavyanskogo yazykovogo edinstva* [The history of forming All-Slavic-languages unity]. Moscow : Nauka Press.
11. Greule, A. (2015). «Onomasticheskaya arheologiya» (na materiale toponimii Germanii) [«Onomastic Archaeology» (with Reference to German Toponymy)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2, 101–113.
12. Ivanov, V. V. (1988). Balto-slavyano-toharskie izoglossy [Baltic-Slavic-Tocharian isoglosses]. *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Studies of Baltic and Slavic languages] (pp. 45–60). Moscow : Nauka Press.
13. Kamalov, A. A. (1997). *Bashkirskie geograficheskie terminy i toponimiy* [Geographic terms of Bashkiria and toponymics]. Ufa : Kitap Press.
14. Klein, L. S. (2007). *Drevnie migratsii i proishozhdenie indoevropeiskikh narodov* [Old migrations and the origin of the Indo-European peoples]. St-Petersburg.
15. Konkashpaev, G. K. (1963). *Slovar' kazahskikh geograficheskikh nazvaniy* [The dictionary of the Kazakh geographic names]. Alma-Ata : AN KazSSR Press.
16. Maloletko, A. M. (2003). *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannym toponimiki. T. 3 : Ariytsy* [The ancient peoples of Siberia. Ethnic groups according to the data from toponymics. Vol. 3 : Aryans]. Tomsk : Tomsk University Press.
17. Martynov, A. I., Alekseev, V. P. (1986). *Istoriya i paleoantropologiya skifo-sibirskogo mira* [The history and paleoanthropology of the Scythian-Siberian world]. Kemerovo : Kemerovo State University Press.
18. Meye, A. (1938). *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeyskikh yazykov* [Introduction into the comparative study of Indo-European languages]. Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
19. Moiseev, B. A. (2013). *Mestnye nazvaniya Orenburgskoy oblasti. Istoriko-toponimicheskiy slovar'* [Local geographic names of Orenburgskaya Region. Historic-toponymic dictionary]. Orenburg : OGPU Press.
20. Murzaev, E. M., Murzaeva, V. G. (1959). *Slovar' mestnykh geograficheskikh terminov* [The dictionary of local geographic terms]. Moscow : Gos. izd-vo geograficheskoy literatury Press.
21. Nevskaya, L. G. (1977). *Baltiyskaya geograficheskaya terminologiya* [Baltic geographic terminology]. Moscow : Nauka Press.
22. Sevortyan, E. V. (1974–2003). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow : Vostochnaya literatura RAN Press.
23. Serebrennikov, B. A. (1955). Volgo-Okskaya toponimika na territorii evropeyskoy chasti SSSR [Volga-Oka toponymics in the European part of the USSR]. *Voprosy yazykoznaiya* [Topics in the Study of Language], 6 19–31.
24. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya. (1988). [Comparative-historic grammar of Turkic languages. Morphology]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow : Nauka Press.
25. Strabonis (1964). *Geografiya v 17 knigah* [Geographica in 17 books]. Translation and comments by G. A. Stratanovskiy. Moscow : Nauka Press.
26. Tolstoy, N. I. (1969). *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic geographic terminology. Semasiological essays]. Moscow : Nauka Press.

27. Toporov, V. N., Trubachyov, O. N. (1962). *Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verhnego Podneprovya* [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper lowlands]. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press.
28. Trubachyov, O. N. (1999). *Indoarica v Severnom Prichernomor'ye* [Indoarica in Northern Black Sea coast]. Moscow : Nauka Press.
29. Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Russian dictionary] / Translation and additions by O. N. Trubachyova. Moscow : Nauka Press.
30. Chlenova, N. L. (1989). Volga i Yuzhnyy Ural v predstavleniyah drevnih irantsev i finno-ugrov vo II – nachale I tys. do n. e [Ideas of the earliest Iranians and Finno-Ugrians about the Volga basin and the Southern Urals in the second and early first millennia B. C.]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 2, 225–240.
31. Shramm, G. (1997). *Reki Severnogo Prichernomor'ya. Istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvaniy v rannih vekah* [The rivers of Northern Black Sea coast. Historical and philological study of their names in early centuries]. Moscow : Eastern Communications.
32. Bartholomae, F. C. L. (1895). *Avestasprache und Altpersisch*. Straßburg : GHB.
33. Krahe, H. (1964). *Unsere ältesten Flussnamen*. Wiesbaden : NDB.
34. Kretschmer, P. (1944). Inder am Kuban. *Anzeiger der Akademie der Wiss. n in Wien Philos. hist. Klasse. 80. – Jahrgang, 1943* ; Brunn. – München. – Wien.

УДК 811.112.2
UDC 811.112.2

Зубарева Екатерина Олеговна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina O. Zubareva
Perm State University
Perm, Russian Federation
fialka21-85@mail.ru

МОДЕЛЬ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА **THE MODEL OF MIGRATION DISCOURSE**

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется миграционный дискурс как главный объект изучения нового направления в языкознании – миграционной лингвистики. Актуальность изучения миграционного дискурса связана со стремительно растущими миграционными потоками. Миграция влияет на все сферы человеческой деятельности и является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер. Это приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии в социуме. Объектом исследования является модель миграционного дискурса, цель – представить миграционный дискурс как особый тип дискурса через его жанровую модель и его модули.

Abstract

The current article aims to analyze migration discourse as the main object for studies performed in the new direction in linguistics – migration linguistics. The relevance of migration discourse research is determined by rapidly growing migration flows. Migration affects all spheres of human activities and it is the cause of language conflict aggravation and increase of verbal aggression, which detrimental consequences cannot be managed only by political or legal measures. This leads to an increase in the level of intolerance, xenophobia and migrant-phobia in society. The results obtained during this study enabled to design the model of migration discourse with the goal to present it as a special type of discourse through its genre model and its modules.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, жанровая модель, модули миграционного дискурса, социальная практика.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, genre model, modules of migration discourse, social practice.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45

1. Введение

В связи с процессами глобализации темы миграции [Triandafyllidou, 2018; Абылкаликов, 2018] и социальной мобильности¹ [Барсегян, 2016; Lipset, 2018] становятся актуальными для многих гуманитарных наук. В области лингвистических исследований тема миграции и её влияние на язык также находит отражение и вызывает повышенный интерес, что привело к формированию нового направления – миграционной лингвистики [Erfurt, Budach, Hofmann, 2003; Krefeld, 2004; Stehl, 2011; Tretow, 2017; Gugenberger, 2018].

Стремительные темпы и масштабы миграции, вызванные политической и экономической нестабильностью в мире, природными и экологическими катаклизмами, вооружёнными столкновениями и другими причинами приводят к образованию большого количества этнокультурных анклавов² и увеличению международных и межнациональных контактов, что и обусловило становление миграционной лингвистики как самостоятельного направления, где особую значимость приобретает изучение динамических языковых процессов в аспекте влияния языка титульной нации на язык мигрантов и наоборот. «Увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы..., наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин, 2012, с. 136; Лебедько, Дударёнок, 2013; Geraghty, Conacher, 2014]. Г. Г. Гамзатов, рассматривая актуальные проблемы особенностей изучения двуязычия, трёхязычия и многоязычия, подчёркивает, что «проблема языковой действительности и миграционных процессов нуждается во всестороннем комплексном и более глубоком изучении, осмыслении и обосновании» [Гамзатов, 2005, с. 3; Extra, Verhoeven, 2011].

Миграционная лингвистика как самостоятельное направление может описать динамические языковые процессы, вызванные миграционными потоками, причём как в принимающем обществе, так и в языковой среде мигрантов. Она способна выработать общие методы и методику анализа языковых трансформаций, а также помочь в вопросах регулирования национальной языковой безопасности, разработать концепции оптимальной языковой адаптации мигрантов и подготовить общество к принятию большого количества мигрантов, моделируя те или иные коммуникативные ситуации.

Динамические языковые процессы могут быть выражены в виде упрощения грамматического строя, расширения семантического потенциала языковых единиц, метафорического переосмысления, ошибок, переходящих в норму, появления новых лексических единиц. Миграция является

¹ Под социальной мобильностью в данной статье понимается любое перемещение в пространстве индивидуального или социального объекта [Сорокин, 2005, с. 17].

² Этнокультурный анклав – это урбанизированная территория с повышенной долей той или иной этнической, а также культурной или расовой группы в населении. В ряде случаев таким анклавом, районом города может быть и территория со специфическим названием доминирующей группой [Кельман, 2015, с. 26].

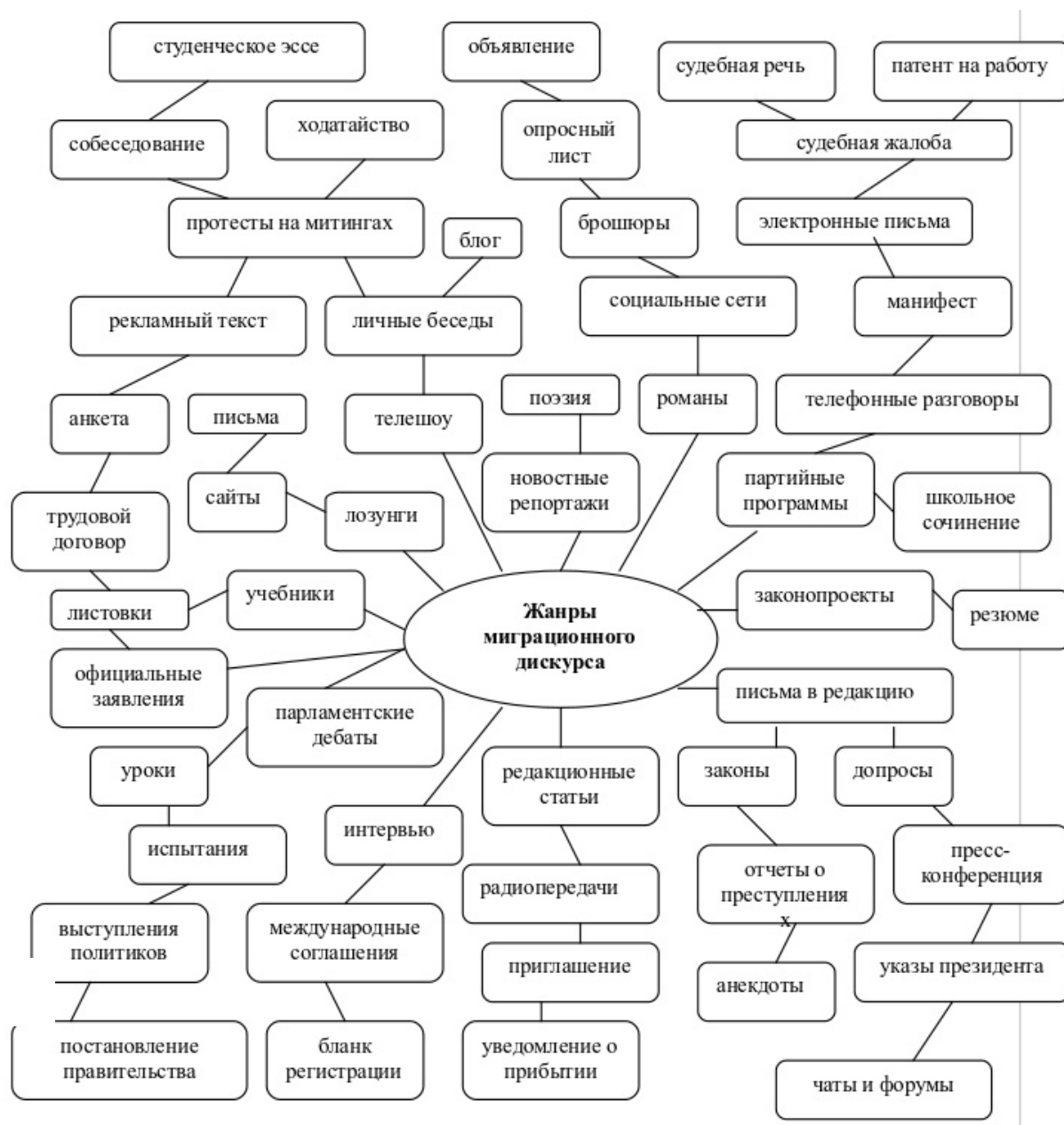
основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнокультурный анклав, который вносит новое и трансформирует титульный язык [Kerswill, 2006, p. 2277].

Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс. Существуют несколько подходов к выделению определённого типа дискурса, например, объектный и субъектный. При объектном подходе основанием для выделения особого типа дискурса является тема, имеющая неоспоримую актуальность для общества; при субъектном подходе основанием для выделения типа дискурса являются его непосредственные участники [Карасик, 2015, с. 73]. Существует неограниченное множество типов дискурса, поскольку тип дискурса оформляется в зависимости от сфер человеческой деятельности или любого значимого для человека и общества фактора [Кибрик, 2003]. Обе концепции позволяют выделить миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса, учитывая возросший интерес к теме миграции, её влияние на все сферы деятельности общества и большое количество задействованных участников.

Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается повышенным к нему вниманием отечественных и зарубежных исследователей в последние десятилетия [Мукомель, 2005 ; Нестерова, Бурова, 2006 ; Хохлова, 2014 ; Яфарова, 2016 ; Dijk, 2018]. Миграционный дискурс находится на стыке с политическим дискурсом и обладает всеми присущими ему признаками и особенностями; внутри миграционного дискурса отдельно выделяются чиновничий дискурс и дискурс публичных политиков [Мукомель, 2005, с. 50–52]. Миграционный дискурс как часть политического дискурса изучается в аспекте метафорического анализа через его базовые концепты «угроза/опасность» и «Европа». Концепт «угроза/опасность» представлен в основном метафорами «Вода» и «Война», концепт «Европа» – метафорами в сфере «Дом» [Хохлова, 2004]. По результатам метафорического анализа миграционного дискурса Германии, Австрии, Англии и Америки на базе медийного дискурса выделяются четыре основные группы метафор, формирующие миграционный дискурс: военные, товарно-вещевые, театральные и метафоры, олицетворяющие природные катастрофы и стихийные бедствия [Нестерова, Бурова, 2006]. Немецкий миграционный дискурс содержит большое количество эвфемизмов, а проведённый анализ примеров высказываний немецких политиков свидетельствует о том, что эвфемизмы представляют собой эффективное языковое средство для реализации конкретных политических стратегий, чаще всего с целью маскировки, нейтрализации или смягчения явлений, которые могли бы вызвать негативную реакцию [Яфарова, 2016].

2. Жанровая модель миграционного дискурса и её модули

Отдельного внимания заслуживает модель миграционного дискурса, предложенная Т. ван Дейком. Исследователь определяет миграционный дискурс как сложную структуру, которая включает лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты, и которая представлена разными жанрами [Dijk, 2018, p. 230]. Мы уточнили и расширили жанровую структуру миграционного дискурса и построили его жанровую модель, которая показана на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Жанровая модель миграционного дискурса

Представленная модель включает не менее 50 жанров, охватывающих политику, системы высшего и среднего образования, юриспруденцию, трудовые отношения, литературу, масс-медиа, социальные сети, личную и деловую переписку и другие сферы, что свидетельствует о его всепроникающем характере.

Миграционный дискурс может содержать такие модули³ (или темы в терминологии Дейка), как причины миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика [Dijk, 2018, p. 230]. Данные модули можно описать как семантические макроструктуры, состоящие из макропозиций, включающих локальные значения дискурса [Dijk, 2018, p. 233]. Представленная система модулей (см. рис. 2) может быть расширена путём добавления дополнительных модулей, например таких, как социальные агенты, мигрантофобия, национальная языковая безопасность, языковая конфликтность, речевая агрессия, миграционный кризис, социальная мобильность, анклав, типы миграции, языковая, культурная, психологическая адаптация, законы о миграции, языковые трансформации.

Р и с у н о к 2. Модули миграционного дискурса

³ Модуль – это относительно самостоятельная часть какой-нибудь системы, организации [Ожегов, 2015].

Миграция является социальным и политическим феноменом, поэтому, в общем, мы понимаем миграционный дискурс как социальную практику, общение между агентами и социальными институтами, «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речевой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик, 2016, с. 22]. В связи с таким пониманием, миграционный дискурс рассматривается как институциональный, то есть общение в рамках сложившихся в обществе институтов как взаимодействие, порождаемое самой деятельностью того или иного социального института [Dijk, 2008] или «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 292]. Институциональный дискурс представлен парами участников коммуникации. В роли главных агентов миграционного дискурса выступают мигранты и титульная нация. Агенты выполняют разные социальные роли, например, полицейских, педагогов, врачей, социальных работников, журналистов, политиков и так далее. Миграционный дискурс также рассматривается как идеологический конструкт, который выражает определённую позицию общества и формирует отношение к миграции и мигрантам.

Таким образом, актуальность изучения миграционного дискурса неоспорима, поскольку миграция затрагивает практически все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную. Миграция является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер, что приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии; «язык, как и религия, неспособен привести сам себя к простому компромиссу» [Laronce, 1992, p. 599].

Статистические данные также подтверждают возрастающую роль миграции в современном мире, что, в свою очередь, означает увеличение языковых трансформаций как в принимающем обществе, так и в языке мигрантов, а также обострение проблем, связанных с восприятием и адаптацией мигрантов в новой стране. К 2018 численность международных мигрантов выросла на 49%, в два раза превысив показатель роста мирового населения, который составил 23%. В результате этого, количество мигрантов увеличилось с 2,8% до 3,4% от величины мирового населения. Вероятно, демографические тенденции в сочетании с экономическими, социальными, политическими, экологическими аспектами будут способствовать дальнейшему росту миграции [Мир в цифрах, 2019].

По данным центрального государственного информационного агентства ИТАР-ТАСС, в 2018 всего в мире насчитывалось 232 млн. мигрантов; представлены 10 стран, в которых зафиксирована наибольшая миграционная активность: США, Россия, Германия, Саудовская Аравия, Великобритания, Эмираты, Франция, Канада, Испания, Австралия [Центральное ...,

2018]. Этот факт также объясняет, что миграционная лингвистика развивается в первую очередь в Германии, США и России. По данным Федеральной службы государственной статистики, в Россию в 2017 прибыло 589033 мигрантов, в то время как в 2010 число мигрантов составляло всего лишь 191656 [Федеральная ..., 2018].

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что, во-первых, миграционный дискурс как объект миграционной лингвистики можно рассматривать в качестве особого типа дискурса, обладающего своей жанровой спецификой, особыми модулями, каждый из которых может выступать отдельным объектом для изучения, и имеющего своих многочисленных участников. Во-вторых, актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается повышенным интересом со стороны отечественных и зарубежных исследователей к процессу миграции и особенностям его отражения в языке в очень многих сферах коммуникации. Постоянный рост миграционных потоков подтверждается официальной статистикой, а отсутствие комплексного анализа модели миграционного дискурса обуславливает необходимость его тщательного изучения, сбора лингвистических данных, их систематизации и интерпретации.

Список литературы

1. Абылкаликов, С. И. Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX – начале XXI вв. [Текст]: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.05 / Абылкаликов Салават Иргалиевич; «Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2018. – 233 с.
2. Ашнин, Е. С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии [Текст] / Е. С. Ашнин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых учёных. – 2012. – № 10. – С. 136–138.
3. Барсегян, В. М. Политическая активность молодежи как канал социальной мобильности в современном российском обществе [Текст]: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Барсегян Вардан Меружанович; «Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2016. – 176 с.
4. Гамзатов, Г. Г. Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения [Текст] / Г. Г. Гамзатов. – М.: Букинист, 2005. – 100 с.
5. Информационно-статистический ресурс «Мир в цифрах» [Электронный ресурс]. – URL: <https://theworldonly.org/statistika-migratsii/> (дата обращения 09.01.2019).
6. Карасик, В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики [Текст] / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 17–34.
7. Карасик, В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус [Текст] / В. И. Карасик // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2015. – № 1 (96). – С. 73–79.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. Кельман, Ю. Ф. Особенности выявления этнокультурных анклавов и их типов в городах США / Ю. Ф. Кельман // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 15. – С. 25–29.
10. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст] / А. А. Кибрик. – М. : Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с.
11. Лебедько, М. Г. Миграция как процесс межкультурной коммуникации: развитие взаимопонимания контактирующих культур [Текст] / М. Г. Лебедько, С. М. Дударёнок // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 103–109.
12. Мукомель, В. И. Российские дискурсы о миграции [Текст] / В. И. Мукомель // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. – 2005. – № 1. – С. 48–57.
13. Нестерова, Я. А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки [Текст] / Я. А. Нестерова, Е. А. Бурова // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 6. – С. 565–570.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2015. – 944 с.
15. Сорокин, П. Социальная мобильность [Текст] / П. Сорокин. – Минск : Academia; LVS, 2005. – 588 с.
16. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL : <https://gks.ru> (дата обращения 15.12.2018).
17. Хохлова, И. В. Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период "Арабской весны") [Текст] / И. В. Хохлова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 1. – С. 185–188.
18. Центральное государственное информационное агентство России ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. – URL : <https://tass.ru/> (дата обращения 01.12.2018).
19. Яфарова, Г. Х. Новые обстоятельства как фактор становления эвфемизмов в языке политики (на примере современного миграционного дискурса немецкого языка) [Текст] / Я. Г. Яфарова // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2. – С. 368–375.
20. van Dijk, T. A. Discourse and migration [Text] / T. A. van Dijk // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. – Switzerland : Springer Cham, 2018. – P. 227–245.
21. Erfurt, J. Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcen sozialer Identifikation [Text] / J. Erfurt, G. Budach, S. Hofmann. – Switzerland : Peter Lang, 2003. – 259 p.
22. Extra, G. Bilingualism and Migration [Text] / G. Extra, L. Verhoeven. – Berlin : Walter de Gruyter, 2011. – 401 p.
23. Geraghty, B., Conacher, J. Intercultural Contact, Language Learning and Migration [Text] / B. Geraghty, J. Conacher. – London : Bloomsbury Publishing, 2014. – 224 p.
24. Gugenberger, E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien [Text] / E. Gugenberger. – Austria :

- Austria : Forschung und Wissenschaft – Literatur- und Sprachwissenschaft, 2018. – 664 S.
25. Kerswill, P. Migration and language [Text] // Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society, 2nd edn. / Ed. by K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill. – Vol 3. – Berlin : De Gruyter, 2006. – P. 2271–2285.
 26. Krefeld, Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla [Text] / Th. Krefeld. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. – 173 S.
 27. Laponce, J. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics [Text] / J. Laponce. – London : Routledge, 1992. – P. 586–602.
 28. Lipset, S. Social Mobility in Industrial Society [Text] / S. Lipset. – London : Routledge, 2018. – 332 p.
 29. Stehl, T. Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik [Text] / T. Stehl. – Austria : Universitätsverlag Potsdam, 2011. – 294 S.
 30. Triandafyllidou, A. Handbook of migration and globalization [Text] / A. Triandafyllidou. – USA : Edward Elgar Publishing, 2018. – 487 p.
 31. Tretow, L. Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas [Text] / L. Tretow. – Munchen : GRIN Verlag, 2017. – 16 S.

References

1. Abylkalikov, S. I. (2018). *Rol' migratsii v formirovanii naseleniya regionov Rossii v kontse XIX – nachale XXI vv.* [The role of migration in forming Russian demographics in the 19th and early 20th centuries]. PhD in Social sci. diss. Moscow : National Research University «Higher School of Economics».
2. Ashnin, E. S. (2012). Sotsiolingvisticheskie aspekty mezhkul'turnoy kommunikatsii v Germanii [Social and linguistic aspects of intercultural communication in Germany]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9 : Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], 10, 136–138.
3. Barsegyan, V. M. (2016). *Politicheskaya aktivnost' molodezhi kak kanal sotsial'noy mobil'nosti v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Youths political activity as a channel of social mobility in modern Russian society]. PhD in Political sci. diss. Moscow : National Research University «Higher School of Economics».
4. Gamzatov, G. G. (2005). *Lingvisticheskaya planeta Dagestan. Etnoyazykovoy aspekt osvoeniya* [The linguistic planet of Dagestan]. Moscow : Bukinist Press.
5. Informatsionno-statisticheskiy resurs «Mir v tsifrakh» (2019). [Informational-statistic resource «World in numbers»]. Retrieved January 9, 2019 from <<https://theworldonly.org/statistika-migratsii/>>.
6. Karasik, V. I. (2016). Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoy lingvistiki [The discourse studies as the direction of the communicative linguistics]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics] 1, 17–34.

7. Karasik, V. I. (2015). Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus [Discourse interpretation: Topic, format, mode]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], 1 (96), 73–79.
8. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language cycle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
9. Kel'man, Yu. F. (2015). Osobennosti vyyavleniya etnokul'turnykh anklavov i ikh tipov v gorodakh SShA [Ethnic enclaves and their types in the US cities]. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority scientific issues: From theory to practice], 15, 25–29.
10. Kibrik, A. A. (2003). *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [The cognitive perspective of discourse analysis]. Moscow : The Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences.
11. Lebed'ko, M. G., Dudarenok, S. M. (2013). Migratsiya kak protsess mezhkul'turnoy kommunikatsii: razvitie vzaimoponimaniya kontaktiruyushchikh kul'tur [Migration as a process of intercultural communication: Development of mutual understanding of contacting cultures]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 4, 103–109.
12. Moukomel, V. I. (2005). Rossiyskie diskursy o migratsii [Russian Discourses on Migration]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Russian Public Opinion Herald], 1, 48–57.
13. Nesterova, Ya. A., Burova, E. A. (2016). K voprosu ob osobennostyakh upotrebleniya metafor v migratsionnom diskurse Germanii, Avstrii, Anglii i Ameriki [On the issue of the peculiarities of using metaphors in migration discourse of Germany, Austria, England, and America]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 5 (6), 565–570.
14. Ozhegov, S. I. (2015). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. 4th ed. with additions. Ed. by N. Yu. Shvedovoy. Moscow: ITI TekhnologiiPress.
15. Sorokin, P. (2005). *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Minsk : Academia ; LVS Press.
16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. (2018). [Federal State Statistics Service]. Retrieved December 15, 2018 from <<https://gks.ru>>.
17. Khokhlova, I. V. (2014). Metaforы v migratsionnom diskurse Germanii (na primere soobshcheniy o bezhentsakh v period "Arabskoy vesny") [Metaphors in the migration discourse of Germany (Demonstrated on press reports about refugees at the time of «Arab spring»)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 20 (1), 185 –188.
18. Tsentral'noe gosudarstvennoe informatsionnoe agentstvo Rossii ITAR-TASS. (2018). [Russian News Agency TASS]. Retrived December 1, 2018 from <<https://tass.ru/>>.
19. Yafarova, G. Kh. (2016). Novye obstoyatel'stva kak faktor stanovleniya evfemizmov v yazyke politiki (na primere sovremennogo migratsionnogo diskursa nemetskogo yazyka) [New circumstances as a factor of the development of new euphemisms in the language of politics (The case study of migration discourse of the German language)]. *Prepodavatel XXI vek* [A Teacher of 21st Century], 2, 368–375.

20. van Dijk, T. A. (2018). Discourse and migration. In R. Zapata-Barrero, E. Yalaz (eds.), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Switzerland : Springer Cham.
21. Erfurt, J., Budach, G., Hofmann, S. (2003). *Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcen sozialer Identifikation*. Switzerland : Peter Lang.
22. Extra, G., Verhoeven, L. (2011). *Bilingualism and Migration*. Berlin : Walter de Gruyter.
23. Geraghty, B., Conacher, J. (2014). *Intercultural Contact, Language Learning and Migration*. London : Bloomsbury Publishing.
24. Gugenberger, E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien*. Austria : Austria : Forschung und Wissenschaft-Literatur-und Sprachwissenschaft.
25. Kerswill, P. (2006). Migration and language. In K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (eds.), *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society*, 2nd edn. (Vol 3, pp. 2271–2285). Berlin : De Gruyter.
26. Krefeld, Th. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen : Gunter Narr Verlag.
27. Laponce, J. (1992). Language and Politics. In M. Hawkesworth, M. Kogan, *Encyclopedia of Government and Politics* (pp. 586–602). London : Routledge.
28. Lipset, S. (2018). *Social Mobility in Industrial Society*. London : Routledge.
29. Stehl, T. (2011). *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Austria : Universitätsverlag Potsdam.
30. Triandafyllidou, A. (2018). *Handbook of migration and globalization*. USA : Edward Elgar Publishing.
31. Tretow, L. (2017). *Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas*. Munchen : GRIN Verlag.

УДК 811.11-112
UDC 811.11-112

Инживоткина Яна Викторовна
Универсидад де Гуаякиль, г. Гуаякиль, Эквадор
Yana V. Inzhivotkina
Universidad de Guayaquil, Guayaquil, Ecuador
bp.ru@mail.ru., yana.inzhivotkina@ug.edu.ec

**ОБРАЗЫ, АССОЦИИРУЕМЫЕ С БЕЛЫМ И КРАСНЫМ ЦВЕТАМИ
В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ИСПАНСКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ**
**IMAGES OF WHITE AND RED IN SPANISH AND ENGLISH
SPEAKERS' CONSCIOUSNESS**

Аннотация

Значение цвета в культуре разных народов было описано многими исследователями из различных отраслей науки. Зачастую определённому цвету приписываются конкретные ассоциации, но при этом значения и толкования цветов у разных народов заметно отличаются. Коллективное языковое сознание наделяет тот или иной цвет особенностями, типичными для данного языкового коллектива. В настоящей статье рассматриваются два цвета, которые можно назвать культурными маркерами – белый и красный, – несущие важный культурный смысл у многих народов. Целью эксперимента было выявить, какие именно образы возникают в сознании испанцев, эквадорцев и американцев, когда появляется стимул в форме цветоименования, а также выявить сходства и отличия этих образов. Образы, ассоциируемые с данными цветами, были выявлены с помощью свободного ассоциативного эксперимента и проанализированы по ряду признаков (абстрактный или предметный; положительный, отрицательный или нейтральный) и по зонам ассоциативного поля. Полученные результаты демонстрируют сходства и различия в количестве ассоциатов и особенностях их распределения по указанным признакам и зонам, а также некоторые несовпадения с традиционной для трёх культур цветовой картиной мира.

Abstract

The importance of color in different national cultures has been described by many researchers from various scientific fields. A particular color is often given certain meanings, however these meanings and interpretations vary enormously in different cultures. The collective consciousness of a linguistic community attributes the features that it considers typical to a certain color. In this paper, two colors are considered – white and red, which can be viewed as cultural markers having important cultural value for many nations. The experiment was aimed to identify images that arise in the minds of Spaniards, Ecuadorians and Americans when a stimulus of a color name appears as well as to find their similarities and differences. The symbolism of these colors was identified by means of free associative experiment and further investigated in accordance with certain features (abstract or substantive; positive, negative or neutral) and associative field zones. The obtained results demonstrate similarities and differences in the number of associates and their distribution within the features and zones as well as some divergences from the color world picture traditional for the three cultures.

Ключевые слова: семантическое поле, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, цвет.

Keywords: semantic field, linguistic consciousness, associative experiment, color.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_46_63

1. Введение

По словам Э. Сепира, люди живут не только в своём материальном, духовном и социальном мирах, но «и во власти своего языка. Их «реальный мир» строится на основе языковых привычек их социальной группы. Миры разных групп – это разные миры, а не один с навешанными на него разными языковыми ярлыками» [Сепир, 2003, с. 270]. Неотъемлемой частью этих «миров» является цвет.

Изучение семантики цвета на сегодняшний день является актуальным направлением в психологии, лингвистике, психосемантике и других науках. Такими исследованиями активно занимались А. Вежбицкая, Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич, С. Г. Тер-Минасова, А. Н. Леонтьев и другие, однако изучение формирования семантики цвета до сих пор находится на периферии лингвистики как науки.

Л. С. Выготский писал, что «значение слова неконстантно. Оно изменяется в ходе развития ребёнка. Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли. Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое, образование» [Выготский, 2014, с. 464]. Человек усваивает значения цвета из родной культуры. По мере взросления ребёнок начинает соотносить различные предметы с цветом: жёлтый – солнце, зелёный – трава. Некоторые связи очень прочные, они составляют ядро семантического поля. Позднее, с течением времени человек соотносит цвет с понятиями. «Так формируются значения, относимые нами к приядерным образованиям в семантическом поле цвета. Красный цвет, например, начинает соотноситься с теплом и жарой, зелёный – с отдыхом и расслаблением, покоем и так далее. Вместе с этим усваиваются значения цвета, существующие в культуре, в которой растёт ребёнок. По мере взросления, предпочтение тех или иных цветов изменяется под влиянием культуры и социума, а сами цвета начинают соотноситься с определёнными социокультурными явлениями, которые составляют периферию семантического поля цвета» [Hallock, 2007]. Таким образом происходит «интериоризация значений цвета из культуры, причём параллельно идёт формирование личностных смыслов, которыми наделяется каждый цвет. Немаловажную роль во всём этом играет язык, на котором говорит ребёнок. Не только художественная и научная литература, но и сама лексика языка несёт в себе информацию о значениях цвета, существующих в культуре, т. е. цвет действительно познаётся через слово» [Кудрина, 2011].

Настоящее исследование ставило две задачи: 1) рассмотреть два цвета, которые можно назвать культурными маркерами – белый и красный, –

несущие важный культурный смысл у многих народов; 2) выявить, какие именно образы возникают в сознании испанцев, эквадорцев и американцев в связи с указанными цветами, а также выявить сходства и отличия этих образов.

Итак, рассмотрим два цвета, выбранных нами в качестве объектов исследования. В разных лингвокультурах белый и красный цвета имеют особое значение. Как известно, если в языке имеются обозначения только двух цветов, то это будут чёрный и белый, а если только трёх, то это будут чёрный, белый и красный, то есть белый и красный относятся к первичным цветам.

«Психологи считают, что белый цвет – это цвет без эффекта, *tabula rasa* (чистая доска), на которой ещё предстоит написать нечто содержательное. В хроматизме белый цвет является сублимированным архетипом рационализма. Белый цвет в хроматической модели времён характеризует прошлое – память человечества» [Свинчукова, 2011].

В целом ряде лингвокультур белый цвет имеет в основном положительные ассоциации: чистота, возвышенность, правда, святость, беззлобность, мир (английский, испанский, русский, ряд африканских языков, арабский) [Soriano, 2009 ; Al-Adaleih, 2012 ; Strudsholm, 2016]. Для американцев белый цвет – это цвет позитива, радости и чистоты: *white-haired / white-headed boy* «любимчик», *to be whiter than white* «быть предельно честным, нравственным», *lily-white reputation* «незапятнанная репутация» и подобные.

Белый в испанском языке ассоциируется с чем-то безвинным, чистым, возвышенным, аристократическим: *estar blanco* «невиновный, чистый», *ser el blanco de todas las miradas* «быть центром внимания». Особо отметим, что человек с бледной, «по-европейски» белой кожей до сих пор вызывает некое благоговение в странах Латинской Америки, где большинство населения в основном метисы.

Иная ситуация с красным цветом. Во многих лингвокультурах красный ассоциируется с целым рядом отрицательных эмоций: гневом и агрессией (в англоязычной, немецко- и франкоязычной и др.), завистью и беспокойством (в ряде из африканских лингвокультур), бюрократией (в английском, напр., *red paper*), запретом (универсально, напр., красный сигнал светофора – *red light*); в английском языке оттенки красного могут показывать различную степень проявления гнева (напр., *flushed / pink / red / scarlet with anger*) [Soriano, 2009 ; Strudsholm, 2016]. Отрицательные коннотации красного во многих языках, например в английском и арабском, доминируют над положительными, ассоциируясь либо с чем-то очень плохим (страшной смертью или болезнью), либо преступным [Al-Adaileh, 2012]. Однако имеются и положительные ассоциации. Универсальная положительная ассоциация общеизвестна и относится к сфере медицины – это красный крест (*red cross* в англ. и т. д.). Для испанского языка (как в Испании, так и в Латинской Америке) красный цвет – это цвет страстей: праздника, корриды, фламенко, а в последнее время в Эквадоре ещё и Лиги де

Кито (сборная по футболу). В Великобритании и США красный цвет также имеет ассоциации со страстью и огнём [Bortoli, 2008], что проявляется в соответствующей лексике: *red-blooded* «полнокровный, полный жизни; сексуально активный»; *red-hot* «чувственный; пламенный». Значения власти и правительства также присутствуют (Великобритания, Нидерланды) [Bortoli, 2008].

Для выявления образов белого и красного цветов, возникающих в сознании испанцев, эквадорцев и американцев быстрее всего и чаще всего, был проведён свободный ассоциативный эксперимент.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Мы полагаем, что для выявления ассоциативных значений цветов можно использовать метод свободного ассоциативного эксперимента, который, по мнению Е. Ф. Тарасова, «отражает закономерность человеческого сознания, заключающуюся в том, что явления реального мира, представляющие человеческому сознанию в определённой временной или пространственной близости, отображаются таким образом, что сознание, помимо образов этих явлений, фиксирует также и их близость» [Тарасов, 1997]. С его помощью можно объективно описать существующие в сознании носителя языка ассоциативные связи слов, придать «внешность» языковому сознанию носителя определённого языка, потому что ассоциативные связи обусловлены не только индивидуальным опытом, но и контекстом культуры, в которой живёт человек.

Процедура проведения ассоциативного эксперимента была стандартной. Респондентам (в нашем случае студентам факультета журналистики и связей с общественностью) было предложено дать ответ (реакцию) на каждое из слов-стимулов. При предъявлении слова-стимула, перед испытуемыми стояла задача записать первое пришедшее на ум слово.

Обычно данный вид ассоциативного эксперимента проводится в письменной форме (как и в нашем случае). Студентам был предложен список слов, на которые нужно было написать реакции. Следует отметить, что иногда в исследованиях применяется также и устная форма ассоциативного эксперимента, однако этот способ используется, как правило, для небольшого количества респондентов. В качестве стимула были использованы наименования цветов. В данной работе было принято решение описать ассоциативный эксперимент с белым и красным цветами — двумя из трёх первичных, присутствующих в абсолютном большинстве культур, — поскольку именно они «отражают культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации», представляющей собой «форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения» [Маслова, 2001, с. 54]

Если говорить о количестве участников, то Е. И. Горошко указывает, что «как правило, под ассоциативной нормой понимается совокупность реакций, собранная примерно от группы информантов размером 1000 чело-

век, но иногда этот объём может быть «сужен» и до 500–700 человек, а при некоторых исследовательских задачах – допускаются ассоциативные поля объёмом и до 100 единиц» [Горошко, 2001, с. 93]. В нашем случае в эксперименте участвовало 468 человек (всего 302 эквадорца и 166 американцев, носители испанского и английского языков), что делает результаты эксперимента валидными. Полученные данные были сгруппированы и систематизированы в форме таблиц.

Эквадорским студентам факультета журналистики и связей с общественностью – носителям испанского языка – был предложен список слов-стимулов на испанском языке; американским студентам из различных вузов – на английском языке.

Для сравнения реакций с испанскими испытуемыми был использован опрос, проведённый Ю. А. Карауловым и подробно описанный им и Марией Санчес Пиуг в совместной работе «Ассоциативные нормы испанского и русского языка» [Санчес Пиуг, 2001]. Полученные данные сравнивались с указанным словарём [Санчес Пиуг, 2001], который был принят за эталон языкового сознания носителей испанской лингвокультуры, и словарем Киша, который отражает языковое сознание носителей английской культуры [Kiss, 1973].

Для сбора материала был использован свободный ассоциативный эксперимент с фиксацией первого ответа. Время, данное для ответа на каждое слово-стимул, составляло около 5–6 секунд. Было принято решение озаглавить зоны гештальтов с помощью местоимений *кто*, *что*, *какой*, *делать*, *где*. Для анализа полученных данных был использован семантический гештальт, предложенный Ю. Н. Карауловым [Санчес Пиуг, 2001].

Кто – лицо, ассоциируемое со словом-стимулом (напр., *abuela* (бабушка) – *morena* (мулатка, досл. цвет кожи как коричневый сахар), *abuelo* (дедушка)).

Что – предмет, ассоциируемый со словом-стимулом (напр., *hogar* (дом), *historias* (истории), *tercer edad* (пожилая, дословно «третий возраст»), *tradición* (традиция), *hospital* (больница)).

Какой – интегральные признаки, рассматриваемые со стороны наблюдателя и оценочные характеристики (напр., *adorable* (обожаемая), *cariñosa* (любящая), *generosa* (великодушная)).

Делать – действие, ассоциируемое со словом-стимулом (напр., *alegría* (радость) – *compartir* (делиться)).

Как – оценка, обычно выражается наречиями (например, *alegría* (радость) – *temporal* (временно)).

Словосочетание/выражение – словосочетания, устойчивые выражения, фразеологические обороты (напр., *enemy* (враг) – *of the state* (государства)).

Прочее – слова-реакции, которые не поддавались классификации (например, *amigo* (друг) – *acompañarte* (компания для одного человека когда нужно идти куда-либо)).

Анализ проводился по каждому слову-стимулу (названию цвета) для трёх групп испытуемых: эквадорцы, американцы и испанцы.

2.2. Обсуждение результатов

В целом полученные результаты не всегда совпадали с классической лингвоцветовой картиной, характерной для испанцев, эквадорцев и американцев. Этому видится две возможные причины: специфика эксперимента (анализировались именно первые пришедшие в голову испытуемых ассоциации, а не соотношение частотности положительных и отрицательных значений путём сплошной выборки по имеющейся в языке цветообозначающей лексике) и молодой возраст испытуемых (общеизвестный факт об отсутствии полного совпадения ассоциаций у испытуемых разного возраста, но принадлежащих к одной лингвокультуре).

2.2.1. Белый цвет

Приведём результаты ассоциативного эксперимента для стимула «белый» (см. табл. 1–4). Для эквадорцев (см. табл. 1) большинство ассоциаций сосредоточено вокруг положительных абстрактных понятий мира и чистоты; в эту же группу помещается голубь как символ мира. Остальные ассоциации в основном предметны и лишены положительных или отрицательных коннотаций.

В отличие от эквадорцев, у американцев большинство ассоциаций – предметные без коннотаций и с положительными коннотациями; имеются и абстрактные положительные ассоциации, но таких немного (см. табл. 2).

Восприятие белого цвета испанцами ближе к эквадорцам, однако разброс частотности положительных абстрактных понятий (они по-прежнему преобладают) и предметных значений шире, чем у эквадорцев, предметных значений в целом больше (см. табл. 3, ср. табл. 1 и 3).

Результаты сопоставления приведены в таблице 4 и на графике на рисунке 1. График показывает, что, помимо уже упомянутых, имеются и сходства, и различия в структуре ассоциативного поля стимула «белый» (*blanco*, *white*) у эквадорцев, испанцев и американцев. В зоне **кто** присутствуют в основном единичные ассоциации: для американцев белый цвет ассоциируется с врачом, а для испанцев – с невестой и девушкой, у эквадорцев же ассоциаты в данной зоне вообще отсутствуют. В зоне **что** ассоциации у всех трёх групп частично схожи. Для эквадорцев белый – это в первую очередь *paz* «мир» (94–30,92%), *pureza* «чистота» 34–11,18% и *paloma* «голубь» как символ мира (26–8,55%). Для испанцев белый – это также символ чистоты. Самой частотной ассоциацией у испанцев является *pureza* «чистота» 27–8,28% и *luz* «свет» 21–6,44%. В отличие от эквадорцев и испанцев, у американцев ассоциации более конкретные: *paper* «бумага» (30–18,07%), *snow* «снег» (20–12,05%) и *milk* «молоко» (12–7,23%). В зоне **какой** у всех трёх групп присутствует ассоциация «чёрный как противоположность белому». Следует также отметить, что из трёх групп для группы испанцев зафиксировано ассоциатов белого цвета в наибольшем количестве зон, а у эквадорцев – в наименьшем.

Т а б л и ц а 1. Группа 1 – эквадорцы (испанский язык)

Стимул	Зоны	Ассоциаты	Всего	
<i>Blanco</i> (белый)	кто (человек)			MAX(LEFT)/MAX(D1:D13)*100 \# "0.0%"
	что	paz (мир) 94–30,92%; pureza (чистота) 34–11,18%; paloma (голубь) 26–8,55%; papel (бумага) 24–7,89%; nube (облако) 17–5,6%; boda (свадьба) 12–3,95%; nieve, (снег) 12–3,95%; nubes (облака) 10%; huevo (яйцо) 8 – 2,63%; cielo (небо) 6–1,97%; luz (свет) 6–1,97%; hoja (лист бумаги) 5–1,64%; queso (сыр) 5–1,64%; algodón (хлопок) 4–1,32%; guanabana (гуанабана, местный фрукт) 4–1,32%; leche (молоко) 4–1,32%; luna (луна) 4–1,32%; vestido de novia (свадебное платье) 4–1,32%; gora (одежда) 3–0,99%; armonía (гармония) 2–0,66%; carro (машина) 2–0,66%; color (цвет) 2–0,66%; dientes (зубы) 2–0,66%; mesa (стол) 2–0,66%; vestido (платье) 2–0,66%; alma (душа) 1–0,33%; automobile (автомобиль) 1–0,33%; cielo (небо) 1–0,33%; cloud (облако) 1–0,33%; Liga (лига, местная футбольная команда, белый, официальный цвет) 1–0,33%; pedal (педаль) 1–0,33%; pizagta (доска) 1–0,33%;	300	99,01 MAX(LEFT)/MAX(D1:D13)*100 \# "0.0%"
	какой	limpio (чистый) 2–0,66%; negro (чёрный) 1–0,33%;	3	0,99 MAX(LEFT)/MAX(D1:D13)*100 \# "0.0%"
	делать			
	как			
	словосочетание			
	прочее			
			304	SUM(ABOVE)*100 \# "0%"

Т а б л и ц а 2. Группа 2 – американцы (английский язык)

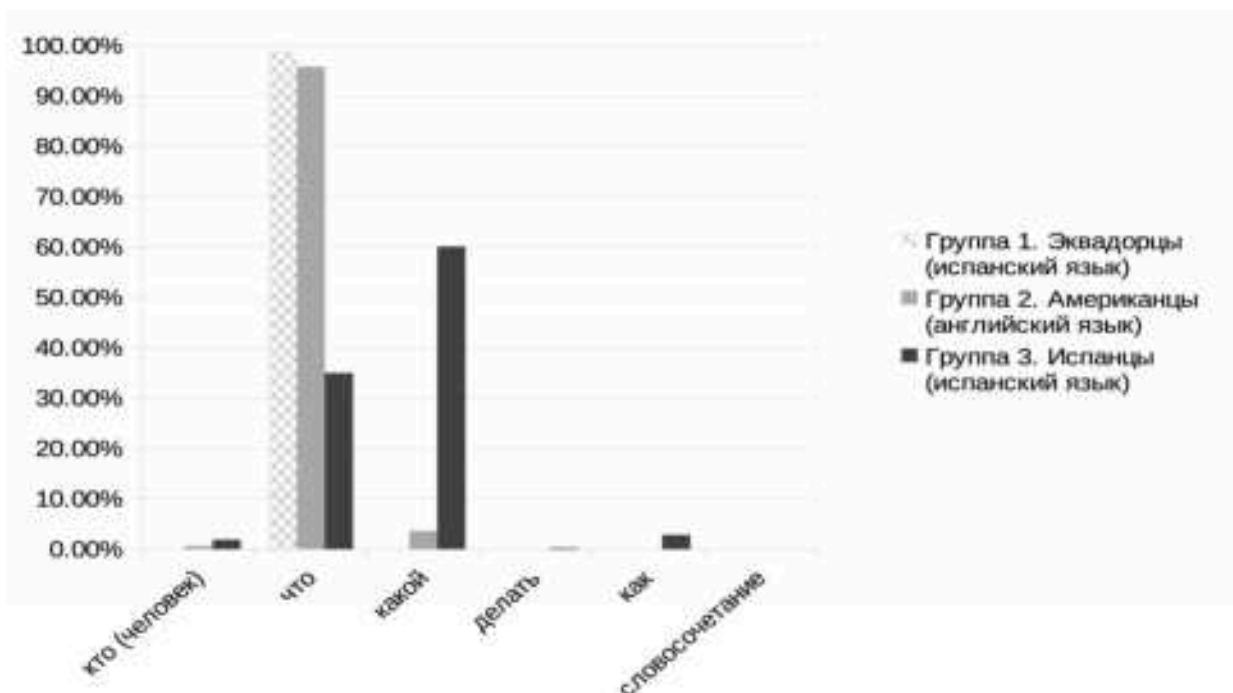
Стимул	Зоны	Ассоциаты (американцы)	Всего	
<i>White</i> (белый)	кто (человек)	doctor (врач) 1–0,6%;	1	0,6%
	что (предмет)	paper (бумага) 30–18,07%; snow (снег) 20–12,05%; milk (молоко) 12–7,23%; cloud (облако) 11–6,63%; wall (стена) 7–4,22%; purity (чистота) 6–3,61%; bird (птица) 5–3,01%; ice (лёд) 5–3,01%; light (свет) 5–3,01%; clean (чистый) 4–2,41%; smile (улыбка) 4–2,41%; disco (диско, или дискотека) 3–1,81%; dress (платье) 3–1,81%; harmony (гармония) 3–1,81%; sky (небо) 3–1,81%; wedding (свадьба) 3–1,81%; wedding dress (свадебное платье) 3–1,81%; dove (голубь) 2–1,2%; colour (цвет) 2–1,2%; cream (крем) 2–1,2%; egg (яйцо) 2–1,2%; ice-cream (мороженое) 2–1,2%; pearl (жемчужина) 2–1,2%; peace (мир) 2–1,2%; tooth (зуб) 2–1,2%; ball (шар) 1–0,6%; bear (медведь) 1–0,6%; board (доска) 1–0,6%; bone (кость) 1–0,6%; clouds (облака) 1–0,6%; eraser (ластик) 1–0,6%; flower (цветок) 1–0,6%; house (дом) 1–0,6%; mustard (горчица) 1–0,6%; Lamborghini (ламборджини) 1–0,6%; picture (картина) 1–0,6%; pill (таблетка) 1–0,6%; table (стол) 1–0,6%; teeth (зубы) 1–0,6%; T-shirt (футболка) 1–0,6%; wine (вино) 1–0,6%;	159	95,8%
	какой	black (чёрный) 2–1,2%; blond (белый) 2–1,2%; cool (классный) 1–0,6%; personal (личный, персональный или персонал) 1–0,6%;	6	3,6%
	делать			
	как			
	словосочетание			
	прочее			
			166	SUM(A BOVE)* 100 \# "0%"

Т а б л и ц а 3. Группа 3 – испанцы (испанский язык)

Стимул	Зоны	Ассоциаты	Всего	
<i>Blanco</i> (белый)	кто (человек)	novia (невеста) 3–0,70%; virgen (дева) 3–0,70%; Diana 1–0,23%; Yolanda 1–0,23%	8	1,88%
	что	pureza (чистота) 27–8,28%; luz (свет) 21–6,44%; color (цвет) 20–6,13%; nieve (снег) 12–3,68%; nube (облако) 8–2,45%; nada (ничего) 6–1,84; sábana (простынь) 6–1,84; hoja (лист) 5–1,53%; papel (бумага) 5–1,53%; Real Madrid (название популярной футбольной команды) 5–1,53%; adjetivo (прилагательное) 4–0,93%; boda (свадьба) 3–0,70%; vestido (платье) 3–0,70%; alba (рассвет) 2–0,46%; alma (душа) 2–0,46%; bata (халат) 2–0,46%; cama (кровать) 2–0,46%; claridad (ясность) 2–0,46%; día (день) 2–0,46%; Madrid 2–0,46%; mantel (скатерть) 2–0,46%; гора (одежда) 2–0,46%; sábanas (простыни) 2–0,46%; traje de novia (свадебное платье) 2–0,46%; tranquilidad (спокойствие) 2–0,46%;	149	34,97%
	какой	negro (чёрный) 74–40,84%; puro (чистый) 32–7,51%; limpio (чистый) 22–5,16%; azul 4–0,93%; esperanza (надежда) 4–0,93%; paz (мир) 4–0,93%; inmaculado (безукоризненный) 3–0,70%; transparente (прозрачный) 3–0,70%; blanco (белый) 2–0,46%; insulso (безвкусный) 2–0,46%; pulcro (щеголеватый) 2–0,46%; rojo (красный) 2–0,46%; verde (зеленый) 2–0,46%;	256	60,09
	делать	se puede manchar (можно запачкать) 1–0,23%;	1	0,23%
	как	claro (ясно) 11–2,58%; bonito (красивый) 1–0,23%;	12	2,82%
	словосочетание			
	прочее			
			426	SUM(ABOVE)*100 \# "0%"

**Т а б л и ц а 4. Соотношение семантических зон ассоциатов
на стимул белый**

Стимул	Зоны	Группа 1. Эквадорцы (испанский язык)	Группа 2. Американцы (английский язык)	Группа 3. Испанцы (испанский язык)
	кто (человек)	0,00%	0,60%	1,88%
	что	99,01%	95,80%	34,97%
blanco-white (белый)	какой	0,00%	3,60%	60,09%
	делать	0,00%	0,00%	0,23%
	как	0,00%	0,00%	2,82%
	словосочетание	0,00%	0,00%	0,00%
	прочее	0,00%	0,00%	0,00%

**Р и с у н о к 1. Соотношение семантических зон ассоциатов
на стимул белый**

2.2.2. Красный цвет

В таблицах 5–7 приведены результаты ассоциативного эксперимента для стимула «красный».

Данные по трём группам полностью подтверждают точку зрения о том, что предпочтение красного цвета чаще встречается у молодых людей (с другой стороны, равнодушное отношение или неприязнь к этому цвету может указывать на упадок жизненных сил и снижение сексуальных возможностей человека) [Серов, 2003]. *Кровь/сердце и любовь/страсть* – самые частотные ассоциации у всех трёх групп (табл. 5–7). Среди первичных ассоциаций ни у одной группы нет преобладания негативных: на слова «война» и «больница» (в последнем случае негативная коннотация не исключена, но не является единственно возможной) приходится незначительный процент. Это не совпадает с классической картиной, выявленной посредством анализа в соответствующих языках цветообозначающей лексики. Результаты сопоставления приведены в таблице 8 и на графике на рисунке 2.

Т а б л и ц а 5. Группа 1 – эквадорцы (испанский язык)

Стимул	Зоны	Ассоциаты	Всего	
<i>Rojo</i> (красный)	кто (человек)			
	что	sangre (кровь) 132–49,62%; amor (любовь) 38–14,3%; corazón (сердце) 36–13,53%; pasión (страсть) 8–3%; bandera (флаг) 4–1,5%; camisa (рубашка) 4–1,5%; fuego (огонь) 4–1,5%; labios (губы) 4–1,5%; mochila (рюкзак, сумка) 4–1,5%; vestido (платье) 4–1,5%; carro (машина) 2–1,5%; España (Испания) 2–0,75%; Ferrari (Феррари) 2–0,75%; fresas (клубника, мн.ч) 2–0,75%; globo (шар) 2–0,75%; hospital (больница) 2–0,75%; lapiz (карандаш) 2–0,75%; marcador (маркер) 2–0,75%; rosa (роза) 2–0,75%; sexo (пол) 2–0,75%; zapatos (туфли) 2–0,75%;	260	97,74%
	какой	enojado (злой) 2–0,75%; nacional (национальный) 2–0,75%; peligro (опасный) 2–0,75%;	6	2,25%
	делать			
	как			
	словосочетание			
	прочее			
			266	SUM(ABOVE)*100 \# "0%"

Т а б л и ц а 6. Группа 2 – американцы (английский язык)

Стимул	Зоны	Ассоциаты	Всего	
<i>Rojo</i> (красный)	кто (человек)			
	что	heart (сердце) 28–16,97%; apple (яблоко) 14–8,48%; love (любовь) 14–8,48%; watermelon (арбуз) 12–7,27%; bag (сумка) 7–4,24%; car (автомобиль) 7–4,24%; colour (цвет) 7–4,24%; rose (роза) 6–3,63%; nation (нация) 6–3,63%; tomato (помидор) 6–3,63%; lips (губы) 5–3,03%; pen (авторучка) 5–3,03%; cherries (вишни) 4–2,42%; lipstick (губная помада) 4–2,42%; T-shirt (футболка) 4–2,42%; baloon (воздушный шар) 3–1,81%; blood (кровь) 3%; book (книга) 3%; book (книга) 3–1,81%; war (война) 3–1,81%; ambulance (скорая помощь) 2%; candy (конфета) 2–1,21%; Ferrari (феррари) 2–1,21%; hospital (больница) 2–1,21%; iphone 2–1,21%; system (система) 2–1,21%; dress (платье) 2–1,21%; hat (шляпа) 1–0,60%	161	95,58%
	какой	nice (милый, красивый) 4–2,42%;	4	2,42%
	делать			
	как			
	словосочетание			
	прочее			
			165	SUM(ABOVE)*100 \# "0%"

Т а б л и ц а 7. Группа 3 – испанцы (испанский язык)

Стимул	Зоны	Ассоциаты	Всего	
<i>Red</i> (красный)	кто (человек)	comunista (коммунист) 13–2,83%;	13	2,83%
	что	sangre (кровь) 73–15,9%; pasión (страсть) 71–15,4%; fuego (огонь) 39–8,48%; color (цвет) 29–6,30%; calor (жар) 12–2,6%; fuerza (сила) 12–2,6%; amor (любовь) 9–1,95%; bandera (флаг) 7–1,52%; corazón (сердце) 7–1,52%; adjetivo (прилагательное) 4–0,9%; comunismo (коммунизм)	323	70,22%

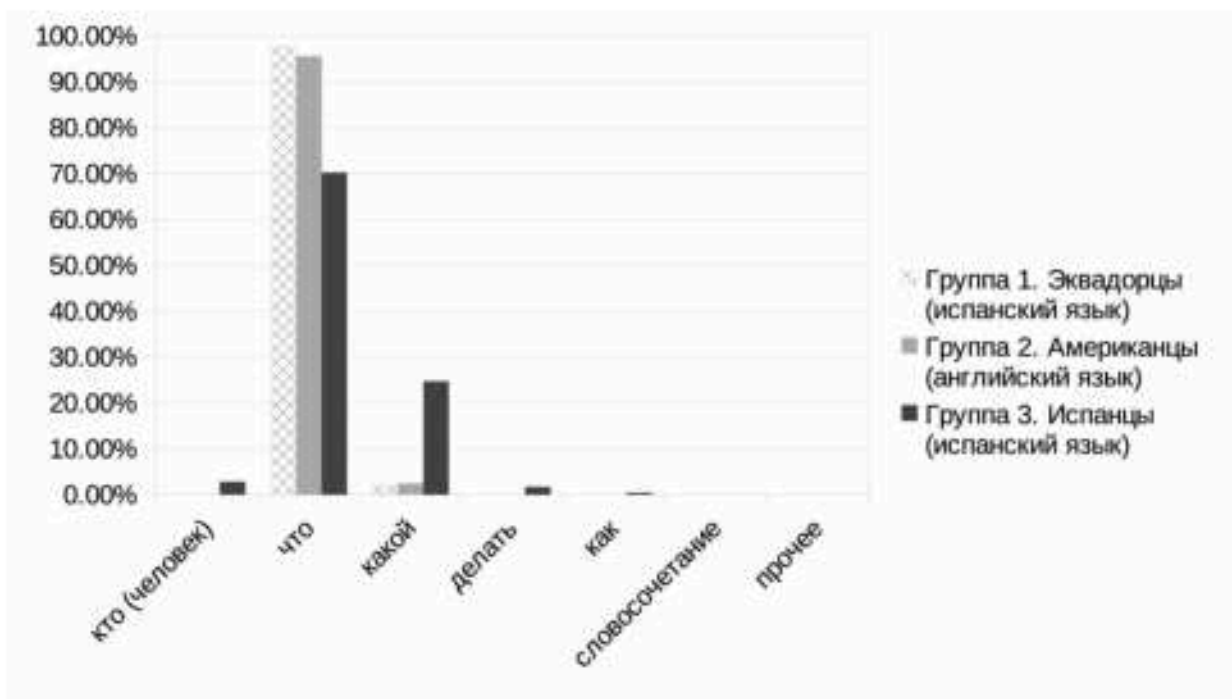
Окончание таблицы 7

Стимул	Зоны	Ассоциаты	Всего	
<i>Red</i> (красный)	что	4–0,9%; labios (губы) 4–0,9%; peligro (опасность) 4–0,9%; vida (жизнь) 4–0,9%; alegría (радость) 3–0,65%; miedo (страх) 3–0,65%; toro (бык) 3–0,65%; vestido (платье) 3–0,65%; banda (полоска цветной ткани, которая надевается на талию или пересекается на груди как знак каких-либо военных, гражданских или церковных действий или как почетный знак) 2–0,43%; coche (автомобиль) 2–0,43%; dolor (боль) 2–0,43%; guerra (война) 2–0,43%; intensidad (интенсивность) 2–0,43%; jersey (свитер) 2–0,43%; juego (игра) 2–0,43%; luz (свет) 2–0,43%; rosa (роза) 2–0,43%; Rusia (Россия) 2–0,43%; semáforo (свет) 2–0,43%; socialismo (социализм) 2–0,43%; tomate (помидор) 2–0,43%; toros (бой быков) 2–0,43%; violencia (насилие) 2–0,43%; viveza (живость) 2–0,43%;	323	70,22%
	какой	verde (зеленый) 30–6,52%; azul (синий) 29–6,30%; negro (чёрный) 29–6,30%; blanco (белый) 7–1,52%; amarillo (жёлтый) 6–1,3%; fuerte (сильный) 6–1,3%; chillón (очень яркий цвет, который плохо сочетается с другими) 5–1,08%; llamativo (поразительный) 2–0,43%;	114	24,7%
	делать	vivo (я живу) 8–1,7%;	8	1,7%
	как	izquierda (изquierda) 2–0,43%;	2	0,43%
	словосочетание			
	прочее			
			460	SUM(ABOVE)*100 \# "0%"

Таблица 8 и график на рисунке 2 показывают, что в структуре ассоциативного поля стимула «красный» (rojo, red), также как и стимула «белый» у эквадорцев, испанцев и американцев имеются сходства и различия. Как и в случае с белым, из трёх групп для группы испанцев зафиксировано ассоциатов красного цвета в наибольшем количестве зон, а у эквадорцев – в наименьшем. Однако в целом, по сравнению с белым, в красном задействовано больше зон.

**Т а б л и ц а 8. Соотношение семантических зон ассоциатов
на стимул красный**

Стимул	Зоны	Группа 1. Эквадорцы (испанский язык)	Группа 2. Американцы (английский язык)	Группа 3. Испанцы (испанский язык)
	кто (человек)	0,00%	0,00%	2,83%
	что	97,74%	95,58%	70,22%
rojo-red (красный)	какой	2,25%	2,42%	24,70%
	делать	0,00%	0,00%	1,70%
	как	0,00%	0,00%	0,43%
	словосочетание	0,00%	0,00%	0,00%
	прочее	0,00%	0,00%	0,00%

**Р и с у н о к 2. Соотношение семантических зон ассоциатов
на стимул красный**

В зоне *кто* ассоциаты присутствуют только у испанцев – *comunista* «коммунист» (13–2,83%), очевидно, из-за использовавшегося ими в качестве символа революционной борьбы пролетариата красного флага. Это неудивительно, поскольку в хроматизме красный цвет сублимирует архетип тотемизма, в частности коммунизма (в сублимате же красного цвета за-

ключено «хроматическое проявление мужского бессознательного при нормальных и женского при экстремальных условиях жизни») [Серов, 2003, с. 15]

В зоне **что** присутствует самое большое количество ассоциаций. При этом, эквадорцы и испанцы продемонстрировали схожие реакции: у эквадорцев *sangre* «кровь» 49,62% и *amor* «любовь» (38–14,3%); у испанцев *sangre* «кровь» (73–15,9%) и *pasión* «страсть» (71–15,4%). У американцев же самыми частотными ассоциациями являются *heart* «сердце» (28–16,97%) и *apple* «яблоко» (14–8,48%).

В зоне **какой** у всех трёх групп ассоциации абсолютно различны. Для эквадорцев красный – это *enojo* «злой» (2–0,75%) и *peligro* «опасный» (2–0,75%). Для американцев же, наоборот, красный ассоциируется с *nice* «милый, красивый» (4–2,42%). При ответе на вопрос «Какой?» и предъявления слова-стимула «красный», испанцы данный цвет вообще проигнорировали и отметили совершенно другие цвета, поэтому у испанцев в зону **какой** вошли разные цвета: *verde* «зелёный» (30–6,52%), *azul* «синий» (29–6,30%), и даже *negro* «чёрный» (29–6,30%) и *blanco* «белый» (7–1,52%), а также *amarillo* «жёлтый» (6–1,3%), но не красный. Объяснение этому факту ещё предстоит найти.

3. Заключение

Сравнение типов ассоциаций по признакам «абстрактные / предметные» и «положительные / отрицательные / нейтральные») показало, что восприятие белого цвета испанцами ближе к эквадорцам с высокой частотностью положительных абстрактных понятий, однако спектр и количество предметных значений у испанцев шире, чем у эквадорцев. У американцев преобладают предметные нейтральные значения. В восприятии красного цвета самые частотные ассоциации оказались схожими у всех трёх групп, что, на наш взгляд, объясняется молодостью и энергией испытуемых и, следовательно, предпочтением красного цвета.

Анализ структуры ассоциативного поля по зонам **кто, что, как, какой, действие** и некоторым другим позволил определить соотношение семантических зон и средние проценты по каждой зоне, а также количественный «вес» различных зон. Наибольшей по весу зоной у всех групп испытуемых оказалась зона **что**.

Разница ассоциаций испанцев, эквадорцев и американцев на один и тот же стимул, выявленная в ходе эксперимента, подтверждает тот факт, что история, философия и культура разных народов оказывают влияние на формирование их языкового сознания и языковой картины мира, отражающей своеобразие их взглядов на мир. Между тем, другие факторы, например возраст, могут вносить существенные коррективы в классическую лингвоцветовую картину. В этой связи, в перспективе исследования было бы интересно сравнить результаты, полученные от молодых испытуемых, с результатами по испытуемым старшего возраста. К тому же, добавление гендерного фактора могло бы оказаться весьма полезным.

В целом, полученные результаты также показали, что языковая близость имеет больший вес, чем географическая. Хотя Соединённые Штаты Америки территориально находятся очень близко к Эквадору, в отличие от Испании, эквадорцы и американцы совершенно по-разному воспринимают мир, образы эквадорцев и испанцев совпадают в большей степени именно благодаря единству языка.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 570 с.
2. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Е. И. Горошко. – Харьков ; Москва : РА – Каравелла, 2001. – 320 с.
3. Иванов, А. В. Сознание и мышление [Текст] / А. В. Иванов. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 136 с.
4. Кудрина, А. В. Реконструкция семантических пространств основных цветов на примере трех культур (англоязычной, русскоязычной и немецкоязычной) [Текст] / А. В. Кудрина // Культурно-историческая психология. – 2011. – № 2. – С. 114–124.
5. Леонтьев, А. А. Психолингвистический аспект языкового значения [Текст] / А. А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1976. – С. 46–73.
6. Леонтьев, А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации [Текст] / А. А. Леонтьев / под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. – М. : Смысл, 2008. – 272 с.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] . – Т. I: От стимула до реакции [Текст] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин. М. : АСТ : Астрель, 2002. – 784 с.
9. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] . – Т. II: От стимула до реакции [Текст] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин. М. : АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.
10. Санчес Пуиг, М. Ассоциативные нормы испанского и русского языка [Текст] / М. Санчес Пуиг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. – Москва – Мадрид : Азбуковник, 2001. – 496 с.
11. Свинчукова, Е. Г. Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане [Текст] : дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Свинчукова Елена Геннадьевна ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2011. – 19 с.
12. Серов, Н. В. Цвет Культуры: психология, культурология, философия [Electronic Resource]. – URL : <https://mybook.ru/author/nikolaj-serov/simvolika-cveta/>.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
14. Тарасов, Е. Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур [Текст] / Е. Ф. Тарасов, М. Е. Тарасова // Ментальность россиян (Спе-

- цифика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И. Г. Дубова. М. : Имидж-контакт, 1997. – С. 253–257.
15. Al-Adaileh, B. A. The connotations of Arabic colour terms [Electronic Resource] / B. A. Al-Adaileh // *Linguistica online*. – 2012. – URL : <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/al-adaileh/ada-001.pdf>.
 16. Bortoli, M. D. Colours Across Cultures: Translating Colours in Interactive Marketing Communications [Electronic Resource] / M. D. Bortoli, J. V. Maroto – 2008. – URL : <http://www.globalpropaganda.com/articles/TranslatingColours.pdf>.
 17. Hallock, J. Colour Assignment [Electronic Resource] / J. Hallock. – 2007. – URL : <http://www.joehallock.com/edu/COM498/preferences.html>.
 18. Kiss, G. The Associative Thesaurus of English [Text] / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy // *The computer and literary studies* / Ed. by A. Aitken, R. Bailey, N. Hamilton-Smith. – Edinburg : Edinburg University Press., 1973. – 370 p.
 18. Soriano, C. Emotion and colour across languages: Implicit associations in Spanish colour terms [Text] / C. Soriano, J. Valenzuela // *Social Science Information*. – 2009. – Vol. 48 (3). – P. 421–445.
 19. Strudsholm, E. Metaphor and emotion in colour words [Text] / E. Strudsholm, C. Bazzanella, I. Ronga // *Colour and colour naming: Crosslinguistic approaches* / ed. by J. P. Silvestre, E. Cardeira, A. Villalva. – Centro de Linguística da Universidade de Lisboa ; Universidade de Aveiro, 2016. – P. 130–144.

References

1. Vygotsky, L. S. (2014). *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Direct-Media.
2. Goroshko, E. I. (2001). *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [An integrative model of a free associative experiment]. Kharkov ; Moscow RA-Karavella.
3. Ivanov, A. V. (1994). *Soznanie i myshlenie* [Consciousness and thought]. Moscow : Moscow State University Press.
4. Kudrina, A. V. (2011). Rekonstruktsiya semanticheskikh prostranstv osnovnykh tsvetov na primere trekh kul'tur (angloyazychnoy, russkoyazychnoy i nemetskoyazychnoy) [Reconstruction of Semantic Spaces of the Main Colours at the Example of Three Cultures (English-, Russian-and German-speaking)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2, 114–124.
5. Leont'ev, A. A. (1976). Psikholingvisticheskiy aspekt yazykovogo znacheniya [Psycho-linguistic aspect of meaning in language]. In V. N. Yartseva, *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research] (pp. 46–73). Moscow : Nauka Press.
6. Leont'ev, A. A. (2008). *Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoy kommunikatsii* [Applied psycholinguistics of speech communication and mass communication]. Ed. by A. S. Markosyan, D. A. Leont'ev, Yu. A. Sorokin. Moscow : Smysl Press.
7. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguistic culturology]. Moscow : Akademiya Press.

8. Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. (2002). [Russian associations dictionary: in 2 volumes]. Vol. I : Ot stimula do reaktsii [From stimulus to reaction]. Compiled by Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, E. F. Tarasov, Yu. A. Sorokin. Moscow : AST-Astrel' Press.
9. Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. (2002). [Russian associations dictionary: in 2 volumes]. Vol. II : Ot stimula do reaktsii [From stimulus to reaction]. Compiled by Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, E. F. Tarasov, Yu. A. Sorokin. Moscow : AST-Astrel' Press.
10. Sanches Puig, M. Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A. (2001). *Assotsiativnye normy ispanskogo i russkogo yazyka* [Associative norms of Spanish and Russian]. Moscow – Madrid : Azbukovnik Press.
11. Svinchukova, E. G. (2011). *Yazykovaya kartina mira russkoy diaspory v Kazakhstane* [Language picture of the world of Russian diaspora in Kazakhstan]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences.
12. Serov, N. V. (2004). *Tsvet Kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, filosofiya* [The color of culture: Psychology, culturology, philosophy]. St-Petersburg : Rech' Press.
13. Sepir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works in language and culture studies]. Moscow : Progress.
14. Tarasov, E. F., Tarasova, M. E. (1997). Issledovanie assotsiativnykh poley predstaviteley raznykh kul'tur [Tekst]. In I. G. Dubov, *Mental'nost' rossiyan (Spetsifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii)* [Russian mentality (Big population group consciousness peculiarities)] (pp. 253–257). Moscow : Imidzh-kontakt Press.
15. Al-Adaileh, B. A. (2012). The connotations of Arabic colour terms. *Linguistica online*. Retrieved from <<http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/al-adaileh/ada-001.pdf>>.
16. Bortoli, M. D., Maroto, J. V. (2008). *Colours Across Cultures: Translating Colours in Interactive Marketing Communications* [Electronic Resource]. Retrieved from <<http://www.globalpropaganda.com/articles/TranslatingColours.pdf>>.
17. Hallock, J. (2007). *Colour Assignment*. Retrieved from <<http://www.joehallock.com/edu/COM498/preferences.html>>.
18. Kiss, G., Armstrong, C., Milroy, R. et al. (1973). The Associative Thesaurus of English. In A. Aitken, R. Bailey, N. Hamilton-Smith, *The computer and literary studies*. Edinburg : Edinburg University Press.
19. Soriano, C., Valenzuela, J. (2009). Emotion and colour across languages: Implicit associations in Spanish colour terms. *Social Science Information*, 48 (3), 421–445.
20. Strudsholm, E., Bazzanella, C., Ronga, I. (2016). Metaphor and emotion in colour words. In J. P. Silvestre, E. Cardeira, A. Villalva (eds.), *Colour and colour naming: Crosslinguistic approaches* (pp. 130–144). Centro de Linguística da Universidade de Lisboa ; Universidade de Aveiro.

УДК 81'25, 81'27

UDC 81'25, 81'27

Мань Шу**Южно-Уральский государственный университет****г. Челябинск, Российская Федерация****Man Shu****South Ural State University****Chelyabinsk, Russian Federation**

manshu9057@126.com

СТРАТЕГИИ НАЗЫВАНИЯ МАГАЗИНОВ В КИТАЕ И РОССИИ STORE NAME STRATEGIES IN CHINA AND RUSSIA

Аннотация

Настоящая статья выявляет и анализирует приоритетные способы нейминга торговых организаций городов Челябинска и Хэйхэ в зоне приграничного экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и России. Типология названий магазинов и других предприятий, предоставляющих товары и услуги, показывает этнические и культурные особенности, которые проявляются в современном языковом пространстве двух стран. Исследование показало большое разнообразие способов образования названий на территории города Челябинска: однословные названия (включая сложные) русские и иностранные, словосочетания из русских и иностранных слов, аббревиатуры, а также слова с нетрадиционным написанием и неясным значением. На территории г. Хэйхэ было зафиксировано шесть типов наименований: слова с положительной коннотацией, названия, указывающие на основную функцию организации или географическое положение, названия, содержащие имя владельца, а также названия неудачные или с ошибочным переводом. Из них первые четыре являются стратегическими способами нейминга, поскольку помогают продвижению компании на рынке товаров и услуг и играют важную роль в формировании лояльности потенциальных потребителей.

Abstract

This article identifies and analyzes the priority ways of naming the trade organizations of Chelyabinsk and Heihe cities in the zone of cross-border economic cooperation between China and Russia. The typology of the names of shops and other enterprises providing goods and services shows ethnic and cultural features that manifest themselves in the modern language space of the two countries. A large variety of organization names was found in Chelyabinsk city: single words (including complex ones) both Russian and foreign, word groups consisting of Russian and foreign words, abbreviations as well as words with non-traditional spelling and unclear meaning. Six types of naming were found in Heihe city: words with positive connotations, words pointing to the major function of an organization, names containing a company's location, words including the owner's name, unsuitable names and samples of erroneous translation. The first 4 can be considered strategic ways of naming as far as they help promote companies that they name on the market of goods and services and play a considerable role in forming potential customers loyalty.

Ключевые слова: ономастика, нейминг, эргонимы, вывески, положительные значения, ошибочный перевод.

Keywords: onomastics, naming, ergonyms, signboards, positive meaning and connotations, erroneous translation.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_1_64_76

1. Введение

В конце второго десятилетия 21 века можно говорить о том, что наступила эпоха открытости и интеграции разных стран в единое экономическое пространство. Именно это делает очень актуальным изучение роли коммуникативных процессов в экономике. В своей работе мы исследуем эргонимы в языковом пространстве российского города Челябинска и приграничного китайского города Хэйхэ. Специфика этого города в том, что многие вывески имеют перевод на русский язык, поскольку в город часто приезжают русскоязычные туристы и предприниматели.

Эргонимы как часть ономастической системы русского языка в русском языкознании изучаются на протяжении примерно пятидесяти лет. Первоначально в российской научной литературе для обозначения комплексных городских объектов использовался термин «урбаноним» (от лат. *urbanus* «городской» и от др.-греч. ὄνομα «имя»). Под этим термином, согласно А. В. Суперанской, Н. В. Подольской [Суперанская, 1973 ; Подольская, 1988, с. 67], понимается имя собственное любого внутригородского объекта. С развитием ономастики как раздела языкознания, изучающего имена собственные, появился новый термин «эргоним». Автором этого термина является Н. В. Подольская, которая объясняет его в «Словаре русской ономастической терминологии», как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 67]. Настоящая статья подвергает типологическому анализу эргонимы городского пространства Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

В своей работе мы выявили и проанализировали 512 вывесок торговых предприятий и организаций китайского города Хэйхэ, оказывающих услуги, выделенных методом сплошной выборки. Следует отметить то, что вопросу нейминга (процессу создания имени торговой марки) в Китае придаётся большое значение, так как название магазина играет большую роль в привлечении внимания покупателя, его благожелательности и лояльности, что очень существенно влияет на объём продаж. Картотека вывесок торговых предприятий и организаций российского города Челябинска насчитывает 536 единиц, также выделенных методом сплошной выборки. Таким образом, количественные показатели выборок сопоставимы.

В настоящей статье ставятся следующие задачи: 1) выявление приоритетных способов нейминга на одной из центральных торговых улиц

крупного китайского города в зоне приграничного экономического сотрудничества Китайской Народной Республики; 2) определение приоритетных способов нейминга торговых предприятий российского города Челябинска; 3) анализ типологии названий магазинов и других предприятий, предоставляющих товары и услуги, в двух лингвокультурах.

В китайской научной литературе проблема названий магазинов с лингвистической точки зрения почти не поднималась. Нами было обнаружено только две статьи, описывающие названия торговых организаций в коммерческих кварталах Китая. Гао Ваньцюань, Шань Юйцзюнь [Гао Ваньцюань, 1995, с. 47–48] в статье «Заметки о способах наименования магазинов» и Ван Лимей [Ван Лимей, 2004] в статье «Культурные особенности китайских названий магазинов» говорят о четырёх принципах традиционного наименования для культуры Китая. Они выделяют имя объекта; имя человека; имя, содержащее атрибут и абстрактное понятие.

В русской научной литературе проблема названий магазинов с лингвистической точки зрения впервые поднялась в 1986 году, в монографии Т. А. Соболевой и А. В. Суперанской (1986) «Товарные знаки», где авторы раскрывают историю и современное состояние товарных знаков, а также целый мир хитроумных искусственных слов, обозначающих созданные трудом человека вещи, но не называющих их прямо.

В 20 веке русская эргономика стала объектом исследования нескольких десятков учёных, анализирующих эргонимы разных российских городов (О. А. Донскова, А. М. Емельянова, М. Я. Крючкова, И. В. Крюкова, Н. Н. Лесовец, Н. В. Пушкарева, Н. Н. Розанова, Т. П. Романова, М. Г. Курбанова, Ф. Ф. Алистанова и др.). Классификация эргонимов городского пространства в трудах этих учёных достаточно обширна и разнообразна.

В современной российской эргонимике существует множество классификаций коммерческих номинаций. Так, в работе Н. В. Шимкевич предлагается классификация эргонимов на основании наличия / отсутствия прагматики. Непрагматические эргонимы Н. В. Шимкевич делит на информирующие (сообщающие сведения о типе организации) и неинформирующие [Шимкевич, 2002]. Информрующие эргонимы указывают на вид деятельности организации, структуру фирмы или географическое положение объекта, а иногда и имя владельца. М. Е. Новичихина [Новичихина, 2004] предлагает такие основания для классификации эргонимов: степень мотивированности, структура номинации (однословные и составные), степень прозрачности. М. Г. Курбанова [Курбанова, 2015] предлагает классификацию эргонимов с точки зрения мотивационных установок. Т. А. Новожилова [Новожилова, 2005] систематизирует эргонимы по степени точности указания на называемый объект. В. А. Крыжановская предлагает выделять условно-символические имена, которые разделяются на информативные (Рыба, Молоко, Овощи), рекламные (Лидер, Спартак, Русь) и рекламно-информативные (Дом одежды, Дом обуви) [Крыжановская, 2017, с. 23].

2. Классификации российских названий организаций

В статье мы стремились создать собственную типологию названий организаций, предоставляющих товары и услуги на территории города Челябинска. Для этого мы применили типологический анализ, основанный на способах образования слов-эргонимов. Лингвистический анализ вывесок с названиями торговых организаций показал большое разнообразие в способах названия (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Эргонимы в лингвистическом пространстве города Челябинска

Тип эргонима	Примеры	Кол-во	%
1. Одно русское слово	<i>Атмосфера, Перекресток</i>	77	13
2. Словосочетание	<i>Дом книги, Уральские пельмени</i>	67	12
3. Иностранные слова или словосочетания	<i>Good Flat, Shape, Black Cube</i>	60	11
4. Сложные слова	<i>Спортмастер, Пегас-тур,</i>	58	11
5. Слова с неясным значением	<i>Кая, Эдвайс, Аттимо</i>	44	8
6. Аббревиатура и слово	<i>СКБ Контур</i>	43	8
7. Слова с нетрадиционным для русского языка написанием	<i>К,Маркет, АСпринт, Гнам-М</i>	37	7
8. Сочетание слов и цифр	<i>Гости174, Суши174</i>	30	6
9. Иностранные слова русскими буквами	<i>Инфолэйф, БУХЕН ХАУЗ</i>	30	6
10. Имена владельцев	<i>Адвокат Чулков, Тетюев и Лепёхин</i>	26	5
11. Русские слова английскими буквами	<i>Salon chehloff, Flach'ka</i>	25	5
12. Русские и латинские буквы в одном слове	<i>Belle'этаж, Заломoff, Proffспорт</i>	21	4
13. Словосочетания из русских и английских слов	<i>Секреты girl's shoes</i>	14	3
14. Иностранные слова с неясным значением или лжеанглийский	<i>Calligaris, Sagitta, WebMotolok, COCOGOOSE</i>	4	1

Статистически на первом месте (77 единиц, 31%) оказались вывески, с названием магазинов в одно русское слово. Примеры: Атмосфера, Перекресток, Имбирь, Антураж, Баркас, Спутник. В таком виде вывески для потен-

циальных покупателей малоинформативны, однако в сочетании с обозначенным типом организации они проясняют логику выбора номинатора, например: чайный клуб «Плантация», туристическая компания «Спутник», салон красоты «Шарм», багетная мастерская «Антураж».

На втором месте по количеству употреблений оказались вывески двух видов словосочетаний: согласованные словосочетания, например, Уральские пельмени, Золотая рыбка, Белый трюфель, Русский проект, Белая река, Дубровские колбасы; словосочетания по типу управления, например, Пик формы, Центр ключей, Дом книги, Академия звёзд. Всего вывесок, оформленных в виде словосочетаний, было обнаружено 67 единиц, что соответствует 12% от общего числа проанализированных эргонимов. Такие эргонимы, представленные словосочетаниями, создают эстетический образ и благоприятно влияют на привлечение внимания потенциальных посетителей.

Третье место заняли вывески, оформленные в виде иностранных слов или словосочетаний, например, Good Flat, Shape, Black Cube, Pizza Mia, Bambini, Lucky Smile, Blueberry и так далее. Их оказалось 60 единиц, что соответствует 11% от общего числа проанализированных эргонимов. Вероятно, номинаторы, используя такой способ нейминга, презентуют свои услуги иностранным или англоговорящим посетителям. Скорее всего, таким образом они повышают статус заведения.

Четвёртое место заняли вывески с названиями торговых организаций, оформленных как сложные слова, состоящие из двух корней (58 единиц, 11%), например, Спортмастер, Автолидер, Ладаплюс, Кафе-столовая, Техарсенал, Спецарматура. По таким вывескам можно сразу определить, какие товары или услуги предоставляет организация, например: «Спортмастер» – магазин спортивных принадлежностей, «Зоомакет» – магазин для продажи животных и/или товаров для животных, «Ладаплюс» – дилер автомобилей марки «Лада», «Техарсенал» – магазин технического инструмента, «Новодом» – организация, связанная с ремонтом или строительством.

Пятое место заняли вывески названий торговых организаций, содержащие слова с неясным значением (44 единицы, 8%), например: Кая, Эдвайс, Аттимо. Айтиби, Ринтол. Обозначенные эргонимы являются примером немотивированной номинации. В процессе нейминга номинаторы зашифровали логику образования эргонимов, сделав их значения не очевидными.

На шестом месте (43 единицы, 8%) оказались аббревиатурные эргонимы нескольких типов: буквенные – ООО МКАД, НТЦ-НИОГР; слоговые – Челябингражданпроект, Главэлектромонтаж, Уралсистемсервис, Челябинжмашпроект, Челябинтранстехмаш и смешанные – СП Компьютер, НПО Инженерный центр, СКБ Контур.

На седьмом месте (37 единиц, 7%) оказались эргонимы, содержащие слова с нетрадиционным для русского языка написанием, например: К,Маркет, АСпринт, Гном-М. Именно такие вывески оказались трудными и даже невозможными для понимания того, что именно предлагает организация своим посетителям, потенциальным покупателям. Проверка названий

организаций по справочнику 2ГИС показала, что «К,Маркет» является магазином по продаже табачной продукции, «АСпринт» типографией, «Гном-М» продаёт системы отопления, водоснабжения, канализации.

На восьмом месте по количеству употреблений (30 единиц, 6%) стоят эргонимы, в которых сочетаются слова и числа, например: Гости 174, Суши 174, Эксперт 74, Регион 74, Цветы 74, 74 окна, 74 плюс. Числовое обозначение в данных примерах является закодированным обозначением географического региона города Челябинска и Челябинской области в перечне цифровых кодов регионов России.

На девятом месте (30 единиц, 6%) находятся эргонимы, в которых иностранные для русского языка слова написаны русскими буквами, например: «Инфолайф» – компания, предоставляющая услуги психолога, «Альпари» – сеть магазинов, продающая бытовую химию, «Аргус» – центр изготовления печатей и штампов. Логическая связь между словом, называющим организацию, и сферой деятельности этой организации, на первый взгляд не обнаруживается. В другом примере эргонима, написанного русскими буквами псевдоиностранного словосочетания «Бухен Хауз», для большинства русскоязычного населения очевидна игра слов, обозначающая питейное заведение. На молодежном сленге русского языка слово «бухать» обозначает «употреблять спиртные напитки», а слово «хауз» в переводе с некоторых европейских языков значит «дом». То есть Бухен Хауз – это дом, место, где находятся спиртные напитки. Уникальным случаем является то, что Управление Федеральной антимонопольной службы города Челябинска 11 ноября 2015 года провело социологический опрос жителей города по вопросу о том, считают ли они, что в данной рекламе демонстрируется процесс употребления алкогольной продукции, и может ли, по их мнению, словосочетание «Бухен хауз», используемое в рекламе, восприниматься в значении «употреблять спиртные напитки»? Данный опрос показал следующие результаты: 60% опрошенных считают, что в данной рекламе демонстрируется процесс употребления алкогольной продукции; 62% высказались, что словосочетание «Бухен хауз», используемое в рекламе, воспринимается в значении «употреблять спиртные напитки» [Сайт 74.ru Челябинск].

Десятое место (26 единиц, 5%) занимают эргонимы с именами владельцев компании например: «юридические компании Адвокат Чулков, Тетюев и Лепёхин», «Нотариус Брейтенбрюхер Е. П.», «Авторская студия Гавриловой Ольги и Лукиной Алины». Обычно владелец небольшой компании, давая своё имя личному бизнесу, показывает открытость, доступность и честность перед клиентами и различного рода службами.

На одиннадцатом месте (25 единиц, 5%) вывески, на которых русские слова написаны латинскими буквами: «Salon chehloff», «Flach'ka», «Mebel Urala». Своеобразная стилизация под иностранный облик – это тоже разновидность игры, которая используется для повышения значимости, придания эффекта чего-то западного, а значит и дорогого.

На двенадцатом месте (21 единица, 4%) находятся эргонимы, сочетающие русские и латинские буквы в одном слове. Это своеобразная игра

слов, которая обнаружена на таких вывесках, как: «Belle'этаж», «Золотоff», «Proffспорт», «S'Танция». Двойная латинская буква *ff*, которая используется в окончании *-off* соответствует русскому *-ов* в окончании фамилий. Таким способом были созданы известные прагматонимы, среди которых *Nemiroff* – водочная компания, основанная в городе Немиров (Украина), водка «*Smirnoff*» (в честь основателя Петра Смирнова) и тому подобные. В эргониме *Belle'этаж* используется сочетание французского слова *Belle'* – красивый и русского слова этаж, не несущего какого-либо дополнительного смысла, однако языковая игра заключается в том, что слово *Belle'этаж*, написанное кириллическими буквами *Бельэта́ж*, будет иметь значение 'этаж, где расположены парадные залы или комнаты в доме или самое удобное место в зрительном зале театра'. Таким образом, можно говорить, что игра слов в данном случае образования эргонима различает слова, создает интригу и вызывает желание потенциального покупателя зайти в кофейню с таким названием.

Тринадцатое место (14 единиц, 3%) занимают эргонимы, сочетающие в себе русские и английские слова, например: *CEKPEТЫ girl's shoes store*, *Блин Street*, *пенка Fresh*. Такой тип словесной игры заключается в модном употреблении сниженной или молодежной лексики, разговорного стиля в сочетании с английскими словами.

Четырнадцатое место (4 единицы, 1%) занимают эргонимы на псевдоиностранным языке, где употреблены слова с неясным значением, как например: *Calligaris*, *Sagitta*, *WebMotolok*, *COCOGOOSE*.

Таким образом, лингвистический анализ вывесок российского города Челябинска с названиями организаций показал 14 возможных способов названия организаций, предоставляющих товары и услуги. Наиболее частотными являются немотивированные однословные эргонимы, образные словосочетания, иностранные слова или словосочетания (как правило, английские), сложные слова и аббревиатуры. Почти в каждом типе эргонимов наблюдается какая-либо разновидность словесной игры.

3. Классификации китайских названий организаций

В данной статье мы также выявили стратегии названий торговых организаций в Китайской Народной Республике. В процессе изучения было собрано 512 образцов двуязычных вывесок китайского города Хэйхэ провинции Хэйлунцзян. Вывески располагаются над входом магазинов центральной торговой пешеходной улицы протяженностью 2 километра. Эти двуязычные вывески были сфотографированы и занесены в картотеку. Анализ названий магазинов и других торговых организаций выявил шесть способов наименования торговых организаций. Одна из особенностей наречения именем в китайской культуре сочетается с этимологией имени. Этимологическая значимость имени отражает традиционную этническую, социальную культуру Китая и является средством художественной выразительности.

Так, к первому типу в типологии названий торговых организаций можно отнести такие названия, которые связаны с позитивной коннотаци-

ей слов (табл. 2). Большинство названий коммерческих предприятий использует положительное значение слов, например, название 康 («Кан») переводится на русский язык как «благополучие», название 福 («Фу») – как «счастье», 泰 («Тай») – как «государство наслаждается миром и народ спокоен», название 恒 («Хэн») – как «вековечный».

**Т а б л и ц а 2. Эргонимы городского пространства
с положительной коннотацией слов**

Тип организации	Иероглиф	Название организации	Перевод
Аптека	永泰	«Юнтай»	постоянно спокойный и здоровый
Магазин оптики	明月	«Мингьюе»	яркая луна
Супермаркет	华富	«Хуафу»	богатство и процветание
Универсальный магазин	美丽	«Мэйли»	красивый
Магазин спортивных товаров	国荣	«Гожун»	национальная честь

Численность названий первого типа, в котором подчёркивается положительное значение слов, составила 216 единиц, что соответствует 43% от общего числа проанализированных эргонимов.

Второй тип названий торговых организаций содержит в себе неправильный или некрасивый перевод с китайского языка на русский, который можно обозначить как неудачный нейминг (табл. 3). Например: магазин «Фирма брюк известной марки», салон «Два дьякона» (вместо два дракона); «Закуски магазина», «Печеное мясо мэисянюань», «Песторан перошка умная жина», «Мир брюков», «Тёплые продукты питания» и другие.

В ряду организаций, расположенных на первом этаже здания, есть двуязычные вывески, обозначающие основную деятельность компании, например: «Женская одежда», «Парикмахерская», «Адвокат». В этой группе встречаются и вывески с неправильным переводом, например: «Закуски магазина». Эта вывеска, содержащая неудачный эргоним, подразумевает, что в магазине продаётся еда, готовая для употребления.

Численность названий второго типа эргонимов, которые содержат неудачный перевод, составила 93 единицы, что соответствует 21% от общего числа проанализированных эргонимов.

К третьему типу в типологии названий торговых организаций можно отнести такие названия, которые сообщают об основной функции, о деятельности компании (см, табл. 4). Это самый простой метод: люди сразу понимают особенности продаваемых товаров и характеристики предлагаемых услуг, например: магазин «Овощи-фрукты», «Магазин фруктов»

**Т а б л и ц а 3. Эргонимы городского пространства
с неудачным неймингом или ошибкой перевода**

Тип организации	Иероглиф	Название организации	Правильный перевод
Парикмахерская	沈明	Среатилная стрижка	парикмахерская «Шэньмин»
Супермаркет	万利福	Стыль	супермаркет «Ваньлифу»
Ресторан	笨鸡火锅	Ресторан	китайский самовар «Тупая курица»
Клиника косметологии	苗方清	Центр по очищению лица от прыщиков	центр косметологии «Мяофанцин»
Зоомагазин	大自然	Пригода	магазин «Природа»

**Т а б л и ц а 4. Эргонимы городского пространства,
называющие основную функцию организации**

Тип организации	Иероглиф	Название организации	Перевод
Магазин	女装	женская одежда	магазин женской одежды
Парикмахерская	美发沙龙	парикмахерская	парикмахерская
Магазин	面包	хлеб	хлебный магазин
Магазин	蔬菜	овощи	овощной магазин
Магазин	牛奶	молоко	магазин молочных продуктов

Численность наименований третьего типа эргонимов, которые называют основную функцию магазина, составила 52 единицы, что соответствует 12% от общего числа проанализированных эргонимов.

Четвёртый тип именования торговых организаций (см. табл. 5) – это употребление географических названий, например: гостиница «Цзиньцзян» (город в провинции Сычуань), ресторан «Пекин», отель «Сиань» (крупный город в центральной части Китая и столица провинции Шэньси).

**Т а б л и ц а 5. Эргонимы городского пространства,
обозначающие географические названия**

Тип организации	Иероглиф	Название организации	Перевод
Гостиница	锦江	«Цзиньцзян»	гостиница «Цзиньцзян»
Ресторан	北京	«Пекин»	ресторан «Пекин»
Отель	西安	«Сиань»	отель «Сиань»
Гостиница	华夏	«Хуася»	гостиница «Хуася»
Гостиница	圣彼得堡	«Санкт-Петербург»	гостиница «Санкт-Петербург»
Ресторан	开封府	«Кайфэнфу»	ресторан «Кайфэнфу»

Численность названий четвёртого типа, в котором употребляются географические названия местонахождения самого магазина, составила 52 единицы, что соответствует 12% от общего числа проанализированных эргонимов.

Пятый тип, который используют в Китае для названия своих компаний, – употребление собственного имени человека, что может иметь красивое звучание или художественную выразительность (табл. 6), например: ресторан Лип Чжи назван по имени владельца. Среди названий коммерческих мест в китайских городах существует немало магазинов, которые используют фамилию владельца магазина. Получаются такие названия как, например, столовая «李大娘水饺 пельмени тети Ли». Подобные названия, привлекая личностные образы, опираясь на добрососедские отношения, увеличивают приток посетителей и, как следствие, улучшают бизнес.

**Т а б л и ц а 6. Эргонимы городского пространства,
называющие имя владельца**

Тип организации	Иероглиф	Название организации	Перевод
Ресторан	信誉东方	Синьуй дунфан	ресторан «Синьуй дунфан»
Ресторан	刘记	Люцзи	ресторан «Люцзи»
Ресторан	凌志	Линчжи	ресторан «Линчжи»
Ресторан	李大娘水饺	Пельмени тети Ли	ресторан «Пельмени тети Ли»

Численность названий пятого типа эргонимов, в котором употребляется собственное имя владельца компании, составила 31 единицу, что соответствует 7% от общего числа проанализированных эргонимов.

Итак, статистические данные показали, что приоритетным способом нейминга на одной из центральных торговых улиц города Хэйхэ является позитивная коннотация слов. При количественном сопоставлении типов наименований магазинов в Китае обнаружилось, что на одной из центральных торговых улиц города Хэйхэ значительно более частотны названия магазинов такого типа, в котором подчёркивается положительное значение слов. Они составили 43% от общего числа проанализированных эргонимов, например: 康 (Кан) «благополучие», 福 (Фу) «счастье». Второе место по частотности занимают названия магазинов и торговых организаций, которые содержат в себе ошибку или неудачный перевод – 21%, например: 德信 (Дэсинь) аптека моральной чести, 名牌裤行 (минпай кухан) фирма брюк известной марки, 箱包总汇 (сянбао цзунхуэй) стечение чемодана и сумки «Цзин Цзин», 知足乐 (чжицзулэ).

Можно ли относить неудачный перевод эргонима к способу нейминга – это вопрос спорный. Есть мнение, что таким способом многие владельцы магазинов привлекают внимание русских туристов. Однако нельзя забывать и о том, что многие собственники торговых организаций пользуются электронными переводчиками и не задумываются о качестве перевода. Третье и четвёртое место (по 12% каждый) поделили между собой такие типы, которые называют основную функцию магазина или содержат в себе географические названия: магазин 肉 (жоу) «Мясо», магазин 牛奶 (нюнай) «Молоко», магазин 蔬菜(шуцай) «Овощи», ресторан 北京餐厅 (Бэйцзин цаньтин) «Пекин».

Пятое место по распространенности занимают эргонимы, называющие собственное имя владельца компании (7%): 刘记 (Люцзы) «Ресторан Люцзы», 凌志 (Линчжи) «Ресторан Линчжи».

4. Заключение

Таким образом, можно говорить, что основными стратегическими методами нейминга или имянаречения торговых организаций в Китае являются следующие четыре: положительное значение слов, основная функция магазина, географическое название места расположения организации, имя владельца компании или красивое китайское имя. Неудачный перевод названия магазина на русский язык не может, на наш взгляд, относиться к стратегическим способам нейминга. Указанные четыре способа нейминга являются характерными для китайской лингвокультуры, исторически сформированными в китайском этносе. Именно они, по представлению и многовековому опыту китайцев, помогают продвижению компании на рынке товаров и услуг, играют важную роль в формировании лояльности потенциальных потребителей и, как следствие, получению прибыли.

Список литературы

1. Крыжановская, В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Крыжановская Валентина Александровна ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2017. – 23 с.
2. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Курбанова Малика Гумаровна ; Астраханский гос. ун-т. – Волгоград, 2015. – 23 с.
3. Новичихина, М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Новичихина Марина Евгеньевна ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 37 с.
4. Новожилова, Т. А. Номинация современных коммерческих предприятий [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Новожилова Татьяна Александровна ; Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2005. – 17 с.
5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская / отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
7. Соболева, Т. А. Товарные знаки [Текст] / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
8. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Шимкевич Николай Валерьевич ; Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
9. 王丽梅. 中国店名的文化特征[J]. 北华大学学报(社会科学版), 2004, 5(1). (=Ван Лимей, Культурные особенности китайских названий магазинов [Текст] / Ван Лимей. – Вестник университета Бэйхуа. Сер. «Общественные науки». – 2004. – № 5 (1). – С. 63–66).
10. 高万全, 山玉君. 商店取名方法漫谈[J]. 江苏商论, 1995(8):47-48. (=Гао Ваньцюань, Шань Юйцзюнь. Заметки о способах наименования магазинов [Текст] / Гао Ваньцюань, Шань Юйцзюнь // Дискуссии Цзянсу. – 1995. – № 8. – С. 47–48).
11. Сайт 74.ru Челябинск он-лайн Новости [Электронный ресурс]. – URL : <https://74.ru/text/economics/102504251772928.html>.

References

1. Kryzhanovskaya, V. A. (2017). *Ergonimy s elementami graficheskoy transformatsii: strukturno-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty* [Ergonyms with elements of graphic transformation: structural-semantic and pragmatic aspects]. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar : Kuban State University.
2. Kurbanova, M. G. (2015). *Ehrgonimy sovremennogo russkogo yazyka: semantika i pragmatika* [Ergonyms of modern Russian: Semantics and

pragmatics]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Astrakhan State University.

3. Novichihina, M. E. (2004). *Teoreticheskie problemy issledovaniya effektivnosti kommercheskoy nominatsii* [Theoretical aspects of studying the effectiveness of commercial nomination]. Doctoral in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University.

4. Novozhilova, T. A. (2005). *Nominatsiya sovremennykh kommercheskiy predpriyatiy* [Nomination of modern commercial enterprises]. PhD in Philological sci. diss. Rostov : Rostov State Pedagogical University.

5. Podol'skaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow.

6. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow.

7. Soboleva, T. A., Superanskaya, A. V. (1986). *Tovarnye znaki* [Trademarks]. Moscow.

8. Shimkevich, N. V. (2002). *Russkaya kommercheskaya ergonimiya: pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian commercial ergonymy: Pragmatic and linguo-cultural aspects]. PhD in Philological sci. diss. Yekaterinburg : Ural State University.

9. Wang Limei. (2004). *Zhong gou dian ming de wen hua te zheng* [Cultural characteristics of Chinese store names]. *Beihua daxue xuebao (shehui kexue ban)* [Bulletin of Beihua University. Series of Social Sciences], 5 (1), 63–66.

10. Gao Wanquan, Shan Yujun. (1995). *Shang dian qu ming fang fa man tan* [Talking about the way the store is named]. *Jiangsu shanglun* [Jiangsu Discussions], 8, 47–48.

11. Site 74.ru Chelyabinsk on-line News [Electronic Resource]. Retrieved from <<https://74.ru/text/economics/102504251772928.html>>.

УДК 811.11-112
UDC 811.11-112

Ма Татьяна Юрьевна, Ситун Надежда Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana Yu. Ma, Nadezhda V. Situn
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
tdovnar@mail.ru, tumanis.n@gmail.com

ЛИНГВОЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА ИНДУСТРИИ МОДЫ
2008–2018 ГОДОВ ПО ВЕРСИИ PANTONE COLOR INSTITUTE
LINGUOCOLOR PICTURE OF THE FASHION INDUSTRY WORLD
CREATED BY PANTONE COLOR INSTITUTE IN 2008–2018

Аннотация

В статье рассматривается лингвоцветовая картина мира индустрии моды как результат научных разработок «законодателя цвета» в этой сфере общественно-культурной жизни разных стран – американского института PANTONE COLOR INSTITUTE. Анализируются особенности формирования фрагментов цветовой и лингвоцветовой картин мира с учётом национально-культурной специфики процесса создания модных цветов, оттенков и их названий. Раскрывается роль прагматических факторов в актах языковой номинации.

Abstract

The article aims to consider the linguocolor picture of the fashion industry as it is created by PANTONE, a leading source of color information in the world. PANTONE COLOR INSTITUTE is a consulting service within PANTONE that leverages the power, psychology and emotion of color in their design strategy. Thus the process of color patterning through naming is analyzed, the culture-specific nature of the creation process and its pragmatics are exposed.

Ключевые слова: лингвоцветовая картина мира, цветонаименование, номинация, прагматика, индустрия моды.

Keywords: linguocolor picture of the world, color name, naming, pragmatics, fashion industry.

doi: 10.22250/24107190_2019_5_1_77_87

1. Введение

Цвет испокон веков играет важную роль в жизни человека, а символический смысл, заложенный в семантике колоративных единиц, оказывает непосредственное влияние на процессы межкультурной коммуникации. Отличия в цветовых и лингвоцветовых картинах мира, которые неоднократно

но становились объектом исследования в гуманитарной науке [Апресян, 1995 ; Бахилина, 1975 ; Брагина, 1972 ; Василевич, 2005 ; Вежбицкая, 1996 ; Фрумкина, 1984 ; Тер-Минасова, 2000], неизменно приводят к когнитивному диссонансу в общении представителей разных этнических групп. Чтобы избежать подобных ситуаций, важно изучать и учитывать специфику цветовых и лингвоцветовых картин мира в межкультурном диалоге.

Новизна работы определяется лингвистическим анализом ранее неизученного эмпирического материала, представленного на сайте компании PANTONE (Pantone Color Institute) – исследовательского центра, который является самым авторитетным источником информации о цветовых решениях в индустрии моды, промышленности, дизайне.

2. Анализ названий модных цветов и оттенков 2018 года, разработанных PANTONE COLOR INSTITUTE

Продукцию PANTONE называют «языком цвета», который обеспечивает коммуникацию между дизайнерами, производителями, продавцами и покупателями. Ежегодно сотрудники компании PANTONE представляют палитру самых актуальных оттенков предстоящего года, а также цвет года. Выбор и компоновка цветовой палитры – это результат научных исследований, проводимых Институтом PANTONE: анализ социальных, политических, экономических и культурных изменений в обществе, а также тенденций использования определённого цвета или оттенка в различных видах искусства, а также в fashion-индустрии.

Цвет года определяется в ходе тайных встреч представителей различных национальных групп, занимающихся колористикой, в одной из Европейских столиц. Поэтому для специалиста в области лингвистики и межкультурной коммуникации важным представляется умение видеть связь между продуктом работы исследовательского института, языковой объективацией цветовой палитры и теми представлениями о цвете, которые формируют глобальную цветовую и лингвоцветовую картины мира модной индустрии как одной из самых влиятельных сфер социально-культурной жизни современного общества.

Любому профессионалу, работающему с цветом, важно иметь представление о модных тенденциях в области колористики, актуальных оттенках, возможностях их сочетания, а также цветовой символике и влиянии цвета на психику человека. Эти знания помогают модельерам создавать коллекции модной одежды, дизайнерам – оформлять интерьеры, сайты, брендовые рекламные кампании, природные ландшафты и многое другое. При этом человеческий язык становится тем кодом, инструментом, с помощью которого транслируется, часто в метафорической форме, наиболее важная в когнитивном плане информация: названия цветов и оттенков, их описание, интерпретация – всё то, что составляет специфику лингвоцветовой картины мира индустрии моды.

PANTONE COLOR INSTITUTE ежегодно присваивает каждому цвету в новой палитре номер и «имя», а также даёт его интерпретацию, что,

несомненно, оказывает дополнительное воздействие на потребителя продукта, предлагаемого институтом. При этом выбор цвета и его названия может быть культурно детерминирован. Например, палитра 2018 года была представлена в двух вариантах: для недели моды в Нью-Йорке и недели моды в Лондоне. Тем самым в лингвоцветовой картине мира fashion-индустрии были определённым образом противопоставлены два важных в плане языковой объективации национально-культурной специфики фрагмента, ориентированных на разных потребителей информации – в США и Великобритании.

Среди цветов 2018 года, выбранных в качестве наиболее актуальных, есть сходства и отличия в зависимости от целевой аудитории. Из 12 наименований цветов 7 совпадают: *Cherry Tomato*, *Medowlark*, *Blooming Dahlia*, *Ultra Violet*, *Pink Lavender*, *Almost Mauve* и *Lime Punch*. Остальные цвета имеют сходство по тону, но являются разными по своим свето-теневым показателям и, соответственно, названиям.

Например, *Palace Blue*, включённый в список цветов недели моды в Лондоне, представляет собой насыщенный синий оттенок со следующим описанием: *Palace Blue sparkles with energy. Stirring and impressive, a brighter blue for the days ahead*. Это энергичный, возбуждающий, впечатляющий, ориентированный на будущее синий цвет, название которого апеллирует к ключевому концепту британской культуры – «королевская власть».

Представители недели моды в Нью-Йорке предложили вариант, полученный смешением синего и белого цветов, напоминающий, скорее, васильковый: *With the expectation of the clear blue sky, Little Boy Blue is no longer for little boys only. Suggestive of expansiveness and continuity, this azure blue shade reassures us with its promise of a new day*. Это нежно-голубой цвет, который отождествлялся раньше с «детским голубым». Теперь он включает такие ассоциации, как «экспансивный», «непрерывный», «цвета лазурного неба» и «будущего». Это более «демократичный» вариант цветоименования, чем предлагаемый британскими специалистами в области колористики «дворцовый синий». Он ориентирует потребителя на такой важный фрагмент американской концептуальной картины мира, как «устремлённость в будущее».

Другим примером являются практически неотличимые цвета *Spiced Apple* и *Chili Oil*. Цвета имеют в основе коричнево-красную базу, и описания у них очень похожи. «Пряное Яблоко» – это *brown with a red undertone, the warm, wholesome and engaging Spiced Apple adds flavor to the Spring 2018 palette*. «Масло Чили» – *Seasoned yet season-less, Chili Oil is an earthy brown based red that adds flavorful definition to the spring 2018 palette*. Оба названия имеют общую коннотацию добавления яркого заметного аромата, акцента, актуализируя концепт «специя/пряность». Однако британские специалисты в области цвета апеллируют к образу традиционного для европейцев рождественского напитка из яблок с корицей, американские – к привычному для потребителя соусу «Чили».

Ещё одна пара цветонаименований – *Spring Crocus* для недели моды в Нью-Йорке и *Rapture Rose* для Лондона. Крокус – символ молодости и радости. С концептами «молодость», «радость», «оптимизм» отождествляется американская нация. Роза, точнее роза с красными лепестками и белыми тычинками, – символ Великобритании. Цвета отличаются друг от друга не только насыщенностью оттенка, названиями, но и символическими смыслами. «Весенний Крокус» – *Witty and expressive, Spring Crocus is a flamboyant and tantalizing fuchsia shade that summons you in with its beguiling charm* – это «остроумный», «выразительный», «пышный», «соблазнительный» оттенок розового цвета, привлекающий своим обманчивым очарованием. В «Восхитительном Розовом» акцент сделан на шарме и романтике, лёгком флирте, а не обольщении, недосказанности в противовес открытому выражению эмоций: *Romantic and affectionate Rapture Rose is an artful rosey red that brings a flirtatious charm to the Spring 2018 palette*.

Американский вариант названия сиренево-розового цвета, который был в моде в весеннем сезоне 2018 года, предполагает, что это более яркий оттенок, чем предлагаемый британской fashion-индустрии. Он помимо воли привлекает внимание и будоражит воображение. Розовый с сиреневым оттенком «Весенний Крокус» в американской интерпретации коррелирует с ценностными фрагментами картины мира США, которые объективируют черты национального характера представителей американской культуры: открытость, напористость, оптимизм, стремление завоёвывать и побеждать, нередко прибегая к обману. «Восхитительный розовый» – это выражение недосказанности английской натуры, любви британцев к искусству, характерному для жителей туманного Альбиона сдержанному проявлению чувств.

Nile Green и *Arcadia* – разные оттенки зелёного. Для Лондона – это *Calm and composed Nile Green, a breezy light green that brings a breath of fresh air to the palette, working well as a serene base for a myriad of shades in the Spring 2018 palette*. Образ Нила хорошо знаком потребителю в Великобритании. Нил – «великая река» в Египте, который на протяжении многих лет являлся колонией Британской Империи. Зелёный цвет Нила символизирует жизнь, обновление, плодородие, возрождение природы. Поэтому задача цвета, по мнению составителей палитры, – привнесение свежести в весеннюю коллекцию. Авторы считают зелёный цвет Нила базовым благодаря его спокойному оттенку и говорят о многочисленных возможностях его сочетания с другими цветами в палитре 2018 года.

Цвет *Arcadia* заимствуется из забытых коллекций, однако имеет новое звучание: *Hinting at retro yet at the same time modern, Arcadia is a cooler, cleaner take on green that with its tinge of blue undertone takes us into a new direction for the spring 2018 season*. Это более холодный, прозрачный, с голубым оттенком зелёный цвет, название которого апеллирует к поэтическому образу Аркадии – символу счастливой и беззаботной жизни. Положительные ассоциации, которые вызывает топоним *Arcadia* – страна, в которой царят безмятежность и радость, – определяют специфику восприятия цвета американской публикой, присущее ей немного легкомысленное отношение к миру.

Для проведения недели моды в Лондоне специалистами института был также предложен цвет *Ash Rose* как воплощение сдержанности английской натуры. Одновременно возвышенный и приземлённый, хорошо знакомый потребителю пепельно-розовый получил дополнительный серо-коричневый оттенок: *Sophisticated yet earthy Ash Rose introduces a new dimension; transforming this muted pink shade into a more grounded hue.*

Для Нью-Йорка был выбран *Emperador* – насыщенный оттенок коричневого цвета, напоминающий молочный шоколад. По замыслу создателей, он добавляет силы, глубины и основательности новой палитре: *The rich chocolate infused brown Emperador adds strength and substance to the spring 2018 palette.*

И в первом, и во втором случаях обычный потребитель получает новый концепт – коричневый в качестве актуального цвета в предстоящем сезоне, а организаторы недели моды в Лондоне и Нью-Йорке – те оттенки и названия, которые, вероятно, больше соответствуют запросам искушённой публики, ключевым концептам её культуры. Специалисты института чаще предлагают британской аудитории сдержанные, мягкие и спокойные оттенки и названия цветов, а американской – более сочные, выразительные и насыщенные. При этом в обоих случаях яркие метафорические описания заставляют оживать модную палитру, позволяя цветам и оттенкам «искриться энергией», «вносить глоток свежего воздуха», «добавлять вкус», «вносить шарм» в коллекцию и «устанавливать новые горизонты»: *sparkle with energy, reassure, add flavor, add flavorful definition, summon in, bring a breath of fresh air, bring a flirtatious charm, take into a new direction, introduce a new dimension, add strength and substance* и прочее.

Говоря о колоративной номинации как процессе создания языковых единиц, служащих для называния фрагментов лингвоцветовой картины мира и формирования соответствующих представлений о них, важно уточнить, что практически все цветонаименования являются результатом вторичной номинации. Предлагаемые специалистами Института PANTONE варианты названий цветов рождаются в результате взаимодействия ассоциативного механизма человеческого мышления и прагматического фактора как внешнего стимула запуска этого механизма. Наименования заимствуются в одной концептуальной системе – это могут быть названия растений, минералов, животных, птиц – и переносятся в другую – концептуальную систему цветонаименований, облегчая восприятие и интерпретацию новой информации благодаря фоновым знаниям индивида.

Ассоциативные признаки, которые актуализируются в процессе вторичной номинации, соотносятся в первую очередь с фоновым знанием носителей языка о реалии, используемой для вновь создаваемого фрагмента, и цвете как её важнейшем дифференциальном признаке: мимоза – жёлтая, томат – красный, ирис – голубой и так далее. Исключение составляют абстрактные понятия, не имеющие аналогов во внеязыковой действительности в виде предметных реалий-денотатов, но таких наименований немного: *Arcadia, Serenity, Tango.*

Переосмысление значений протекает в форме метафоры – *Arcadia*, *Tangerine Tango*, *Rose Quartz & Serenity*, *Mimosa*, *Honeysuckle*, *Meadowlark*, *Marsala* и другие, что позволяет создавать всё новые и новые фрагменты лингвоцветовой картины мира индустрии моды за счёт ресурсов вторичной номинации. При этом эксперты редко используют представленные в словарях колоративные единицы как наименования актуальных в сезоне сложных цветов и оттенков, – например, *lavender* (цвет лаванды), *rose* (тёмно-розовый) или *lime* (лимонный), – предпочитая создавать на их основе новые уникальные названия, которые в большей степени отражают сложную структуру цвета и вызывают необходимые ассоциации у реципиента.

В процессе именования новых цветов и оттенков, если говорить о сферах заимствования номинативных единиц, авторами преимущественно используются названия растений: *Cherry Tomato*, *Ash Rose*, *Blooming Dahlia*, *Spiced Apple*, *Chili Oil*, *Pink Lavender*, *Spring Crocus*, *Lime Punch*, *Rapture Rose*, *Coconut Milk*, *Blue Iris*, *Mimosa*, *Honeysuckle*, *Tangerine Tango*, *Radiant Orchid* (15). Реже встречаются топонимы, например, *Green Nile*, *Arcadia*, *Harbor Mist* (3), зоонимы – *Meadowlark* (1), а также наименования предметов культуры и быта: *Emperador*, *Palace Blue* (2) и другие.

Создатели палитры ориентируются в первую очередь на мир растений в поиске названий, поскольку, несомненно, разнообразие флоры даёт возможность практически безграничного использования существующих концептов для номинации вновь создаваемых фрагментов цветовой картины модной индустрии – актуальных в сезоне цветов и оттенков. Однако выбор названия, независимо от сферы заимствования как концептуальной системы, всегда прагматически обусловлен: потребителю должен быть предложен красивый и яркий образ, вызывающий положительные ассоциации. Неслучайно, например, ярко-жёлтый *Meadowlark* (рус. – «луговой трупал») был представлен на русскоязычной версии сайта PANTONE как «Иволга». Такая переводческая замена была оправданной, ввиду того, что у реципиента, являющегося носителем русского языка, могли возникнуть негативные ассоциации из-за неблагозвучия устойчивого соответствия.

3. Анализ «цвета года» по версии PANTONE COLOR INSTITUTE

Ежегодно рабочая группа, состоящая из 10 экспертов Института во главе с его исполнительным директором Л. Эйсман, выбирает цвет года. Данная традиция берёт начало в 1999 г., когда экспертов попросили описать одним цветом переломный момент – смену тысячелетий. Тогда специалисты определили цветом года «Лазурный» как символ будущего, новых технологий и волнения людей перед наступлением нового тысячелетия.

Л. Эйсман в своём блоге подчёркивает, что выбор цвета всегда неслучаен: он является отражением чувств и потребностей людей во всём мире. Также важным Л. Эйсман считает то, что данная традиция заставляет людей говорить о цветах, обсуждать их, а значит, выражать вербально свои мысли и ассоциации, связанные с цветом. Тем самым формируются и на-

полняются содержанием соответствующие фрагменты цветовой и лингвоцветовой картин мира индустрии моды.

Специалисты института начинают работу над выбором цвета весной. Проводится анализ тенденций и новаций в разных сферах жизни общества, включая политику, экономику, культуру и СМИ, технологии и материалы, спортивные соревнования и международные события, которые могут оказать влияние на выбор цвета. Также эксперты прислушиваются к мнению людей: потребностям, запросам, надеждам, источникам вдохновения, коллективной подсознательной реакции на цвет, его психологическим и эмоциональным аспектам. В результате рождается новый продукт, цвет, формируется концепт, или представление о цвете, и новый фрагмент лингвоцветовой картины мира – цветоименование.

В 2008 году цветом года был выбран «Голубой ирис» (*Blue Iris*): *A Multifaceted Hue Reflecting the Complexity of the World that Surrounds Us*. 2007 год был ознаменован новинками и прорывами в области техники и технологий: выход первого смартфона iPhone, запуск большого количества космических спутников, масштабное отключение мобильной сети в Японии. Также в 2007 году произошло большое количество взрывов в жилых домах и шахтах, было совершено несколько терактов; всё это стало одной из составляющих «сложного мира», о котором говорили эксперты. Поэтому ими был предложен оттенок голубого цвета, передающий сложность окружающего мира, и соответствующая метафора – *Hue Reflecting the Complexity of the World*.

В 2009 году цветом года стал ярко-жёлтый, *Mimosa: Mimosa Embodies Hopefulness and Reassurance in a Climate of Change*. <...> *In a time of economic uncertainty and political change, optimism is paramount and no other color expresses hope and reassurance more than yellow. Mimosa also speaks to enlightenment, as it is a hue that sparks imagination and innovation*. В 2008 году, когда велась работа над выбором цвета для 2009 года, произошло несколько экономических и политических кризисов, международная обстановка была достаточно напряжённой, что отразилось на выборе цвета. Метафора возрождения – *Mimosa ... speaks to enlightenment* – была необходима публике. Жёлтый цвет ассоциировался с надеждой и оптимизмом, подстёгивал воображение, способствовал инновациям в условиях нестабильной политической и экономической обстановки, что обусловило его выбор в качестве цвета года.

Цветом 2010 года был выбран бирюзовый, *Turquoise*, призванный обеспечить людям защиту и комфорт: *In many cultures, Turquoise is believed to be a protective talisman, a color of deep compassion and healing, and a color of faith and truth, inspired by water and sky. Through years of color word-association studies, we also find that to many people, Turquoise represents an escape, taking them to a tropical paradise that is pleasant and inviting – even if it is only a fantasy*. В ходе изучения общественного мнения был получен результат, доказывающий, что бирюзовый ассоциируется с состраданием, исцелением, верой и истиной; он, подобно ветру перемен, «избавляет от проблем и уносит в тропический рай».

В 2011 г. рабочая группа Института выбрала цветом года «Цветки Жимолости», *Honeysuckle: Courageous. Confident. Vital. A brave new color, for a brave new world. Let the bold spirit of Honeysuckle infuse you, lift you and carry you through the year. It's a color for every day – with nothing “everyday” about it.* Этот цвет, по мнению его создателей, символизирует смелость, уверенность в себе, движение вперёд. *Honeysuckle* можно использовать каждый день и при этом он не будет казаться заурядным. Несмотря на теракты и катастрофы природного характера, имевшие место в 2010 году, в науке и технике было совершено несколько важных открытий, что дало возможность специалистам в области колористики предложить потребителю яркий и оптимистичный оттенок сиреневого цвета и целый ряд необычных метафор в его описании: *Courageous. Confident. Vital. ... infuse you, lift you and carry you through the year.*

«Мандариновое танго» (*Tangerine Tango*) – цвет 2012 года, представляет собой яркий насыщенный оранжевый цвет с примесью жёлтого: *Reminiscent of the radiant shadings of a sunset, Tangerine Tango marries the vivaciousness and adrenaline rush of red with the friendliness and warmth of yellow, to form a high-visibility, magnetic hue that emanates heat and energy.* «Мандариновое танго» должно было усилить энергию, которую дал цвет предыдущего года, «перезарядить» людей, вдохновить на новые свершения.

Эксперты вновь не поскупились на образные сравнения при описании цвета года: *Tangerine Tango marries the vivaciousness and adrenaline rush of red with the friendliness and warmth of yellow, ... magnetic hue that emanates heat and energy.* В 2011 году, после смерти знаменитой певицы Эми Уайнхаус, её альбом побил все рекорды продаж. Сообщество экспертов, желая вдохновить людей на создание новых музыкальных произведений, предложило яркий цвет, пробуждающий энергию и жизненные силы.

В описании «Изумрудного» (*Emerald*), цвета 2013 года, говорится о его красоте и элегантности, способности обеспечить людям душевный покой и гармонию: *Lively. Radiant. Lush... A color of elegance and beauty that enhances our sense of well-being, balance and harmony.* Это живой, сияющий, сочный цвет драгоценного камня, который, как считается издревле, дарует обновление, излечение, – о чём дополнительно сообщается на сайте института. 2012 год стал одним из самых тяжёлых более чем за полтора века метеорологических наблюдений. Во многих странах наблюдались засуха и аномальная жара. Холодный оттенок изумруда ассоциировался с приятной прохладой и отдыхом после зноя, что и стало основанием для выбора данного оттенка зелёного цветом года.

Цветом 2014 года Институт выбирает «Светящуюся Орхидею» («*Radiant Orchid*»), объясняя это способностью цвета интриговать и развивать у людей творческие способности: *An invitation to innovation, Radiant Orchid encourages expanded creativity and originality, which is increasingly valued in today's society.* В 2013 году в творческом мире наблюдался застой, результатом которого стало небольшое количество новых фильмов, музыкальных альбомов, выставок. Рабочая группа Института цвета выявила потребность людей в новых произведениях культуры и ис-

куства, для которых необходимы талант и самобытность, и выбрала нежно-фиолетовый как стимул к творчеству, предложив соответствующую метафору: *Radiant Orchid encourages ... creativity and originality.*

В 2015 г. рабочая группа PANTONE во главе с Л. Эйсман представляет цвет *Marsala* в качестве цвета года: *Much like the fortified wine that gives Marsala its name, this tasteful hue embodies the satisfying richness of a fulfilling meal, while its grounding red-brown roots emanate a sophisticated, natural earthiness.* Красный с коричневым цвет вина «Марсала», как и его название, ассоциируется с хорошим ужином, высоким достатком, стабильностью. Они были необходимы тем, кто стал свидетелем нескольких политических кризисов, военных переворотов и сложной экономической ситуации в мире. Эксперты подобрали нужный образ: вкусный насыщенный глубокий оттенок красного цвета, который, по мнению его создателей, мог «воплотить в жизнь» мечты людей о простых земных радостях.

2016 год стал знаковым в истории выбора цвета года, поскольку экспертами впервые было использовано сочетание двух оттенков. Это «Розовый Кварц и Безмятежность» (*Rose Quartz & Serenity*): *Rose Quartz is a persuasive yet gentle tone that conveys compassion and a sense of composure. Serenity is weightless and airy, like the expanse of the blue sky above us, bringing feelings of respite and relaxation even in turbulent times.* Изучив настроения людей в 2015 году, специалисты института пришли к выводу, что люди нуждаются в успокоении после ежедневного стресса. Путём смешения двух цветов создатели модной палитры предложили потребителю сложную метафору и добились ощущения спокойствия и умиротворения от созерцания «Розового Кварца и Нежного Сиреневого».

2017 год был ознаменован потребностью человечества в единении с природой. Поэтому рабочая группа выбрала «Зелень» (*Greenery*) цветом года: *Greenery is nature's neutral. The more submerged people are in modern life, the greater their innate craving to immerse themselves in the physical beauty and inherent unity of the natural world. This shift is reflected by the proliferation of all things expressive of Greenery in daily lives through urban planning, architecture, lifestyle and design choices globally. A constant on the periphery, Greenery is now being pulled to the forefront – it is an omnipresent hue around the world.* Желание человека стать ближе к природе нашло отражение в архитектуре, дизайне, модной индустрии. Эксперты, «изменив» периферийное положение зелёного цвета в мире, призывали людей отвлечься от ежедневной суеты, сделать глубокий вдох и насладиться спокойствием и свежестью, свойственными природе.

Цветом 2018 года стал «Ультрафиолет» (*Ultra Violet*): *We are living in a time that requires inventiveness and imagination. It is this kind of creative inspiration that is indigenous to PANTONE 18-3838 Ultra Violet, a blue-based purple that takes our awareness and potential to a higher level. From exploring new technologies and the greater galaxy, to artistic expression and spiritual reflection, intuitive Ultra Violet lights the way to what is yet to come.* Проследив потребность общества в новых открытиях, исследованиях, стремлении людей познавать неисчерпаемый потенциал Вселенной, а также большое

количество совершённых открытий в области астрономии в 2017 году, эксперты рабочей группы выбирают «*Ультрафиолет*» в качестве цвета года. «Ультрафиолет», по их мнению, способен поднять наши знания и творческий потенциал на новый уровень, проложить дорогу в будущее – *takes our awareness and potential to a higher level, light the way to what is yet to come* – выражением этой идеи служит и предлагаемая метафора.

4. Заключение

Объявляя цвет года, рабочая группа экспертов Института цвета PANTONE создаёт новый фрагмент не только цветовой, но и лингвоцветовой картины мира, поскольку информация о цвете неизменно объективируется в языковой форме. Как утверждают эксперты PANTONE, сам цвет в течение года на раскладке претерпевает изменения и требует замены, а вот его описание остаётся прежним. Поэтому этапы номинации и вербальной интерпретации смысла, который вкладывают специалисты в процессе создания цвета, являются важнейшими для формирования и сохранения наиболее значимых фрагментов цветовой и лингвоцветовой картин мира индустрии моды.

Цветовая палитра модных оттенков и цвет года являются результатом научной и творческой деятельности Института PANTONE. Масштаб исследований и творческих поисков, проводимых специалистами в области колористики, их желание создать видимый и «читаемый» при помощи человеческого языка продукт свидетельствуют о том, что современная цветовая картина мира индустрии моды и её вербальная репрезентация становятся неотъемлемым элементом глобальной социокультурной жизни современного человека.

Предлагаемые экспертами цвета и оттенки, их номинация, интерпретация и метафоризация оказывают существенное влияние на развитие цветковых и лингвоцветковых картин мира, а также соответствующих сфер производства и потребления, на сознание и поведение людей независимо от их социального статуса, но с учётом сфер интересов и национально-культурной принадлежности индивида.

Использование языка как средства коммуникации, как средства трансляции цветковых идей и решений, средства достижения взаимопонимания между представителями разных профессиональных, социальных и национальных групп указывает на важность языкового кода для развития fashion-индустрии и, как следствие, необходимость его дальнейшего изучения в этом аспекте.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Избранные труды. Том 1 [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : «Языки русской культуры», 1995. – 481 с.
2. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 292 с.

3. Брагина, А. А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний [Текст] / А. А. Брагина // Лексикология и лексикография. – 1972. – № 1. – С. 73–104.
4. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М. : Ком Книга, 2005. – 216 с.
5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 412 с.
6. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа [Текст] / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
8. Pantone [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pantone.com> (дата обращения 20.12.2018).

References

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Lekscheskaya semantika: Izbrannye Trudy* [Lexical semantics. Selected works]. Vol. I. Moscow : «Languages of Russian Culture» Press.
2. Bahilina, N. B. (1975). *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of color naming in the Russian language]. Moscow : Nauka Press.
3. Bragina, A. A. (1972). Tsvetovye opredeleniya i formirovanie novikh znacheniy i slovosochetaniy [Definitions of color and formation of new words and word-combinations]. *Leksikologiya i leksikografia* [Lexicology and Lexicography], 1, 73–104.
4. Vasilevich, A. P., Kuznetsova, S. N., Mishchenko, S. S. (2005). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color names in the Russian language] Moscow : ComBook Press.
5. Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow : Russian Dictionaries Press.
6. Frumkina, R. M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, meaning, similiarity. Psycholingistic analysis]. Moscow : Nauka Press.
7. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazik I mezhkul'turnaya kommunikatsya* [Language and intercultural communication]. Moscow : Slovo Press.
8. Pantone [Electronic Resource]. Retrieved December 20, 2018 from <<https://www.pantone.com>>.

УДК 811.512.212, 81'34

UDC 811.512.212, 81'34

Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Колесников Семён Витальевич

Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация

Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova, Semyon V. Kolesnikov
Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru, kolesnikov.sv@sila-dt.ru

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* VOWELS DURATION IN THE EVENKI LANGUAGE

Аннотация

Статья посвящена проблеме реализации признака фонологической долготы гласных селемджинского говора эвенкийского языка. В ходе аудиозаписи списка 90 слов, содержащего долгие и краткие гласные в односложных, двусложных, трёхсложных и четырёхсложных словах, носителям селемджинского говора эвенкийского языка (4 человека в возрасте 54–70 лет) было предложено прочитать слова в троекратном произнесении, чтобы имитировать три позиции в высказывании: начальную, срединную и конечную. В результате проведённого акустического анализа было выяснено, что длительность долгих гласных в целом превышала длительность кратких гласных более чем в два раза. В группе долгих гласных отмечена явная зависимость длительности от подъёма гласного: чем более закрытый гласный, тем большей длительностью он обладал. В группе кратких гласных такой зависимости не выявлено: самыми длительными оказались гласные основного треугольника /i-a-u/. Наименьшей длительностью в обеих группах характеризовались гласные /з:-з/. Сравнение значений длительности гласных в разных позициях в эвенкийском слове даёт основание полагать, что, в среднем, самым долгим гласным является гласный последнего слога (перед паузой) независимо от количества слогов в слове.

Abstract

The present article focuses upon phonological length realization patterns of Selemdzha Evenki vowels. The material of 90 words pronounced in isolation was obtained from 4 subjects, native fluent speakers of Evenki (1 male and 3 females, aged 54–70). They were asked to read each word 3 times to imitate 3 positions in the utterance: initial, medial, and final. As a result of the acoustic analysis, it was found that phonologically long vowels possessed more than 2 times longer duration than that of short vowels. In the group of long vowels, the direct correlation was noted between vowel openness degree and their duration: the more closed the vowel was, the larger duration it had. In the group of short vowels, no dependence of that sort was found: the longest vowels turned out to be the ones of the main triangle /i-a-u/. Vowels /з:-з/ were characterized by the smallest duration in both groups.

* Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

Comparison of vowel duration in different positions of the Evenki word suggests that, on average, the longest vowel is the one in the final syllable (before a pause), regardless of the number of syllables in the word.

Ключевые слова: эвенкийский язык, акустический эксперимент, долгие и краткие гласные, особенности варьирования длительности.

Keywords: the Evenki language, acoustic experiment, long and short vowels, duration variation patterns.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_1_88_100

1. Введение

Лингвистами, исследовавшими фонетические особенности эвенкийского языка, установлено, что в данном языке долгие гласные представляют особую фонологическую категорию. Согласно традиции, в инвентаре гласных выделяют шесть долгих фонем /i:, e:, z:, a:, u:, o:/ и пять кратких фонем /i, z, a, u, o/ [Цинциус, 1949; Матусевич, 1960; Константинова, 1964; Симонов, 1976; Гулимова, 1982; Булатова, 1987; Афанасьева, 2010 и др.]. Эвенкийский гласный /e:/ представляет собой исключение, не имея парного недолгого звука.

К настоящему времени о фонологической оппозиции эвенкийских гласных «долгие – краткие» известны следующие факты. Во-первых, эвенкийские краткие гласные называются краткими только благодаря эвенковедческой традиции, поскольку они являются скорее «нормальными» (термин М. И. Матусевич) нежели краткими [Матусевич, 1960, с. 167]¹. Однако для удобства и привычного для читателя обозначения в своём изложении эксперимента автор термина «нормальные» продолжает их называть краткими [Матусевич, 1960, с. 167]. О. А. Константинова называет эвенкийские краткие гласные «недолгими»: «Все эвенкийские гласные могут быть долгими и недолгими, за исключением гласного *e*, который не имеет парного недолгого звука» [Константинова, 1960, с. 7]. Анатомо-физиологические характеристики соответствующих недолгих и долгих гласных, по мнению О. А. Константиновой, идентичны – звуки различаются лишь количественно, по длительности произнесения. Вместе с тем, все долгие гласные произносятся при условии более напряжённой мускулатуры речевых органов, отчего приобретают более чёткий характер звучания [Константинова, 1964, с. 7].

Во-вторых, исследователи фонетической стороны эвенкийского языка признавали, что во многих словах, в которых ранее фиксировались долгие гласные, позже эта фонологическая долгота не констатировалась. Данный факт признаёт А. А. Горцевский², но поскольку его научная работа

¹ Экспериментальный метод исследования длительности и качества эвенкийских гласных впервые был применён М. И. Матусевич в январе-апреле 1937 г. в Лаборатории экспериментальной фонетики филологического факультета Ленинградского (ныне – Санкт-Петербургского) университета.

² «Во многих словах, в которых до настоящего времени гласные, которые принимались исследователями как долгие, на самом деле произносятся гласные краткие» [Горцевский, 1939, с. 11].

была посвящена фонетическим трудностям при обучении эвенков русскому языку, учёный предпочёл положиться на имеющиеся библиографические данные относительно появления (фонотактических особенностей) долгих гласных в эвенкийском слове [Горцевский, 1939, с. 11]. Данная проблема употребления эвенкийских долгих гласных в каждом конкретном случае до сих пор остаётся открытой. Даже беглый анализ имеющихся словарей эвенкийского языка фиксирует разночтения в данном вопросе. Например, *турэн* «слово» [Василевич, 1958, с. 405], *турэн* «слово» [Болдырев, 2000, 129-130], *түрэн* «слово» [Булатова et al, 2017, с. 89] или *мōт̄ым̄* «охотиться на лося» [Василевич, 1958, с. 258], *мотым̄* «пойти охотиться на лося» [Константинова, 1964, с. 12].

В-третьих, по мнению эвенковедов, долгие эвенкийские гласные могут при словообразовании терять свою долготу [Василевич, 1958, с. 656]. Это происходит с долгими гласными непервого слога при добавлении суффиксов к основе слова. При этом происходит компенсация потери долготы гласного ударением. По мнению Г. М. Василевич, в таких примерах, как *хáвā* «работа» и *хавáл* «работать»; *áяв* «любить» и *а́я* «хороший, добрый, добро» происходит замена долготы гласного на ударение [Василевич, 1958, с. 656].

Но не только Г. М. Василевич фиксируются подобные случаи «превращения» кратких / недолгих / нормальных эвенкийских гласных в долгие. О. А. Константинова также писала о долготе эвенкийских гласных, используя термины «чётко выраженная постоянная долгота», «постоянно долгие гласные», «непостоянная долгота гласного», имея в виду случаи, когда долгие гласные при изменении слова (добавлении суффиксов к основе слова) обязательно сохраняют или не сохраняют свою долготу.

К случаям «устойчивой» долготы эвенкийских гласных О. А. Константинова относил примеры в ряде односложных и двусложных слов: *дā* «родственник по свойству», *дō* «внутренность», *лū* «смола», *мō* «дерево», *мū* «вода», *лāу* «ловушка», *й* «входить», *бū* «дать», *бōна* «град», *āчин* «нет», *βōтар* «ограда, загородка», *дō* «сесть (о птице)», *јū* (в написании О. А. Константиновой) «выйти», *нō* «положить», *хāβ* «прибавить», тан-«вытянуть». По мнению О. А. Константиновой, «постоянно долгими» могут быть не только гласные корня слова, но гласные аффиксов. Например, *-й* (*иланй* «третий»), *-гū* (*амаргū* «задний»), *-кй* (*хорокй* «глухарь»), *-лā* (*лūлā* «пойти за смолой»), *-мā* (*мотымā* «пойти охотиться на лося»), *-мāн* (*иланмāн* «тройной»), *-мāн* (*βāмāн* «страстный охотник»), *-нā* (*бакалдынā* «пойти встретиться»), *-нāт* (*илаунāт* «топливо»), *-нкā* (в написании О. А. Константиновой) (*тагинкā* «загадка») и другие [Константинова, 1964, с. 12]. Этот же факт распространения дистрибуции фонологически долгих гласных на формальные показатели эвенкийского слова (суффиксы, частицы) подтверждает Е. Ф. Афанасьева, отмечая, что «противопоставление гласных по краткости-долготе не стеснено ... в рамках морфологии» [Афанасьева, 2010, с. 17].

Под «непостоянной долготой» фонологически долгих гласных О. А. Константинова понимает долготу, возникающую при определённых условиях. Исследователь фиксировала факты «приобретения» долготы

кратким / недолгим / нормальным гласным аффикса винительного падежа -а (-э, -о) в случае присоединения к этому аффиксу притяжательного аффикса 3 лица единственного числа -н. Например, *нālэβāн* «его руку», *уллэβэ́н* «его мясо», *коколлоβōн* «его рукавицу». Краткий / недолгий / нормальный гласный в слове *ая* «хороший» имеет долготу в производном от основы от этого слова глаголе *аявдя* – «любить» (см. выше у Г. М. Василевич). Недолгий гласный последнего слога в ряде имён существительных «приобретает» долготу с присоединением к основам этих имён собирательного аффикса. Например, *дягда* «сосна» – *дягдāг* «сосняк», *ирэ́ктэ* «лиственница» – *ирэ́ктэ́г* «лиственничник», *чука* «травя» – *чукāг* «луг» [Константинова, 1964, с. 12].

В-четвёртых, О. А. Константиновой отмечается, что долготы гласных не связана с положением его в слове: долгими могут быть гласные любого слога: в начале, середине и конце слова, например, *āгāн* «брусоч», *бōктан* «привязал», *дукūн* «письмо», *дюрэ* «два раза» [Константинова, 1964, с. 12].

В-пятых, экспериментальным способом установлено, что длительность эвенкийских кратких и долгих гласных является величиной, зависимой от фонетических условий: качества гласного, характера слога, количества слогов, от качества соседнего гласного и фонетической позиции [Андреева, 1988, с. 27].

Наконец, учёные регистрируют данные, свидетельствующие об особом поведении кратких и долгих гласных в системе эвенкийского сингармонизма. По результатам исследований В. Котвича, слова, имеющие в своём составе лишь краткие гласные, подвергаются полной палатальной гармонии. И напротив, слова, имеющие в своём составе долгие гласные, слабо подчиняются закону сингармонизма» [Котвич, 1962, с. 97–98].

Носители же эвенкийского языка при прямом вопросе, существуют ли в их языке долгие и краткие гласные, приходят в замешательство. В лучшем случае, они говорят об особой манере произносить те или другие гласные.

Приведём минимальные пары, иллюстрирующие фонологическую долготу эвенкийских гласных, выделенные из речи приамурских говоров эвенков.

/i/ – /i:/: *илэ* «человек» – *йлэ́* «куда», *имй* «выделывать шкуру» – *ймй́* «войти»;

/z/ – /z:/: *икэн* «подбородок» – *икэ́н* «песня», *турэн* «язык» – *тү́рэн* «наступил (он)», *элла* «уголь» – *э́лла* «что стали делать?»;

/a/ – /a:/: *амй* «отец» – *āмй́* «спать», *няма* «тепло» – *нямā* «сто»;

/o/ – /o:/: *омй* «душа» – *ōмй́* «делать», *оран* «порог» – *ōран́* «сделал (он)»;

/u/ – /u:/: *бумй* «умереть» – *бү́мй́* «спать», *нэку́* «младший брат (сестра)» – *нэ́ку* «человек» [Булатова, 2002, с. 5].

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Длительность селемджинских долгих и кратких гласных не была предметом исследования в тунгусоведении. Данное обстоятельство обусловило проведение акустического эксперимента. На этапе его подготовки

был составлен список из 90 слов, содержащий фонологически долгие и краткие гласные в односложных, двусложных, трёхсложных и четырёхсложных словоформах.

Список слов был предъявлен четырём носителям селемджинского говора эвенкийского языка: мужчине и трём женщинам в возрасте 54–70 лет, для которых эвенкийский язык является в полном смысле родным – усвоенным с самого раннего возраста в кругу семьи. Слова были начитаны в тоекратном повторении в условиях Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета. В ходе получения аудиоматериала использовались стандартные параметры записи (44 кГц, 16 бит, моно). При проведении акустического анализа в программе PRAAT производилась сегментация исследуемых гласных, были получены осциллограммы и динамические спектрограммы необходимых сегментов.

2.2. Обсуждение результатов

2.2.1. Длительность эвенкийских долгих и кратких гласных во всех позициях слова

Как известно, гласные (при прочих равных условиях) имеют некоторые различия в собственной длительности, интенсивности и основной частоте. Общие закономерности здесь таковы: чем более открытым (т. е. низким по подъёму) является гласный, тем больше его длительность и интенсивность, и тем ниже его средняя основная частота. Исследователями установлено, что самыми длительными и интенсивными являются а-образные гласные. Наименее длительны и интенсивны i-образные и u-образные гласные. Указанные различия относительно невелики и в значительной степени «затемняются» действием более сильных просодических факторов: темпом речи, интонационным и ритмическим рисунком сообщения, степенью ударности гласного [Кодзасов, 2001, с. 162]. Помимо просодических факторов, нельзя забывать о влиянии количества слогов в слове и признаков глухости / звонкости (силы / слабости) и активного действующего органа окружающих согласных на длительность гласных.

Оказалось, что общие закономерности в собственной длительности, верные для систем гласных большинства языков мира (например, для системы гласных английского, русского языков) не работают в эвенкийском языке. Так, наше экспериментальное исследование показало, что самые закрытые эвенкийские гласные являются самыми длительными (см. табл. 1 и рис. 1). Особенно это верно для долгих закрытых гласных /i:/ и /u:/. В подгруппе кратких гласных различия по собственной длительности не столь велики. Длительность всех кратких гласных примерно одинакова и колеблется в интервале от 68 мс до 95 мс. Однако и здесь пара закрытых гласных /i/-/u/ обладает большей длительностью по сравнению со всеми остальными краткими гласными. Вместе с тем, едва ли различия по длительности основного треугольника кратких эвенкийских гласных /i-a-u/ в 5–10 мс можно назвать существенными.

Таблица 1. Длительность гласных селемджинского говора эвенкийского языка (в мс)

Фонема	D1	D2	D3	D4	Средняя длительность гласных по всем дикторам
/i:/	190	455	105	161	288
/e:/	262	318 [e]	134	124	210
/æ:/ ³	195	177	109	115	149
/a:/	288	223	135	165	203
/o:/	302	334	173	263	268
/u:/	355	499	240	283	344
/i/	91	104	60	104	90
/э/	72	65	69	66	68
/а/	96	88	67	88	85
/о/	67	86	65	87	76
/у/	129	97	58	97	95

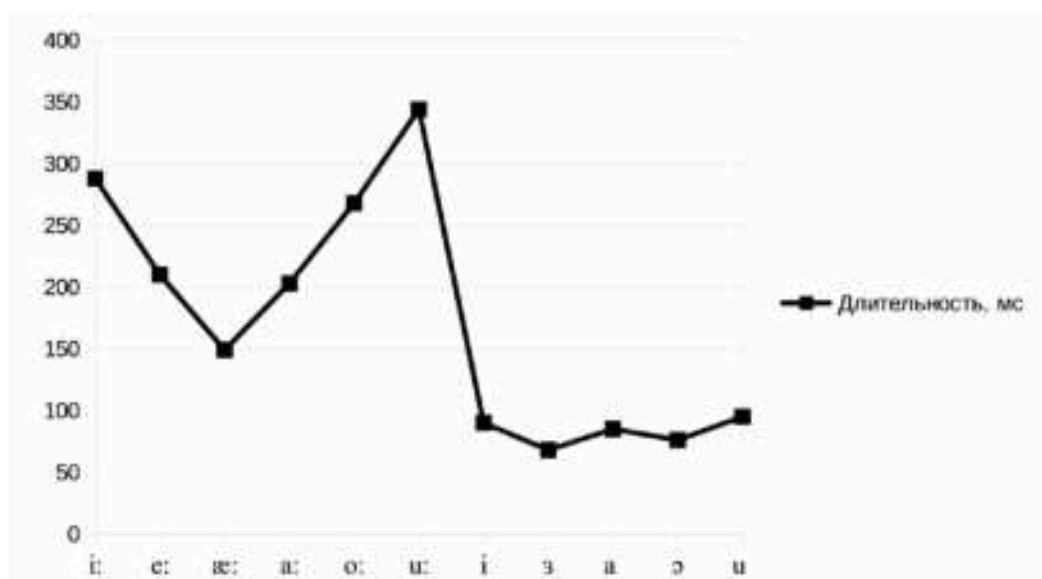

Рисунок 1. Средняя длительность эвенкийских гласных по всему экспериментальному материалу (мс)

Пара кратких гласных среднего подъёма /э-о/ характеризуется меньшей длительностью, 68 и 76 мс соответственно. Кроме того, нельзя не сказать ещё об одной закономерности, которая действует как для группы

³ В системе гласных фонем селемджинского говора эвенкийского языка вместо фонемы /э:/ реализуется фонема /æ:/ [Морозова et al., 2017; Морозова et al., 2018]

долгих, так и кратких эвенкийских гласных. При рассмотрении оппозиции гласных фонем переднего и заднего ряда, первые более краткие, а вторые более длинные. В группе долгих гласных самым кратким является гласный узкой разновидности низкого подъёма переднего ряда /æ:/ (149 мс), самым длительным – гласный верхнего подъёма заднеязычный /u:/ (344 мс). В группе кратких гласных наблюдалась та же закономерность. Самым кратким из всех эвенкийских кратких гласных оказался гласный центрального ряда среднего подъёма /з/ (68 мс), а самым длительным – гласный заднего ряда высокого подъёма /u/ (95 мс).

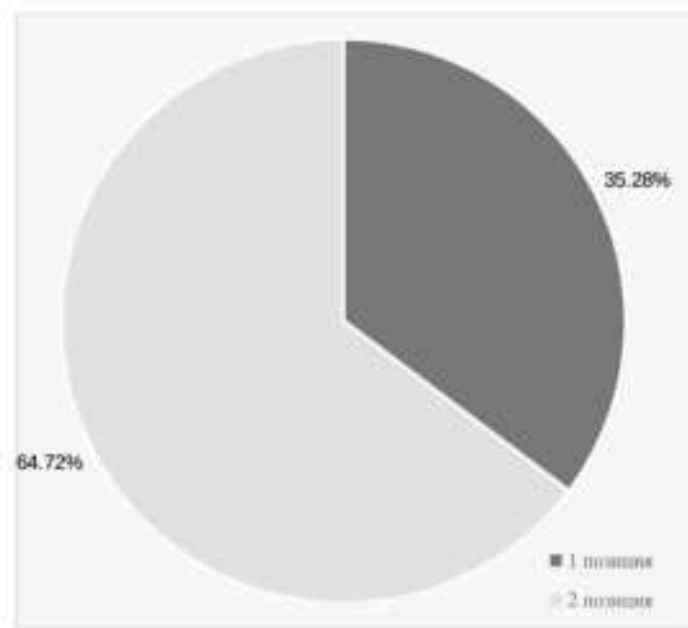
Таким образом, на нашем материале относительно длительности эвенкийских гласных выявлены следующие закономерности. В группе долгих гласных отмечено, что чем более закрытый гласный, тем больше его длительность. В группе кратких гласных самыми длительными являются гласные основного треугольника /i-a-u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /æ:-з/.

Как показал эксперимент, в селемджинском говоре эвенкийского языка отмечается не только сохранность противопоставления долгих и кратких гласных, но и нестандартное проявление ингерентной длительности. Так, самые закрытые гласные в произнесении селемджинских эвенков являются самыми длительными (см. диаграмму на рис. 1). Особенно это верно для долгих закрытых гласных /i:/ и /u:/. В подгруппе кратких гласных различия по собственной длительности не столь велики. Длительность всех кратких гласных примерно одинакова и колеблется в интервале от 68 мс до 95 мс. Однако и здесь пара закрытых гласных /i/ и /u/ обладает большей длительностью по сравнению со всеми остальными краткими гласными. Пара кратких гласных фонем среднего подъёма /з-э/ характеризуется меньшей длительностью, 68 и 76 мс соответственно.

2.2.2. Длительность эвенкийских долгих и кратких гласных в конечной позиции слова

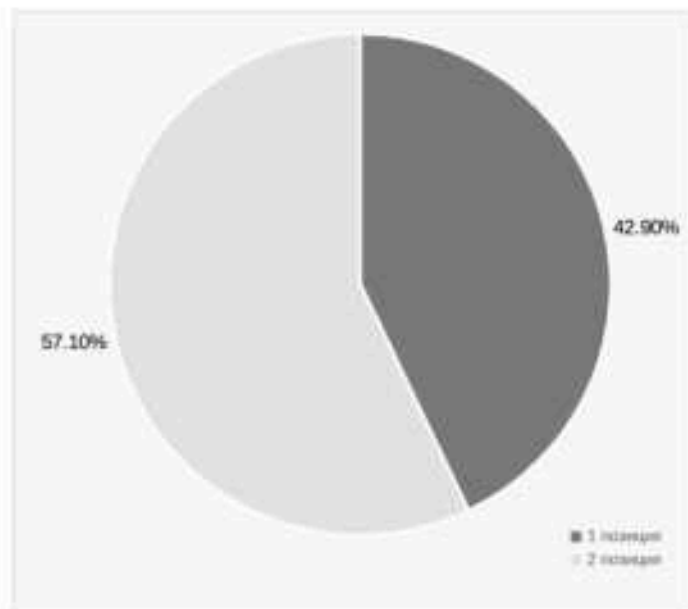
В ходе анализа полученных данных по длительности эвенкийских гласных было выявлено систематическое увеличение длительности гласного в конечном слоге эвенкийского слова. Нами были дополнительно составлены таблицы, которые позволили создать наглядную картину соотношения средней длительности гласных в разных позициях слова. По данным таблиц в статье представлены диаграммы, иллюстрирующие соотношение длительности гласных в словах разной протяжённости (двусложных, трёхсложных, четырёхсложных) в речи двух дикторов-селемджинцев – мужчины (D1) и женщины (D2).

Если длительность обеих гласных фонем в двусложных словах принять за 100%, то в произнесении D1 на гласный звук в конечной позиции (позиция 2) приходится 65%, а в начальной (позиция 1) – 35% (см. рис. 2). Указанное преобладание – почти в два раза – следует назвать значительным.

Р и с у н о к 2. Соотношение средней длительности гласных в двусложных словах (D1)

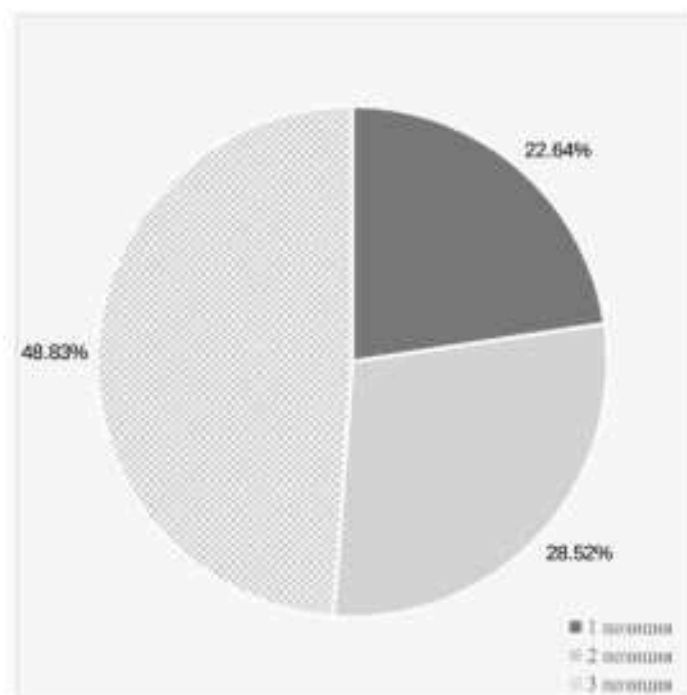
Рисунок 3 также демонстрирует большую длительность гласного звука во второй позиции слов, произнесённых D2. Он занимает 57% всей длительности гласных в слове. На длительность гласного в первой позиции приходится 42%. В данном случае преобладание незначительно.

Р и с у н о к 3. Соотношение средней длительности гласных в двусложных словах (D2)

На рисунке 4 показано, что длительность гласного звука в конечной позиции трёхсложных слов, произнесённых D1, составляет почти полови-

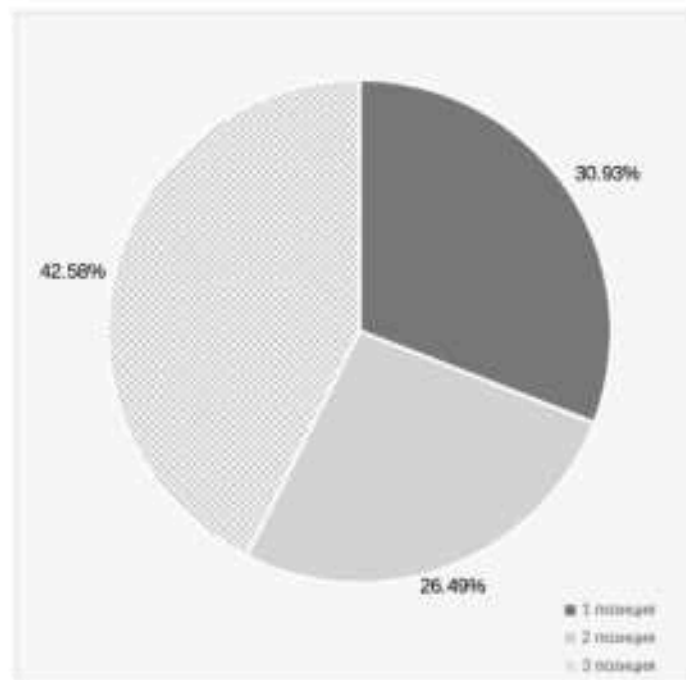
ну всей длительности гласных слова (49%), в то время как вторая позиция занимает 29%, а первая – 23%. Тенденция, выявленная для двусложных слов в произнесении этого диктора, повторяется и для трёхсложных – превышение длительности конечного гласного почти в 2 раза и чуть более, чем в два раза по сравнению с каждым другим гласным трёхсложных слов.

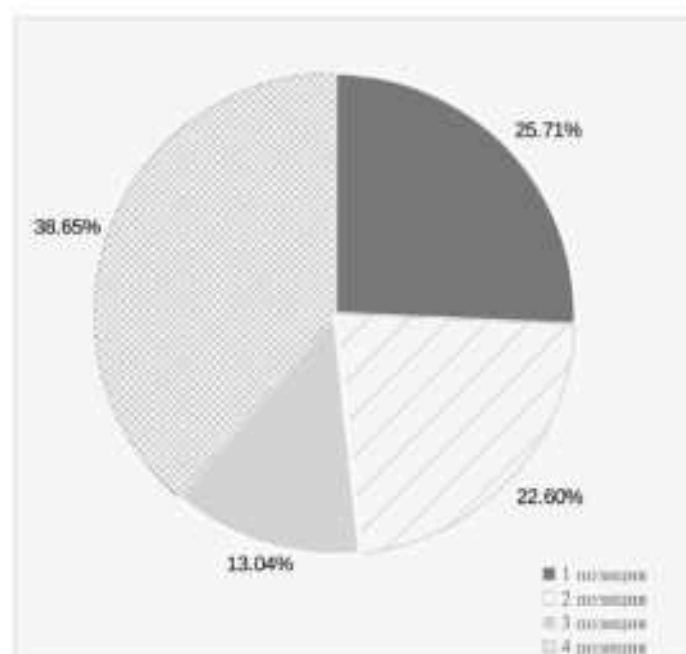
Р и с у н о к 4. Соотношение средней длительности гласных в трёхсложных словах (D1)

Как показано на рисунке 5, в трёхсложных словах речи D2 аналогично преобладает длительность гласного в конечной позиции (41%). Длительность гласных в первой и второй позициях почти одинаковая: 29% и 30% соответственно. Таким образом, для D2 тенденция по трёхсложным словам та же, что и для D1, но контраст выражен меньше.

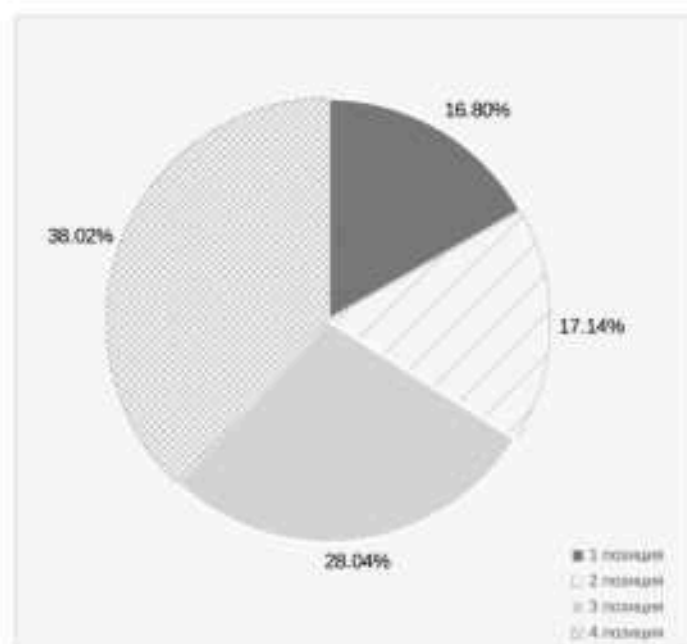
На рисунке 6 представлено соотношение длительностей гласных звуков в четырёхсложных словах, произнесённых D1. Длительность гласного в четвёртой позиции является максимальной (44%). Остальные гласные занимают 19% в первой позиции, 22% – во второй позиции и 16% – в третьей от общей длительности гласных в четырёхсложных словах. Данные показывают, что если правило изохронности произнесения при увеличении количества слогов сохраняется, то сокращение происходит не за счёт гласного в конечном слоге. На рисунке 7 показано, что в четырёхсложных словах речи D2 гласные в четвёртой позиции составляют 34%, в третьей – 29%, во второй – 21%, в первой – 16%. Как и в остальных случаях, гласный звук в конечной позиции остаётся самым долгим.

Р и с у н о к 5. Соотношение средней длительности гласных в трёхсложных словах (D2)

Р и с у н о к 6. Соотношение средней длительности гласных в четырёхсложных словах (D1)

Р и с у н о к 7. Соотношение средней длительности гласных в четырёхсложных словах (D2)

3. Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить, что, в целом, длительность является полноценным акустическим коррелятом дифференциального признака долготы эвенкийских гласных в их селемджинской разновидности. Однако «поведение» длительности далеко не всегда следует модели варьирования данного признака, характерной для других языков мира. Общим является увеличение длительности в конечной позиции. Сравнение значений длительности гласных в разных позициях в эвенкийском слове даёт основание полагать, что в среднем самым долгим слогом в эвенкийском слове является последний слог (перед паузой) независимо от количества слогов слова. Тенденция сохраняется у всех дикторов, однако величина контраста варьирует: у одних она больше, у других – немного меньше. Влияние позиции во фразе ещё предстоит выяснить.

Другие выявленные закономерности идут вразрез с общей моделью, которая предполагает большую ингерентную длительность открытых гласных. Так, в группе долгих гласных фонем отмечено, что чем более закрытый гласный, тем большей длительностью он характеризуется. В группе кратких гласных фонем самыми длительными являются гласные основного треугольника /i-a-u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /æ:-ɜ/. Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар показывает значительную разницу между долгими и соответствующими им краткими гласными. Долгие более чем в два раза длительнее кратких гласных.

Список литературы

- 1 Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск : Наука, 1988. – 142 с.
- 2 Афанасьева, Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка [Текст] / Е. Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – 116 с.
- 3 Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь (в двух частях) [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео». 2000 – 987 с.
- 4 Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 168 с.
- 5 Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах [Текст] / Н. Я. Булатова. – СПб. : Дрофа, 2002. – 64 с.
- 6 Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 802 с.
7. Гласные реализации на месте канонической долгой фонемы /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Т. В. Кравец, Е. А. Процукович. – Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 3. – С. 63–73.
8. Горцевский, А. А. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку [Текст] / А. А. Горцевский. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. – 136 с.
9. Гулимова, Г. В. Настройка гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) [Текст] / Г. В. Гулимова // Экспериментальная фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 96–135.
10. Кодзасов, С. В. Общая фонетика [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
11. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Наука, 1964. – 274 с.
12. Котвич, В. Л. Исследования по алтайским языкам [Текст] / пер. с польск. Л. И. Толкачева [Текст] / В. Л. Котвич. – М. : Изд-во ИЛ, 1962. – 373 с.
13. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1960. – Вып. 40. – № 237. – С. 132–169.
14. Морозова, О. Н. Стандарт для транскрибирования звучащей речи восточных эвенков (на материале речевого корпуса эвенкийского языка) [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Т. В. Кравец. – Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Вып. 4. – № 1. – С. 32–48.
15. Симонов, М. Д. Относительная длительность гласных в двусложных словоформах эвенкийского языка (на материале баунтовского говора) [Текст] / М. Д. Симонов // Сибирский фонетический сборник. – Улан-Удэ, 1976. – С. 3–17.
16. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.

References

1. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka*. [Sound system of the Tommot Evenki language]. Novosibirsk.

2. Afanaseva, E. F. (2010). *Fonologiya i fonetika Evenkiyskogo yazyka*. [Phonology and phonetics of the Evenki language]. Ulan-Ude.
3. Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk.
4. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti* [Accents of the Amur Region Evenks]. Leningrad.
5. Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. St-Petersburg : Drofa.
6. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow.
7. Gorcevskiy, A. A. (1939). *Foneticheskie trudnosti pri obuchenii evenkov-tungusov russkomu yazyku* [Phonetic difficulties while teaching the Russian language to the Evenks-Tungus]. Leningrad.
8. Gulimova, G. V. (1982). *Nastroyka glasnykh poligusovskogo govora evenkiyskogo yazyka po dannym rentgenografirovaniya* [Articulation of Poligus Evenki vowels based on X-ray analysis]. Novosibirsk.
9. Kodzasov, S. V., Krivnova, O.F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow.
10. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow- Leningrad.
11. Kotvich, V. L. (1962). *Issledovaniya po altayskim yazykam* [The Altaic languages studies]. Moscow.
12. Matusevich, M. I. (1960). Oчерк системы фонем эрбогоченского говора evenkiyskogo yazyka na osnove eksperimental'nykh dannykh [The outline of the phonemic system of the Erbogochen local accent of the Evenki Language based on experimental data]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya filol. nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of Philological Sciences], 40 (237), 132–169.
13. Morozova, O. N., Androsova, S. V., Kravets, T. V., Protsukovich, E. A. (2017). Glasnye realizatsii na meste kanonicheskoi dolgoi fonemy /ɜ:/ v selemdzhinskom govore evenkiyskogo yazyka i ikh fonologicheskii status [Phonetic patterns of canonical /ɜ:/ in the Selemdzha accent of the Evenki language and their phonological status]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 63–73.
14. Morozova, O. N., Androsova, S. V., Kravets, T. V. (2018). Standart dlya transkribirovaniya zvuchashchey rechi vostochnykh evenkov (na materiale rechevogo korpusa evenkiyskogo yazyka) [Standard for transcribing oral speech of Eastern Evenks (Based on the material of the speech corpus of the Evenki language)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 32–48.
15. Simonov, M. D. (1976). *Otnositelnaya dlitel'nost glasnykh v dvuslozhnykh slovoformakh Evenkiyskogo yazyka (na materiale bauntovskogo govora)* [Relative vowel duration in disyllabic words of the Evenki language (based on the Baunt local accent)]. Ulan-Ude.
16. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.

УДК 81'27
UDC 81'27

Наумов Владимир Викторович
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
Saint-Petersburg, Russian Federation
vladimir_naumov@mail.ru

**ГИМН(Ы) РОССИИ:
ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЕ СОНОГРАММЫ* НАЦИИ
RUSSIAN NATIONAL ANTHEMS:
LINGUO-MENTAL SONOGRAMS OF THE NATION**

Аннотация

В статье анализируются текстовые и музыкальные характеристики гимна (-ов) России как наиболее значимых для национального самосознания музыкальных произведений в диахроническом аспекте. Представлены историческая, политическая и социальная составляющие, обуславливающие соответствующие определённому этапу развития страны, изменения в тексте и мелодии гимна. Сопоставительный анализ восприятия исторических вариантов государственного гимна России представляет перспективу более детального исследования данного материала.

Abstract

The current article presents a diachronic analysis of words and music of national anthems of Russia as being most valuable for national identity. Historical, political, and social background is given representing certain stages of the country's development that were reflected in the anthems' words and music. The outlook for further detailed research is seen in comparing the perception of historical variants of the National Anthem of Russia necessary to understand the coherent picture of national identity forming.

Ключевые слова: сонограмма, национальная лингвоментальность, гимн, экспрессивная и аппелятивная функции языка, патриотизм, мелодика и текст.

Keywords: sonogram, national linguistic mentality, anthem, expressive and appellative functions of the language, patriotism, melody and text.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_1_101_111

1. Введение

Данное в сноске пояснение имеет отношение не только к характеристике звуковых сигналов представителей земной фауны. Любое звуковое

* Сонограмма (от лат. sonus – звук и греч. грамма – черта, буква) – графическое трёхмерное изображение акустического спектра в координатах «время, частота, амплитуда». Используется для описания и анализа акустических сигналов в этологии и систематике животных.

произведение, рождённое в человеческом обществе, может быть положено на музыку и обладать соответствующим графическим обликом (текстом), а координаты «время», «частота» и «амплитуда», в свою очередь, формируют ментальный статус и социальную релевантность музыкального произведения. Попробуем проанализировать процесс становления наиболее значимых для национального самосознания музыкальных произведений с позиций указанных координат. Время, как известно, не является рамками языка и его структурных элементов. Время есть фактор развития языкового кода во всех его формах, музыкальной в том числе. Время периодически порождает отвечающие запросам социума прозаические и музыкальные тексты и дезавуирует их, стирая из памяти народа абсолютное большинство произведений, имевших некогда высокую «вкусовую» оценку и считавшихся маркерами определённого периода времени. Однако в ментальности любого народа существуют прозаические и музыкальные творения, неподвластные действию времени. Это речевые образцы различной линейной значимости, функциональной направленности и жанровой принадлежности: идиомы, пословицы, поговорки (1-й уровень), басни, сказки, былины, анекдоты (2-й уровень), песни, плачи, гимны (3-й уровень). Наименее исследованным произведением народного языкотворчества остаётся третий уровень. До сих пор, в частности, никому не удавалось выявить истоки и алгоритм порождения народной песни. Достаточно сложно ответить на вопрос: если песня называется народной, то следует ли считать её автором весь народ, как некую генеральную совокупность, представляющую данный социум, либо авторство принадлежит какой-то группе лиц или вообще отдельному индивиду, пожелавшему остаться неизвестным или забытому впоследствии? Далее. Песня называется народной потому, что автор неизвестен или потому, что она (песня) имеет хождение в народе и поётся им в течение продолжительного времени? Отдельная тема – мелодия народной песни. Музыкальное оформление стихотворного текста, не имеющего авторства, может вдохновить любого носителя языка, обладающего природным слухом и чувством музыкального ритма, которые необходимы для трансформации стихотворной формы в песенную.

Трудно себе представить, например, другое музыкальное оформление таких народных песен, как «Вдоль по Питерской», «Дубинушка» (см. подр. статью «Слова народные» [Наумов, 2018]). Мелодия в данном случае непоколебима вследствие её изначальной абсолютной гармонии с текстом и обречена на длительное существование. Подобные примеры музыкально-речевого творчества мгновенно поглощаются узусом, представителями различных социальных и региональных слоёв языкового коллектива, находя своих носителей (исполнителей). Персонифицировать народное музыкальное произведение такого рода, отследить дату и место его рождения крайне сложно. Узус сам определяет судьбу и продолжительность жизни песни. В. фон Гумбольдт всегда подчёркивал анонимность национального авторства плана выражения языка: «Поскольку формы языка национальны, они всегда в подлинном и прямом смысле творятся нациями как таковыми» [Гумбольдт, 2001, с. 65]. Следовательно, если творцом языка следует считать народ, то в каждой лингвокульту-

ре должны быть не персонифицированные, анонимные образцы речевых произведений, существующих в сознании большинства носителей языка как подлинная исповедь народа, аутентичность которой никем не подвергается сомнению. Однако есть и другая сторона «медали», открывающая возможность создания индивидуального авторского музыкального произведения, которое становится символом – *лингвоментальной сонограммой нации*, в течение долгого времени манифестирующей её государственную принадлежность. Гимн – это авторский симбиоз текста и музыки, характеризующий национальное самосознание этноса (-ов), отношение каждого гражданина и социума в целом к историческим, нравственным и культурным ценностям государства.

2. Гимны России: эволюция музыкальной риторики

Социальная амплитуда гимна максимальна вследствие его безусловного превосходства перед другими социально значимыми музыкальными произведениями, характеризующимися относительно высокой частотой исполнения. Государственный гимн, наряду с флагом и гербом, представляют собой символы нации, без которых этнос (-ы) становятся безликой, аморфной совокупностью индивидов, лишённых признаков целостной структуры. Знаковая природа государственной геральдики обуславливает её доминирующее свойство – *социальную императивность*. Прилюдное исполнение гимна обязывает каждого из присутствующих выполнить строго определённые действия, которые демонстрируют отношение индивида к одной из главных составляющих государственной символики. В Европе гимны появляются в 18–19 вв. Именно в это время капиталистический способ производства, предполагающий активное межгосударственное взаимодействие, формирует политическую, экономическую и культурную целостность этносов, осознание необходимости поиска алгоритма самоидентичности. Не последнюю роль в этом процессе сыграл геополитический передел европейского пространства.

Представим читателю краткую историческую справку о создании первых музыкально-речевых произведений, ставших выполнять функцию государственных гимнов России. Первый неофициальный русский национальный гимн был создан в 1791 году Гавриилом Державиным (слова) и Осипом Козловским (музыка) на мотив полонеза. Поводом к созданию гимна явилось взятие русскими войсками под командованием А. В. Суворова османской крепости Измаил в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Впервые это произведение *«Гром победы раздавайся»* было исполнено 28 апреля (9 мая) 1791 года в Таврическом дворце на грандиозном празднике, заданным Г. А. Потёмкиным для императрицы. Приведём первые три куплета, иллюстрирующие победоносную силу русского оружия и политическую мудрость императрицы. Как видно из текста, в гимне прописана практически вся топонимика новых территорий, расширивших границы государства Российского. Первый неофициальный гимн сопровождал торжественные мероприятия при дворе с 1791 по 1816 гг. (тексты этого и других гимнов доступны в [Википедия]).

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся.
Магомета ты потрёс!

Припев:
Славься сим, Екатерина!
Славься, нежная к нам мать!

Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость Россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.
Уж не могут орды Крыма
Ныне рушить наш покой;
Гордость низится Селима,
И бледнеет он с луной.

Вторым музыкальным произведением, возведённым в ранг официального государственного гимна России, стала *Молѣтва русских*. Словами гимна является стихотворение В. А. Жуковского, первые две строфы которого впервые были напечатаны в журнале «Сын отечества» за 1815 год и назывались «Молитва русского народа». В конце 1816 года Александр I издал указ, который установил порядок исполнения гимна. Его музыкой стал напев британского гимна (слова и музыка Генри Кэри). Гимн должен был исполняться при встречах Императора и официальных мероприятиях с участием представителей иностранных государств. Данное произведение оставалось государственным гимном России вплоть до 1833 года, когда оно было сменено гимном «*Боже, Царя храни!*».

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю:
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Всё ниспошли!
Перводержавную
Русь Православную
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное, –
Всё ж недостойное,
Прочь отжени!

Сопоставление приведённых произведений показывает, что победоносную, агрессивную риторику первого текста сменяет более мирное, пацифистское содержание, отражающее позицию России в отношениях с другими странами. Лейтмотивом гимна является обращение к Богу, упование на его защиту и благосклонность к царю и отечеству. Гимн просуществовал 17 лет. В 1833 году появился второй официальный гимн России – **«Боже, Царя храни!»**. История его создания такова. В 1833 году Алексей Фёдорович Львов (русский скрипач-виртуоз, композитор, дирижёр, музыкальный писатель и общественный деятель, руководитель Придворной певческой капеллы в 1837–1861 годах) сопровождал Николая I во время его визита в Австрию и Пруссию, где императора повсюду приветствовали звуками английского марша. Император выслушивал мелодию монархической солидарности без энтузиазма и по возвращении поручил Львову, как наиболее близкому ему музыканту, сочинить новый гимн, что и было сделано. Новый гимн (музыка Львова, слова Жуковского) впервые был исполнен 18 декабря 1833 года (по другим сведениям – 25 декабря) под названием «Молитва русского народа». А с 31 декабря 1833 года стал официальным гимном Российской Империи, под новым названием «Боже, Царя храни!» и просуществовал до Февральской революции 1917 года.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Гимн имел всего шесть строк текста. 16 тактов мелодии легко запомнились и были рассчитаны на трёхкратный куплетный повтор. Сохранился содержательный лейтмотив гимна, обращённого к Богу и его помазаннику – царю, несущему ответственность за страну. Пресуппозиция гимна выражена центральными строками: *«Царствуй на славу нам! Царствуй на страх врагам!»*. По сравнению с предыдущим гимном, здесь усилена аппелятивная функция текста. Призыв к Богу и царю демонстрирует единение силы небесной и земной, составляющей основу русского православия. Вполне оправданным является, на наш взгляд, сокращение текста гимна. Следует заметить, что основная функция любого гимна состоит в побуждении гражданских патриотических чувств у слушающих и поющих. Уровень чувственного восприятия текста и мелодии, как правило, не обусловлен линейной протяжённостью текста и витиеватостью мелодии. Поэтому гимн должен быть по возможности: а) кратким, но раскрывающим доминанту национальной ментальности; б) мелодически звучным, формирующим чувства исторической гордости за отечество и любви к нему. Форма и содержание аппелятивной составляющей гимна определяются историческими событиями, изменяющими социально-политическое устройство государства. Россия в этом отношении продемонстрировала, пожалуй, непре-

взойдѣнное в Европейском пространстве многообразие приоритетов, воспеваемых в официальных и неофициальных гимнах. Только в 1917 г. в России использовались два варианта национального гимна: *Преображенский марш* и *Рабочая марсельеза*. Первый имел хождение после февральской революции. Этот старинный марш петровских времѣн стали исполнять как гимн вместо «Боже, Царя храни!». После Октября 1917 года его статус «гимна» упразднили, но в Добровольческой армии «Преображенский марш» продолжал оставаться «русским гимном». Приведѣм первые два куплета марша (музыка неизвестного автора, слова С. Марина).

Пойдем, братцы, за границу
Нам напомним каждый шаг,
Бить Отечества врагов.
Вспомним матушку-царицу,
Вспомним, век ее каков!

Славный век Екатерины
Нам напомним каждый шаг,
Те поля, леса, долины,
Где бежал от русских враг.

«Рабо́чая Марсельёза» – русская революционная песня на мелодию французского гимна – песни «Марсельеза». Она использовалась в качестве гимна в первые месяцы после Февральской революции (известна также под названиями «Новая песня» и «Отречѣмся от старого мира»). Слова П. Л. Лаврова, музыка Клода Жозефа Руже де Лиля. Текст опубликован в газете «Вперѣд» 1 июля 1875 года под названием «Новая песня». Временным правительством «Марсельеза» была утверждена в качестве государственного гимна 2 марта 1917 года по старому стилю – через 5 дней после отречения от престола Николая II. Первое время она исполнялась под оригинальную французскую мелодию, но затем композитор А. К. Глазунов видоизменил музыку так, чтобы она лучше соответствовала русским словам.

Отречѣмся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдѣм к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдѣм,
С ним пошлѣм мы злодеям проклятья –
На борьбу мы его поведѣм.

Припев:

*Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперѣд, вперед, вперед, вперед, вперед!*

Оба гимна демонстрируют резкую смену социального настроения. Размеренный и спокойный ритм гимна «Боже, царя храни» уступает место напористой, маршевой мелодике, призывающей к активным боевым (революционным) действиям. Мелодическое сходство, однако, базируется на совершенно разных целях и задачах, пронизывающих оба гимна. Если в первом тексте имеет место ностальгия по самодержавной власти, упоминаниями, типа: *«вспомним матушку-царицу»*, *«славный век Екатерины»*, Марсельеза однозначно демонстрирует желание народа свергнуть самодержавие насильственным путём: *«нам враждебны златые кумиры»*, *«ненавистен нам царский чертог»*.

Продолжает воинственную риторику «Марсельезы» и следующий гимн России *«Интернационал»*, ставший сначала Государственным гимном РСФСР (1918–1922), а после образования Советского Союза (1922) – гимном СССР (1922–1944). Текст гимна состоял из четырёх куплетов и припева, однако, куплеты 3 и 4 не вошли в гимн. Слова Эжен Потье (перевод А. Я. Коц, 1902), музыка Пьер Дегейтер. Приведём первый куплет и припев гимна.

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.

Припев:
Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Гимн демонстрирует непокорный, галльский дух социально-политического перелома, имевшего место во Франции после буржуазной революции 1789–1794 гг., свергнувшей монархию. Он призывает не только к разрушению «мира насилья» в отличие от «Марсельезы», демонстрирующей лишь намерение *«отречься от старого мира»*, но и стремление *«построить новый мир»*, в котором у всех будут равные возможности. Этнические и ментальные особенности уходят на второй план, уступая место стремлению к социальному равенству. В обоих гимнах нет ссылок на какие-либо исторические события и личности, упоминавшихся в предыдущих текстах Российских гимнов. Более того, в «Марсельезе» и в «Интернационале» отсутствует само название страны, воспеваемой в этих гимнах. Пресуппозиция выражена не персонифицированным призывом к безликой массе людей совершить насильственные действия в отношении правящего

класса. Все эти изъяны был призван ликвидировать текст следующего гимна СССР. Итак, Государственный гимн Советского Союза (1944–1956), шестой официальный гимн нашей родины. Музыка написана в 1938 году для песни «Гимн партии большевиков» (слова В. И. Лебедева-Кумача). В 1943 году, после победы под Сталинградом, был предложен новый вариант слов с знаковым припевом: «...Знамя советское, знамя народное пусть от победы к Победе ведет!» Музыка А. В. Александрова, слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана. Утверждён 14 декабря 1943 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Впервые новый гимн исполнен в ночь на 1 января 1944 г.; официально используется с 15 марта 1944 г. Гимн состоял из трёх куплетов и припева. Приведём два из них.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Припев:

*Славься, Отечество, наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!*

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Припев

Принятие гимна СССР инициировало процесс создания государственных гимнов союзных республик с упоминанием их в республиканских конституциях. Однако гимн РСФСР так и не был принят, поэтому на её территории официальные мероприятия сопровождался гимном СССР. В 1956–1977 гг. гимн СССР исполнялся без слов, потому что в прежнем тексте упоминался Сталин. Но официально старые слова гимна отменены не были и во время зарубежных выступлений советских спортсменов иногда исполнялся гимн со старыми словами. В 1977 году Сергей Михалков создаёт вторую редакцию Государственного Гимна СССР. Музыка А. В. Александрова, слова С. В. Михалкова, Г. А. Эль-Регистана. Гимн также состоит из трёх куплетов и припева. Напомним читателю два куплета.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Припев:

*Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!*

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

В последние годы существования СССР, когда произошел фактический отказ от коммунистической идеологии, гимн исполнялся без слов, переставших отвечать новым политическим реалиям. До 1990 года у РСФСР, единственной из всех союзных республик, не было своего гимна. Поэтому 5 ноября 1990 года правительство РСФСР принимает постановление о создании государственного герба, государственного флага и гимна РСФСР. В качестве музыкального оформления гимна была избрана **«Патриотическая песня»** Михаила Глинки в аранжировке А. Петрова. Это музыкальное произведение выполняло функцию государственного гимна России до 2000 г. Гимн также исполнялся без слов, общепризнанного текста для «Патриотической песни» не было.

В декабре 2000 – феврале 2001 в государственную Думу были внесены 5 законопроектов о новом тексте гимна. Законопроекты были рассмотрены Думой и в качестве официального гимна Российской Федерации был принят текст С. В. Михалкова, предложенный В. В. Путиным. В качестве мелодии гимна утверждена музыка А. В. Александрова (гимн СССР). Слова гимна должны быть внесены в текст закона в будущем. Президент создал рабочую группу для рассмотрения предложений о тексте Государственного гимна в составе 12 человек. 30 декабря 2000 г. указом Президента Российской Федерации № 2110 на период до вступления в силу соответствующего федерального конституционного закона утверждён текст С. Михалкова. Гимн содержит три куплета и припев. Приведём текст полностью. Музыка А. В. Александрова, слова С. В. Михалкова.

Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава –
Твоё достоянье на все времена!

Припев:

*Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!*

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!

Припев.

Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу даёт наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!

Припев.

В отличие от гимна СССР, прославлявшего партию и её вождя – В. И. Ленина, гимн России не содержит каких-либо исторических персонажей, участвовавших в становлении державы. Упоминание во втором куплете Бога, заботами которого «хранима родная земля», в известном смысле можно считать поэтическим актом покаяния за 70-летнее коммунистическое безбожие, деморализовавшее российский социум и лишившее его основ христианской нравственности.

Третий куплет Российского гимна проникнут сдержанным оптимизмом на будущее. В отличие от советского гимна, где цель и средства её достижения ясны: *«Партия Ленина – сила народная нас к торжеству коммунизма ведёт»*, цель движения сегодняшней России не обозначена. Тем не менее, аморфная по своей сути фраза: *«широкий простор для мечты и для жизни грядущие нам открывают года»*, внушает бóльшую уверенность в своих силах, нежели пафосный призыв к торжеству коммунизма – цели вполне конкретной, но не имеющей альтернативы и поэтому лишаящей индивида и социум в целом права выбора.

3. Заключение

Функциональная направленность гимна, как симбиоза поэтического текста и музыки, состоит в следующем. Из трёх функций (коммуникативной, аппелятивной, экспрессивной), которыми обладает любое сверхфразовое единство (К. Бюлер), две последние имеют для гимна приоритетное значение. Гимн – это знаковый Appel (призыв), манифестирующий высокую гражданскую значимость его звучания. Поэтому восприятие гимна в любой аудитории характеризуется торжественностью и социальной ответственностью. Экспрессивная составляющая гимна определяется его эмотивной направленностью. Наличие у каждого носителя языка определённых фоновых знаний о содержащейся в гимне информации, должно вызывать чувственную гармонию с текстом и музыкальным оформлением, пробуждать гордость за страну, причастность к её прошлому и настоящему, желание сделать всё для её благосостояния в будущем. Опросников с оценкой восприя-

тия носителями языка современного гимна РФ пока не существует, но анализ последних общественно значимых событий, в частности, чемпионата мира по футболу, прошедшего в России летом 2018 г., свидетельствуют о том, что гимн России занимает в самосознании нации всё более значимое место. Размытое чувство интернационализма, так называемой дружбы народов, воспеваемой гимном СССР, постепенно уступает место истинному патриотизму, чувству гораздо более искреннему и сильному.

Список литературы

1. Бюлер К. Теория языка [Текст] / К. Бюлер. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2001. – 400 с.
3. Наумов, В. В. Слова народные [Текст] / В. В. Наумов. – Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Вып. 4. – № 1. – С. 49–57.
4. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL : <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 19.12.2018).

References

1. Bühler, K. (2000). *Teoriya yazyka* [Language theory]. 2nd ed. Moscow : Progress Press.
2. Humboldt, von. W. (2001). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected writings in language studies]. Translated from German and ed. by G. V. Ramishvili; Afterword by A. V. Gulyga and V. A. Zvegintsev. Moscow : ОАО ИГ «Прогресс» Press.
3. Naumov, V. V. (2018). Slova narodnye [Folklore words]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 49–57.
4. Wikipedia. The free encyclopedia. Retrieved December 19, 2018 from <<https://ru.wikipedia.org>>.

УДК 81'42; 811.161.1

UDC 81'42; 811.161.1

Путина Ольга Николаевна, Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Olga N. Putina, Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
onputina@mail.ru, info@psu.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНЫХ
МАРКЕРОВ *HY* И *WELL* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)
FUNCTIONAL POTENTIAL OF DISCOURSE MARKERS
HY AND *WELL* IN RUSSIAN AND ENGLISH
(CORPUS STUDY)**

Аннотация

В данной статье исследуются функции дискурсивных маркеров. Несмотря на многочисленные обращения лингвистов к изучению этого вопроса, до сих пор не существует единого мнения относительно понятия дискурсивных маркеров, их терминосистемы и критериев классификации. Авторы рассматривают и обобщают существующие подходы относительно данного феномена, анализируют дискурсивные маркеры как лингвистические объекты, обладающие большим функциональным потенциалом. В экспериментальной части работы показывается специфический характер дискурсивных маркеров *hy* и *well* в различных контекстах, актуализирующих их функции, приводится их частотность. Для данных дискурсивных маркеров выделены несколько функций, которые продемонстрированы на многочисленных примерах.

Abstract

In this article, the functions of discourse markers are considered. Despite numerous investigations concerning this issue in linguistics, there is no agreement on a discourse marker definition, neither there is a common approach to terminology describing the phenomenon, nor unified criteria for their classification. Therefore, we analyze the existing approaches regarding this phenomenon and generalize on them viewing discourse markers as objects of linguistics with great functional potential. In the experiment, specific features of the discourse markers *hy* and *well* are revealed in contexts that actualize their functions, their frequency is also demonstrated. Several functions of these discourse markers are singled out and illustrated by numerous examples.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, единица, функциональный потенциал, классификация, контекст.

Keywords: discourse marker, unit, functional potential, classification, context.

doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_1_112_122

1. Введение

Коммуникативно-прагматический подход в лингвистике стимулировал проявление интереса к дискурсивным маркерам (другие названия данного феномена: прагматические частицы, скрепы, коннекторы, коннективы, прагматические маркеры). Дискурсивные маркеры рекуррентны и имеют широкий прагматический потенциал; без них практически невозможно обойтись в устной речи. Они выступают не только в качестве связующих единиц высказываний в отношении определённого фрагмента действительности, но и целого дискурса.

Дискурсивные маркеры представляют собой парадигматический класс единиц из дополнительного многомерного пространства, которое язык как бы надстраивает над линией речи [Кацнельсон, 1972, с. 186]. В синтаксическом плане дискурсивные маркеры выступают как разные члены диалогических единиц, регуляторы информационного потока, регуляторы отношений коммуникантов.

Дискурсивные маркеры не образуют самостоятельный разряд языковых единиц; этот класс не обозначен чёткими границами и объединяет единицы, которые относятся к разным частям речи. Они не имеют денотатов в традиционном представлении, их изучение может быть реализовано лишь через функционирование. Они могут занимать разные позиции в высказывании: инициальные, финальные, могут встраиваться в высказывание.

Одним из типичных дискурсивных маркеров, который можно найти в разных языках, является частица «**ну**». Указанный дискурсивный маркер исследовался на материале марийского [Эрцикова, 2015], английского [Цапро, 2012; Поладова, 2017], персидского [Чернышева, Зияи, 2014], водского [Агранат, 2009], немецкого [Аверина, 2004] и русского языков [Богданова-Бегларян, 2014; Лейко, 2013]. Так, И. М. Лейко выделяет следующие функции частицы *ну* (в терминологии автора) в русском языке: просьба, переход от одной мысли к другой, выражение эмоции, прекращение разговора, непонимание, начало разговора, коррекция диалога, отсылка к фоновым знаниям, признание, уточнение, хезитация, согласие, несогласие, оценка, косвенный ответ [Лейко, 2013, с. 150–154]. Н. В. Богданова-Бегларян подчёркивает, что часто единицы дискурса – прагматемы – полностью или частично утрачивают своё лексическое значение и начинают выполнять в речи разнообразные функции. Она предлагает свою типологию, которая включает междометные прагматемы, хезитативные, дискурсивные и ритмообразующие маркеры, маркеры поиска и самокоррекции, маркеры-ксенопоказатели, маркеры-рефлексивы, маркеры-аппроксиматоры и другие. В данной типологии **ну** относится к маркерам поиска, которые способны выполнять, наряду с поисковой, также функцию хезитации:

(1) *ой / ха-ха я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они котика накормили / это самое // он начал / это самое/ э-э ну это / как его // э-э ну з... / ж... / ну жареной свининой // значит / окунями //*

и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу [Богданова-Бегларян, 2014, с. 12].

В связи с процессом прагматикализации дискурсивных маркеров в целом и маркера *ну* в частности мы полагаем, что актуальным является более детальное изучение специфического характера дискурсивного маркера *ну* в русском языке и дальнейшая актуализация его функций. Это представляется возможным исследовать только через употребление, в контексте.

2. Эксперимент

2.1. Методы и материал исследования

При выделении функций дискурсивного маркера *ну* использовались методы корпусного и контекстуального анализа. Материалом для исследования послужили тексты, взятые из следующих источников: Слово «Ну» – Лингвофорум, Форум: Реальные истории, вопросы, советы и обсуждение, Национальный корпус русского языка, Leipzig Corpora Collection (Corpus: Russian (rus_mixed_2013)).

Нами было выявлено, что дискурсивный маркер *ну* является частотным (91678 контекстов в Leipzig Corpora Collection (Corpus: Russian (rus_mixed_2013)); (16665 документов и 25179 употреблений в Национальном корпусе русского языка), например, по сравнению с дискурсивным маркером *короче* (12741 контекстов в Leipzig Corpora Collection (Corpus: Russian (rus_mixed_2013)); (3663 документа и 8278 употреблений в Национальном корпусе русского языка)) или дискурсивным маркером в общем (51289 контекстов в Leipzig Corpora Collection (Corpus: Russian (rus_mixed_2013)); (9183 документов и 25004 употреблений в Национальном корпусе русского языка)). Такая частотность не может не вызывать повышенного внимания.

2.2. Функции дискурсивного маркера «ну» и его эквивалентов в английском языке

2.2.1. Русский язык

Контекстный анализ и систематизация данных по найденным примерам употребления дискурсивного маркера *ну* в Национальном корпусе русского языка, Leipzig Corpora Collection (Corpus: Russian (rus_mixed_2013), лингвофоруме «Слово «**Ну**» и форуме «Реальные истории, вопросы, советы и обсуждение» показали, что он актуализирует больше функций, чем приведено в работе И. М. Лейко [Лейко, 2013, с. 150–154] – 19 и 15 соответственно. Проиллюстрируем каждую из них.

1. Согласие.

- (1) *Ну ладно, у ДПСников и так сдельная оплата.*
- (2) *Ну, бывает и такое.*
- (3) *Вот ты все время играешь, но ведь компьютер не только для этого, правда? – Ну.*
- (4) *Это у тебя справка из того отдела? – Ну.*

(5) *Привет! – Брат дома? – Ну.*

2. Усиление.

(1) *Ну вы, наверное, очень сильная студентка.*

(2) *Ну действительно.*

(3) *Ну точно.*

(4) *Ну наверняка.*

(5) *Ну хорошо.*

(6) *Табаков – ну он всегда Табаков, каких бы сволочей не играл, всегда обаятелен.*

(7) *Все готово, ну, кажется, можно ехать.*

(8) *Он ошибся, ну так что же?*

3. Экспрессия.

(1) *Ну, великое дело русскому человеку похандрить, любимейшее из занятий.*

(2) *Ну и сюжет, хм...*

(3) *Ну сколько можно?*

(4) *Ну ты, крут.*

(5) *Ну куда человек без высшего образования?!*

(6) *Ну силен!*

(7) *Ну ты даешь!*

(8) *Вы придёте к нам сегодня? – Ну конечно придём!*

(9) *Ну и лето — сплошные дожди!*

(10) *Ну и смельчак!*

(11) *Ну уж рассмешил!*

4. Побуждение.

(1) *Ну, рассказывай!*

(2) *Ну не читайте вы «советских» газет до обеда, аппетит испортите...*

(3) *Ну, знаешь, ну такой сине-зелёный.*

(4) *Ну, и? Дальше-то что?*

(5) *Ну, подойди.*

(6) *Ну, давай, открывай скорее.*

(7) *Ну, повернись к зеркалу ещё раз.*

(8) *Ну-ну, покажи, на что ты способен.*

(9) *Ну-ка спой нам!*

(10) *Давно хотел поговорить с вами... – Ну?*

5. Обратная связь.

(1) *Ну я не в курсе ваших альтернатив.*

6. Удивление.

(1) *Как? Ну как он вывернется на этот раз?*

(2) *Ну и ну, на небе ни облачка.*

(3) *Ну и ну, до чего же странная история!*

(4) *Нет, мне женщины очень нравятся. Мне с ними очень интересно. Правда, я не очень умею с ними общаться. – Да ну? – Да, я практически не умею ухаживать. Меня как-то этому не научили. А мальчиков надо этому учить, я уверен.*

(5) *Сегодня он уезжает. – Ну?!*

(6) *Ну разве так можно?*

(7) *Ну разве так поступают?*

7. Неопределённость, некатегоричность.

(1) *И после этого я не могу сказать, как я к нему отношусь. Потому что что-то такое возникло... – Любовь. – Ну да. Наверное, можно это любовью назвать. Такого рода контакт. Во всяком случае, если бы я его сейчас встретила, я бы его поблагодарила за то, что в моей жизни такое произошло, такой опыт.*

8. Минимизация достижений.

(1) *Я занимался электродинамикой СВЧ... – Это что-то связанное с микроволновками, в которых разогревают завтрак? – Ну... примерно. Принцип тот же. Точнее я тебе сейчас не объясню. Прочитать мою дипломную работу нормальному человеку так же сложно, как китайских мыслителей в подлиннике.*

9. Нейтрализация (смягчение).

(1) *Но вы, человек, привыкший к комфорту, вы человек, который э-э не знал, что такое дефицит, что такое достать там кофе, достать, не купить, а достать, вы застали ещё это время? – Застал. – И что? – Ну и что? Ну не было кофе. – И ничего? – Ну и не конец света. – Ой, как приятно это слышать.*

(2) *У меня платье запачкалось. – Ну и что, никто не заметит.*

10. Предположение.

(1) *Ну я вечером опять зайду.*

(2) *Ну как они не придут?*

(3) *Ну как опоздаем?*

(4) *Я хотела сказать, но это, может быть, очень грубо будет сказано: у него, наверное, мозгов на это не хватает. – Да ну. При чём тут мозги. Просто реальных результатов нет ни одной работы. Это просто от человека зависит.*

11. Сомнение.

(1) *Дом этот я построил своими руками. – Ну да?*

(2) *Работу я всю закончил. – Ну да? Так быстро?*

12. Аргументация.

(1) *Какие на ваш взгляд плюсы и минусы высших учебных заведений и школ? И где в итоге лучше? – Мне однозначно школа больше нравится, хотя бы потому, что урок 40 минут идёт. Ну и нагрузка поменьше.*

13. Аттракция. *Ну, Иван, не палите же арсенал, я не провоцировал.*

14. Запрос информации.

(1) *Ну, а как твой поход?*

(2) *Ваш жизненный путь прошел и проходит по территории четырех государств – СССР, России, Израиля и вот теперь Люксембурга. Ну и где лучше всего? – Существует мудрая поговорка: «Везде хорошо, где нас нет».*

15. Начало.

(1) *От возмущения она покраснела и ну кричать.*

(2) *Танька опустилась на стул и ну смеяться!*

16. Завершение.

(1) *Ну ладно, пора ехать.*

(2) *Ну я пошёл.*

(3) *Ну тебя!*

17. Выражение негатива.

(1) *Позовём Лену с собой? – А ну её! Пошли одни.*

(2) *Мясо ещё не разморозилось. – Да ну его! Давай рыбу жарить.*

(3) *Вы пытались найти решение? – Ну пытался. А толку что?*

(4) *Ну да, так я вам и поверил!*

18. Реактивность.

(1) *Ну извините, вот я такая наивная.*

(2) *Ну как тут не согласиться?*

(3) *Ну, слава Богу!*

19. Хезитация.

(1) *Ну... если говорить откровенно.*

(2) *Ну... мы еще не решили до конца.*

(3) *Ну... да, согласна, это очень хорошо.*

(4) *Ну... не знаю.*

(5) *Ну, – сказал я снова безразличным голосом. – Я тогда думал... А теперь подумал, что может, я был неправ...*

(6) *Какие слова ты чаще всего говоришь актёрам? – Гм... Ну... есть у меня некоторые любимые изречения, например: "Деньги кончатся – pozor останется!" Или ещё: "В гробу карманов нет". Я и сам в это верю.*

Анализ следующего диалога, выявляющего сразу несколько функций дискурсивного маркера ну в русском языке, демонстрирует широкий потенциал данного маркера.

– *У меня просто много кредитов. А отдавать бы я их чем стал? Я теперь эти не смогу отдать. Вот теперь просто-напросто влез в долги.*

– *Ну я так понимаю, я про мои двенадцать тысяч вообще могу забыть? Просто выкинул их.*

– *Ну да. Так и есть. Ты их просто выкинул.*

– *Ммм, ну видно так суждено что ли?*

– *Я просто принципиально не выплачу. Можешь считать это кидаловом.*

– *Ну ладно, там посмотрим.*

В первом примере данного диалога «*Ну я так понимаю, я про мои двенадцать тысяч вообще могу забыть? Просто выкинул их*» дискурсивный маркер ну употребляется в функциях запроса информации и предположения, во втором «*Ну да. Так и есть. Ты их просто выкинул*» – в функции согласия. Третий пример «*Ммм, ну видно так суждено что ли?*» актуализирует функцию сомнения, четвертый «*Ну ладно там посмотрим*» – некатегоричность и завершение. Таким образом, в одном диалоге демонстрируется пять функций дискурсивного маркера ну.

2.2.2. Английский язык

По аналогии с дискурсивным маркером ну, Г. Ю. Цапро, вслед за Дж. Лакоффом, использует термины хедж и хеджинг для обозначения дискурсивного маркера *well* в английском языке [Lakoff, 1972, p. 185; Цапро, 2012, с. 30–31]. Дискурсивный маркер *well* в английском языке является аналогом дискурсивного маркера «ну» в русском языке и встречается в 1827707 контекстах Leipzig Corpora Collection (Korpus: English (eng-za_web_2014) и в 141317 контекстах British National Corpus. *Well* актуализирует различные функции в английском языке [Цапро, 2012, с. 33–37]. Проиллюстрируем некоторые из них.

1. Неопределённость и неточность.

– *And what was that? The whisky?*

– *Well it's...*

– *Don't drink it too quick!*

– *I'm not. I'm just taking a sip.*

2. Смягчение негатива.

– *I thought he was quieter than he used to be. Less spring. Is he beaten down, do you think?*

– *Well, everyone gets older.*

3. Заполнение (филер).

– *Why did the lectures work?*

– *Well, again, it's – like I said, it's a very structured thing. So you're forced to sit there and listen. And the thing is, is when you go to rehab, you may not go into it and come out of it changed at all. It's your choice to be willing to listen to what's being said and to embrace it and to learn from it.*

4. Уклонение, уход от ответа.

– *When Katrina hit, and you saw all you saw, and you'd just been there filming, right? What did you make of it?*

– *Well, it was – you know, it was, oh, well, it's happened, because of course as everybody knows, this has been discussed – this was a daily discussion in New Orleans.*

5. Респонсив (вместо ответа «да» или «возможно»).

– *Are they hopeful? What do they tell you?*

– *Yes, yes. Well, they can't just outright and tell you that everything is going to be perfect, you know, because you never know that so you just can't get your hopes up that it's going to all turn out right.*

6. Уменьшение категоричности.

– *All right. Let's move to another politician, Sarah Palin. What's your read on the governor?*

– *Well, you know, they're talking about her as the new Republican Party. If that's what they want for their new Republican Party, that's fine – somebody who doesn't believe in a woman's choice, someone who doesn't believe in evolution, someone who is – you know, loves to hunt and kill animals or whatever. I don't know what her reasoning is.*

Дискурсивный маркер *well* в английском языке чаще всего употребляется в оценочных высказываниях со стилистическим оттенком преувели-

чения и одновременно являются сигнальным маркером, направленным на адресата [Lan le, 2007, p. 102]. Он позволяет говорящему минимизировать роль эксперта, выражает неопределённость и позволяет избежать прямого ответа на вопрос. Таким образом, импликацией *well* является некатегоричность, время и подготовка планирования дальнейших высказываний [Цапро, 2012, с. 32]. В перспективе дискурсивный маркер *well* может стать самостоятельным предметом исследования.

3. Выводы

Дискурсивные маркеры *ну* в русском языке и *well* в английском – единицы специфического характера: они рекуррентны и обладают широким прагматическим и функциональным потенциалом. Данные маркеры служат для связи высказываний друг с другом и структурирования дискурса. Они не обладают денотатом, и поэтому реализуются через функционирование и исследуются с помощью метода контекстуального анализа.

В ходе проведённого корпусного исследования было выявлено, что дискурсивные маркеры *ну* и *well* подвержены прагматикализации и актуализуют разнообразные функции. Также выяснилось, что в рамках одного речевого произведения маркер *ну* может выполнять сразу несколько функций.

Изучение дискурсивных маркеров рассматривается нами как весьма перспективное направление по нескольким соображениям. Во-первых, анализ дискурсивных маркеров позволяет выйти за рамки лингвистики и обратить внимание на социальные, психологические, этнические, культурологические аспекты. Во-вторых, с помощью дискурсивных маркеров можно объяснить и охарактеризовать стратегии и тактики речевого воздействия. В-третьих, разработка типологии дискурсивных маркеров может способствовать более эффективному обучению иностранному языку, особенно если речь идёт о сопоставительном, этноспецифическом ракурсе исследования. Кроме того, выявление и описание функционального потенциала дискурсивных маркеров может способствовать смягчению речевой агрессии, речевой конфликтности и формированию лингвотолерантности. Наконец, изучение дискурсивных маркеров также представляется перспективным с позиции теории языковой экономики.

Список литературы

1. Аверина, О. Е. Текстовые характеристики энергичности речевых актов в современном немецком языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Аверина Ольга Евгеньевна ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2004. – 185 с.
2. Агранат, Т. Б. Дискурсивные маркеры в водском языке [Текст] / Т. Б. Агранат // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 65–75.
3. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) [Текст] : дисс. ... д-ра филол. наук / Бабаева Раиса Ивановна ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 219 с.
4. Богданова-Бегларян, Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология [Текст] / Н. В. Богданова-Бегларян // Вестник

- Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 3 (27). – С. 7–20.
5. Завгородняя, Н. И. Дискурсивные маркеры в модусной организации поля обусловленности в языках разных структур [Текст] / Н. И. Завгородняя // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 186–191.
 6. Лейко, И. М. Прагматические особенности употребления частицы ну в речи студентов и старшеклассников [Текст] / И. М. Лейко // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2013. – Т. 16. – № 2. – С. 150–154.
 7. Массалина, И. П. Дискурсивные маркеры [Текст] / И. П. Массалина // Известия КГТУ. – 2009. – № 15. – С. 211–217.
 8. Поладова, Г. Р. Модификация смысла высказываний с помощью частица, ведь, вон, вот, да, же, ну и их эквиваленты в английском языке [Текст] / Г. Р. Поладова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VI междунар. науч. конф. молодых учёных. Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2017. – С. 141–146.
 9. Цапро, Г. Ю. Гендерные дискурсивные маркеры (хеджинг WELL) в англоязычном интервью [Текст] / Г. Ю. Цапро // Научная дискуссия: инновации в современном мире: материалы VII международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (5 декабря 2012 г.) – М. : Междунар. центр науки и образования, 2012. – С. 30–40.
 10. Чернышева, А. Ю. Императивные конструкции с модальными частицами в переводах русских текстов XX века на персидский язык [Текст] / А. Ю. Чернышева, Ф. Рахиле Зияи // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – С. 62–67.
 11. Эрцикова, Г. А. К вопросу о многозначности частиц ве́ле и ну в марийском языке [Текст] / Г. А. Эрцикова // Проблемы марийской и сравнительной филологии. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2015. – С. 122–130.
 12. Bauer-Ramazani, Chr. Discourse markers in English Sentences [Electronic Resource] / Chr. Bauer-Ramazani. – URL: <http://academics.smcvt.edu/cbaueramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/> (дата обращения 24.03.2018).
 13. Fraser, B. Pragmatic markers [Text] / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – № 6 (2). P. 167–190.
 14. Lakoff, R. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts [Text] / R. Lakoff // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1972. – P. 183–228.
 15. Lan, le B. The Multifunctionality of well and you know in the Joint Construction of a Verbal Interaction [Text] / B. le Lan // Connectives as Discourse Landmarks / Ed. A. Celle. – Amsterdam, NLD : John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 102–115.
 16. Thomas, J. Meaning in interaction: an introduction to pragmatics [Text] / J. Thomas. – London: Routledge, 2013. – 241 p.

Источники иллюстративного материала

1. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.02.19).
2. Слово "Ну" – Лингвофорум. – URL: <https://lingvoforum.net> (дата обращения: 18.02.19).

3. Форум. Реальные истории, вопросы, советы и обсуждение. URL: <https://woman.rambler.ru/forum/> (дата обращения: 18.02.19).
4. British National Corpus. – URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 18.02.19) – BNC.
5. Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 18.02.19) – CCAE.
6. Leipzig Corpora Collection / Deutscher Wortschatz. – URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/en> (дата обращения: 18.02.19).
7. News on the Web. – URL: <https://corpus.byu.edu/nw/> (дата обращения: 18.02.19) – NOW Corpus.

References

1. Averina, O. E. (2004). *Tekstovye kharakteristiki energichnosti rechevykh aktov v sovremennom nemetskom yazyke* [Text characteristics of speech acts energy in modern German]. PhD in Philological sci. diss. Ivanovo : Ivanovo State University.
2. Agranat, T. B. (2009). Diskursivnyye markery v vodskom yazyke [Discourse markers in the Vodsky language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 65–75.
3. Babayeva, R. I. (2008). *Neznamenatel'naya leksika v nemetskom obikhodnom diskurse (pragmaticheskiy aspekt)* [Syncategorematic vocabulary in German colloquial discourse (pragmatic aspect)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University.
4. Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredeleniye ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmathemes in colloquial speech: concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3 (27), 7–20.
5. Zavgorodnyaya, N. I. (2010). Diskursivnyye markery v modusnoy organizatsii polya obuslovlennosti v yazykakh raznykh struktur [Discourse markers in modus organisation of the field of conditionality in the languages of different structure]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 1, 186–191.
6. Leyko, I. M. (2013). Pragmaticheskiye osobennosti upotrebleniya chastitsy nu v rechi studentov i starsheklassnikov [Pragmatic specific usage of the particle nu in students speech]. *Uchenyye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Scientific notes of Vitebsk State university], 16 (2), 150–154.
7. Massalina, I. P. (2009). Diskursivnyye markery [Discourse markers]. *Izvestiya KGTU* [The Bulletin of Kaliningrad State Technical university], 15, 211–217.
8. Poladova, G. R. (2017). Modifikatsiya smysla vyskazyvaniy s pomoshch'yu chastitsa, ved', von, vot, da, zhe, nu i ikh ekvivalenty v angliyskom yazyke [Modification of Utterance Meaning with particles and, in fact, there, here, yes, as well and their English equivalents]. *Aktual'nyye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Current issues of philology in the XXI century]. Proc. VI International Scientific Conference of Young Researchers (pp. 141–146). Ekaterinburg : UMTS-UI Press.

9. Tsapro, G. YU. (2012). Gendernye diskursivnye markery (khedzhing WELL) v angloyazychnom interv'yuu [Gender discourse markers (hedging WELL) in English interview]. *Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire* [Scientific discussion: innovations in modern world]. Proc. of VII International Scientific and Practical Conference, December 5, 2012. Part II. (pp. 30–40). Moscow : International Center of Science and Education.
10. Chernysheva, A. Yu., Rahele Ziyai, F. (2014). Imperativnyye konstruktii s modal'nymi chastitsami v perevodakh russkikh tekstov XX veka na persidskiy yazyk [Imperative constructions with modal particles in translation from Russian into Persian]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2 (36), 62–67.
11. Ertsikova, G. A. (2015). K voprosu o mnogoznachnosti chastits vele i nu v mariyskom yazyke [Discussing polysemy of particles vele and nu in the Mari language]. *Problemy mariyskoy i sravnitel'noy filologii* [Issues in the Mari and comparative philology] (pp. 122–130). Yoshkar-Ola : Mari State University.
12. Bauer-Ramazani, Chr. (2018). *Discourse markers in English Sentences*. Retrieved March 24, 2018 from <<http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/>>.
13. Fraser, B. (1996). Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6 (2), 167–190.
14. Lakoff, R. (1972). Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society* (pp. 183–228). Chicago : Univ. of Chicago Press.
15. Lan, le B. (2007). The Multifunctionality of well and you know in the Joint Construction of a Verbal Interaction. In A. Celle (ed.), *Connectives as Discourse Landmarks* (pp. 102–115). Amsterdam, NLD : John Benjamins Publishing Company.
16. Thomas, J. (2013). *Meaning in interaction: an introduction to pragmatics*. London : Routledge.

Illustration material sources

1. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Retrieved February 18, 2019 from <<http://www.ruscorpora.ru/>>.
2. Slovo "Nu" – Lingvoforum [The word «NU» – Lingvoforum]. Retrieved February 18, 2019 from <<https://lingvoforum.net>>.
3. Forum. Real'nyye istorii, voprosy, soveti i obsuzhdeniye [Forum. Real stories, questions, advice and discussions]. Retrieved February 18, 2019 from <<https://woman.rambler.ru/forum/>>.
4. British National Corpus. Retrieved February 18, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/bnc/>> – BNC.
5. Corpus of Contemporary American English. Retrieved February 18, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/coca/>> – CCAE.
6. Leipzig Corpora Collection / Deutscher Wortschatz. Retrieved February 18, 2019 from <<http://wortschatz.uni-leipzig.de/en>>.
7. News on the Web. Retrieved February 18, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/now/>> – NOW Corpus.

УДК 811.512.141'37
UDC 811.512.141'37

Султанова Альфина Шамильевна
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
г. Стерлитамак, Российская Федерация
Sultanova Alfina Shamilyevna,
Sterlitamak branch of the Bashkir State University
Sterlitamak, Russian Federation
bashirova_alfina@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЭТОНИМОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
МУСТАЯ КАРИМА «ДОЛГОЕ-ДОЛГОЕ ДЕТСТВО»
WORD STRUCTURE OF POETONYMS IN MUSTAI KARIM'S
LITERARY WORK «LONG-LONG CHILDHOOD»

Аннотация

Статья посвящена раскрытию структурно-словообразовательного содержания и смысла имён собственных в творчестве Мустая Карима. С использованием методов системного, теоретического и практического анализа были рассмотрены структурно-словообразовательные особенности формирования и развития имён собственных в автобиографической повести М. Карима «Долгое-долгое детство». Научная новизна статьи состоит в том, что впервые предпринята попытка комплексного исследования имён собственных в произведениях М. Карима с учётом структурно-словообразовательных взглядов; выявлена специфика функционирования онимов и их роль в создании художественных образов, а также в отражении основных этапов в развитии башкирского языка. Работа вносит определённый вклад в исследование тенденций развития системы башкирского языка, а также структурно-словообразовательных особенностей поэтической ономастики.

Abstract

The present paper aims to study word structure and meaning of the proper names that appear in Mustai Karim's literary works. In this article, the methods of system, theoretical and practical analysis are used. Based on the analysis of poetonyms, the word-building patterns of proper names in M. Karim's autobiography novel «Long-long childhood» are considered. As far as this issue has never been the focus of linguists' attention, this research is the first attempt of a comprehensive study of proper names used in M. Karim's novel from structural and word-building angles; the specificity of the functioning of onims and their role in the creation of artistic images, as well as in the reflection of the main stages in the development of the Bashkir language, is revealed. The work makes a definite contribution to the study of trends in the development of the Bashkir language system, as well as structural and word-formation features of poetic onomastics.

Ключевые слова: башкирский язык, лексикология, ономастика, поэтическая ономастика, словообразование.

Keywords: the Bashkir language, lexicology, onomastics, poetic onomastics, word-building.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_1_123_144

1. Введение

1.1. Ономастика и её единицы

Пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с именами собственными. Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, животных, различных предметов материальной и духовной культуры. К собственным относятся имена как реально существующих или существовавших людей (*Салават, Айбика*), городов (*Уфа, Москва*), рек и гор (*Сакмара, Торатау*), созвездий (*Орион, Солнце*) и других, так и наименования предметов, созданных фантазией человека – имена богов и демонов, имена персонажей художественной литературы и фольклора и так далее.

Многообразие данных наименований издавна привлекало внимание лингвистов, что стало главной темой многих исследований. Функциональное и языковое своеобразие собственных имён привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания – ономастике (от греч. «*onomastike*» – искусство давать имена [Подольская, 1978]). Ономастика является самостоятельным разделом в языкознании и изучает технику наименования всех языковых единиц.

Когда ономастика выделилась в самостоятельную науку, возросла необходимость её изучения. Ономастика имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, что обусловлено её объектом: имя собственное может быть предметом изучения разных наук – языкознания, литературоведения, истории, географии, астрономии и ряда других наук.

Ономастика исследует имена собственные, историю их происхождения, развития и связь с другими языками. Имена собственные используются для обозначения широкого и разнообразного круга предметов, явлений и понятий. Человек имеет имя, отчество, фамилию, может иметь прозвище, псевдоним. Это – антропонимы (греч. *anthropos* «человек» и *онума* «имя, название»). Географические объекты: реки, моря, горы, низменности, города, села, области, страны, улицы, проспекты, дороги и подобные – топонимы (греч. *topos* «место» и *онума*). Названия объектов космического пространства: звёзд, созвездий, планет, комет, астероидов – космонимы (греч. *kosmos* «мироздание, мир, небесный свод» и *онума*). Собственные названия (клички) животных, чаще всего домашних – собак, лошадей, коров и так далее, составляют разряд зоонимов (греч. *zoon* «животное» и *онума*). Антропонимика, топонимика, космонимика, зоонимика и прочие входят в состав ономастики как её разделы [Подольская, 1978].

Не секрет, что имена собственные обратили на себя внимание уже древнеегипетских, древнегреческих и древнеримских учёных. Как особый класс слов они были выделены стоиками (в частности, философом Хрисиппом), однако и позднее – в эпоху Возрождения, в Новое время (Томас

Гоббс, Джон Локк, Готфрид Вильгельм Лейбниц), в течение всего XIX столетия (Джон Стюарт Милль, Х. Джозеф и др.) – продолжалась дискуссия о них, в ходе которой было высказано немало как однозначных (принимаемых многими учёными), так и совершенно противоположных суждений [Суперанская, 1973, с. 45–91].

Ономастика и поэтическая ономастика русского языка также имеет свою историю. Согласно В. А. Никонову, имена собственные образуют в языке «особую подсистему, в которой и общезыковые нормы преломляются характерно, и возникают свои закономерности, в которых нет в языке вне её» [Никонов, 1974, с. 6].

Созвучны приведённой точки зрения рассуждения А. В. Суперанской о содержательном свойстве имён собственных: «Даже наиболее «чистое» лингвистическое исследование имён не может не выходить за пределы одних лишь языковых возможностей, и лингвисту всё время необходимо иметь в виду внеязыковые ассоциации собственных имён...» [Суперанская, 1970, с. 7].

Ни одна именная категория не формирует в таком количестве противоречивых мнений, как ономастическая единица. Традиционным для трудов по ономастике стало направление на неразрешенность конкретного ряда вопросов, среди которых важно выделить следующее: обозначения содержания имён собственных (В. П. Нерознак, Е. Ф. Данилина, В. А. Никонов, Н. И. Толстой, А. В. Суперанская, В. Д. Бондалетов и др.), их семантических возможностей (Е. М. Галкина-Федорук, Н. Д. Арутюнова, С. Д. Кацнельсон, О. С. Ахманова, А. А. Реформатский, В. П. Руднев, А. Х. Петерсон, А. В. Суперанская, А. А. Уфимцева и др.); связь понятия и онима (А. В. Суперанская, М. В. Горбаневский, А. А. Уфимцева, Е. Курилович, О. И. Фонякова и др.); соотношение интенционала (предметно-понятийного ядра лексического значения) и импликационала (его смысловой периферии – совокупность предметно-образных отношений и связей) в системе роли онима (М. В. Никитин, Р. Карнап, Г. Фреге); рамки ономастической и апеллятивной лексики (В. И. Супрун, Е. С. Кубрякова, С. М. Толстая, А. В. Суперанская, О. И. Фонякова, В. Н. Топоров), структура ономастической макросистемы, иначе – их классификация (Ю. В. Рождественский, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская) (см. анализ этих работ у К. А. Елистратовой [Елистратова, 2015]).

На сегодняшний день ономастика – это разносторонняя, интересная и динамичная научная область. В ономастических трудах можно выделить следующие направления:

- теоретическая ономастика (ономастика, изучающая законы и функции ономастических систем);
- описательная ономастика (ономастика, которая ставит на первый план филологическую обработку материала);
- историческая оценка (ономастика, изучающая отдельные периоды, основываясь на ономастических материалах);
- прикладная ономастика (ономастика, связанная с практическими рекомендациями);

– поэтическая ономастика (ономастика, изучающая имена собственные в литературных произведениях) [Хусаинова, 2014].

1.2. Поэтическая ономастика

Одним из актуальных вопросов изучения ономастической лексики является поэтическая ономастика. Она позволяет посмотреть на особенности ономастических единиц и закономерностей их функционирования в художественном произведении с лингвистического ракурса.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской даётся следующее истолкование единицы поэтической ономастики: «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, поэтоним относится к категории вымышленных имён, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [Карпенко, 1970, с. 11].

Для обозначения объекта поэтической ономастики русского языка в разное время выдвигались следующие термины: «литературный оним» [Фонякова, 1990], «поэтическое имя» [Подольская, 1978, 1988], «фиктоним» [Суперанская, 1973], «поэтоним» [Калинкин, 2008 ; Подольская, 1978, 1988]. В данной работе мы придерживаемся позиции исследователя В. М. Калинкина, согласно которому «поэтоним обозначает не реальный, а существующий в сознании автора и воспринимающийся читателем художественный образ человека или объектов, обладающий коннотациями и служащий выражению авторской оценки, реализации художественного замысла писателя» [Калинкин, 2008, с. 97]. В нашем исследовании термин «поэтоним» предполагает под собой любое имя собственное в художественном произведении. При этом предметом поэтической ономастики русского языка являются не имена собственные как таковые, а их специфическая трансформация – поэтонимы, другими словами мы говорим исключительно об именах в литературных текстах, в художественной речи, а не в языке.

Академик В. В. Виноградов выделял, что «вопрос о подборе имён, фамилий, прозвищ в художественной литературе русского языка, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и др. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики литературы» [Виноградов, 1963, с. 38].

Ведущий советский ониматолог А. В. Суперанская в своей основополагающей монографии «Общая теория имени собственного» (1973) утверждает, что «... в произведениях используются социальные имена в данную эпоху; употребление имён зависит от жанра произведения; имя является важнейшим маркером авторской оценки, своеобразным смысловым ядром образа» [Суперанская, 1973, с. 30].

80–90-е годы можно назвать временем расцвета поэтической ономастики русского языка. Публикуются исследования Ю. А. Карпенко «Имя

собственное в художественной литературе» [Карпенко, 1986], А. Б. Пеньковского «Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира» [Пеньковский, 1988] и многие другие.

Докторскую диссертацию в форме научного доклада В. И. Супруна «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» и одноимённую монографию, изданную в этом же году [Супрун, 2000], можно считать итогом исследований 90-х годов. В данном труде автор выделяет ядерно-полевую структуру поэтической ономастики русского языка и её функции.

Ведущим отечественным специалистом в области поэтической ономастики можно считать Г. Ф. Ковалёва, многочисленные труды которого, начиная с 1974 года, посвящены различным аспектам изучения онимов, включая словообразовательный (см., напр., [Ковалев, 2007, 2014, 2017] и многие др. с указанного года).

1.3. Поэтическая ономастика тюркских языков

Поэтонимы тюркских языков – неотъемлемая составляющая их лексических пластов, которая исследуется наукой в разных аспектах. «В лексике любого языка отражается материальная и духовная культура, общественные отношения, традиции, обычаи, религиозные и мировоззренческие представления народа. В поэтической антропонимике тюркского народа подобные представления отражены наиболее ярко...» [Сувандии, 2004, с. 3].

Поэтическая ономастика тюркологии практически не изучалась до 40-х годов прошлого столетия, однако некоторые принципы привлекали внимание лингвистов ещё в средние века. В исследованиях теоретиков раннего средневековья (Аль Фараби (IX в.), Аль-Бируни (X–XI вв.)), средневековья (Мирза Мухаммед Риза Калхур (XVI в.), Захир-ад-дин Мухаммад Бабур (XV–XVI вв.), Абу-л-Гази-хан (XVI в.) и др.) имеются многочисленные материалы по поэтической топонимии, поэтической антропонимии, поэтической этнонимии, поэтической космонимии, поэтической астронимии тюркоязычных народов.

Самым древним памятником тюркских народов считается орхон-енисейская письменность (V–VIII вв.). Памятники данной письменности издавна интересовали исследователей всего света как с исторических, так и с лингвистических позиций. В данном фундаментальном достижении тюркского народа предложены масштабные сведения по ономастической лексике, в том числе и по поэтической ономастике тюркских языков. Всестороннее и полноценное исследование поэтической ономастики тюркских языков определённого периода представляет собой одну из главных вопросов и является общей проблемой ономатологов-тюркологов. Такие исследователи как В. В. Радлов, С. Е. Малов, И. А. Батманов, В. В. Бартольд, Л. Н. Гумилев и другие разобрали и перевели тексты, изучили лексический состав памятников, грамматическую структуру и синтаксические конструкции предложений.

В конце XIX – начале XX вв. такие учёные, как А. Н. Самойлович, В. А. Гордлевский, Н. Ф. Катанов, В. К. Магницкий, В. В. Радлов и другие впервые изучили ономастику, в том числе и поэтическую ономастику тюркских языков.

А. Г. Шайхулов изучал татарские и башкирские поэтонимы тюркского происхождения. Исследователь подчеркнул главные пласты в системе имён собственных художественных произведений татар и башкир, также обозначил наименования тюркского происхождения, разделил поэтические антропонимы тюркского происхождения по лексико-семантическим группам и дал их структурно-грамматическое описание.

Узбекскую поэтическую антропонию изучал Э. А. Бегматов. В своём труде он изучил формулу имён собственных узбеков, а также происхождение и формирование узбекских фамилий и отчеств. Э. А. Бегматов провёл лексико-семантическую классификацию узбекских поэтических антропонимов и провёл анализ их морфологических принципов.

Поэтическую антропонию азербайджанского языка изучал З. А. Садыхов. Исследователь описал историческое формирование имён собственных азербайджанского языка, определил главные причины развития поэтической антропонию азербайджанского языка, начиная с древнетюркской эпохи. Особо исследуются поэтические антропонимы огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута». З. А. Садыхов также выделил целый пласт азербайджанских религиозных имён арабского происхождения, изучил дополнительные виды имён собственных – прозвища, отчества, фамилии и псевдонимы в художественном произведении.

Казахскую поэтическую антропонию исследовал Т. Ж. Жанузаков. Автор выделял социально-бытовые мотивы имяназвания у казахов, структуру и семантику лично-собственных имён казахского языка. В татарском языке нужно отметить Г. Ф. Сатгарова, который проанализировал антропонию, в том числе и поэтическую антропонию Татарской АССР в структурно-семантическом, социо- и этнолингвистическом аспектах. Х. Ф. Исхакова проанализировала грамматику татарских и русских поэтонимов. Поэтическая ономастика тюркских народов Сибири также исследовались целым рядом учёных.

Структуру и семантику якутских имён собственных, в том числе и поэтическую, изучали Е. И. Убрятова, Е. А. Шмакова. Профессор Х. Ч. Алишина исследовала поэтическую антропонию сибирских татар с историко-лингвистической стороны. Ономастические исследования выполнены на основе южносибирских тюркских языков. Н. Д. Сувандии изучал тувинскую поэтическую антропонию в структурно-семантическом и диахроническом плане. Э. Ф. Чиспиякова рассматривала структуру шорских фамилий и историю шорских родов. В. Я. Бутанаев обозначил процесс имяназвания у хакасов и изучил его мотивы. Автор проанализировал лексико-семантические группы хакаской поэтической антропонию. О. Т. Молчанова, А. Т. Тыбыкова, Н. И. Шатинова и другие выделяли алтайские поэтонимы.

Антропонию, в том числе и поэтической антропонию древних и средневековых памятников тюркской письменности занимались В. У. Мах-

пиров, Г. Ф. Благова и другие. В. У. Махпиров исследовал поэтические антропонимы в таких особых памятниках тюркской письменности XI века, как «Диван лугат ат-турк» и «Кутадгу билиг». Автор изучил многочисленный пласт арабо-иранских поэтонимов, которые вошли в тюркскую антропонию с исламом, но отметил, что «наиболее широко в тех памятниках представлены имена исконно тюркского происхождения» [Махпиров, 1979]. Г. Ф. Благова восстановила больше 90 поэтических антропонимических единиц – реальных односоставных имён собственных и компонентов сложносоставных имён, образующих пратюркский «костяк», который сохранён в современных поэтических антропонимических системах тюркских языков [Благова, 1997]. В монографии В. У. Махпирова и коллективном томе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» в разделе Г. Ф. Благовой «Антропонимика» в наиболее готовом и систематизированном виде исследована древнетюркская антропонимика, в том числе и поэтическая антропонимика тюркских языков [Сравнительно-историческая ..., 1997, с. 619–723].

1.4. Поэтическая ономастика башкирского языка

Развитие ономастики башкирского языка как самостоятельного направления науки приходится на 50–70-е годы XX века. В данную эпоху башкирские учёные-лингвисты Т. М. Гарипов, Дж. Г. Киекбаев, З. Г. Ураксин, А. А. Камалов, Р. З. Шакуров, Ф. Г. Хисамитдинова, Т. Х. Кусимова, М. Г. Усманова, Г. Х. Бухарова и другие внесли определённый вклад в развитие ономастики башкирского языка (анализ их работ см. [Сулейманова, Шакуров, 2019]).

Поэтическая ономастика башкирского языка представляет собой значительный пласт башкирской лексикологии и имеет собственные специфические особенности. Данной проблеме посвящены отдельные статьи и глава в монографии «Башкирская ономастика: микротопонимия, поэтическая ономастика» Л. М. Хусаиновой. В последней главе данной монографии была изучена поэтическая ономастика драм М. Бурангулова, М. Карима, З. Биитшевой, произведений Н. Мусина, А. Утябая. Также были проанализированы поэтонимы, использованные в стихотворениях М. Акмуллы.

В VII веке начинают появляться первые письменные источники башкирского языка. В 842–845 гг. арабский купец и путешественник Салламат-Тарджуман во время путешествия по северному Каспию встречает башкирские племена. Они были расположены недалеко от устья реки Волги. Он одним из первых предоставил данные о расселении башкир.

В 921–922 гг. арабский путешественник и писатель Ахмад ибн Фадлан во время путешествия по Волжской Булгарии проходит через башкирские земли. В данный период были обозначены некоторые башкирские реки (*Уил, Яик, Ирхиз (Иргиз), Самур (Сакмара)*) и другие.

В XI веке выдающийся тюркский филолог и лексикограф Махмуд ал-Кашгари в «Словаре тюркских языков» («Диван лугат ат-турк») отмечает,

что башкирский народ произошёл на севере, восточнее от суваров, примерно между реками *Агидель, Яик и Иртыш*.

Арабский географ Мухаммад аль-Идриси в своей работе «Развлечение страстно желающего странствовать по землям (Нузхат ал Муштак)» выделяет «внутренний» и «внешний» Башкортостан. В XIII веке мусульманский учёный, писатель Якут аль-Хамави отмечает город Боржан в нижнем течении реки Волги, а Уральские горы называет башкирскими горами.

Также выходят значимые исследования «Шежере рода айле» и рукопись «Таварих-и Булгария» известного башкирского писателя и учёного Таджетдина Ялчыгула (1767–1838). В начале XVII века составляется общая карта России и прилегающих к нему земель. Однако эта карта теряется, остаются лишь некоторые подробные записи. Несмотря на это, данные материалы используют не только географы и историки, но и языковеды.

В 1936–1960 гг. выходят «Материалы по истории Башкирской АССР». В его состав вошли названия сотен деревень, городов, гор, рек и мелких физико-географических объектов, информация, которая касается башкирских деревень.

В данном научном развитии важна деятельность таких языковедов и диалектологов как, Т. Г. Баишев, Н. Х. Максютлова, Н. Х. Ишбулатов, З. Г. Ураксин, Н. Д. Гарипова, Т. М. Гарипов, Э. Ф. Ишбердин, Ф. Г. Хисамитдинова и других.

Башкирские шежере являются важным источником при исследовании топонимов. Например, в сборнике «Башкирские шежере» собрано около двухсот наименований, связанных с событиями XI–XIX вв. В указанном сборнике даётся информация о древнем Кыпчакском ханстве, о её столице Сардак, о роде юрматы, проживающих на побережье рек Зай, Чишма и также о многих других племенах. Некоторые примеры топонимов из сборника: Ашкадар, Чишма // Сишма, Олуг Идель // Ак Идель, Торатау, Шакетау, Куштау и другие [Шакуров, 1986, с. 13].

Профессор Дж. Киекбаев является основоположником башкирской топонимии и его главных принципов. В своём труде «Вопросы башкирской топонимии» автор связывает названия башкирских деревень с историей народа и изучает их в этнолингвистическом плане.

Со второй половины XX века появились работы, посвящённые вопросам классификации и изучению топонимов. Впервые названия Уральских гор и реки Яик были зафиксированы К. Птолемеом и Страбоном. Г. Бессонов в своём труде «О значении названий татарских и башкирских селений Приуралья» (1880) проводит ряд анализов топонимов башкирского языка. Большое значение в развитии топонимики получили исследования Ф. Г. Хисамитдиновой, Г. Х. Бухаровой, М. Г. Усмановой, Р. Шакура и других. Изучение отдельных проблем топонимики было осуществлено Т. Г. Баишевым, К. Г. Ишбаевым, Н. Х. Максютовой, Н. А. Ласыновой, Р. Г. Кузеевым, Т. М. Гариповым, Р. Я. Халитовым, Н. А. Мажитовым, Г. Е. Корниловым, З. Ф. Шайхисламовой, Л. М. Хусаиновой и другими. Топонимы башкирского языка описываются также в трудах А. М. Малолетко, А. С. Кривощёковой-Гантман, А. К. Матвеева, Г. Ф. Саттарова,

С. М. Стрельникова, К. М. Мусаева, Н. И. Шувалова и других (анализ этих работ см. [Сулейманова, 2019]).

Антропонимика башкирского языка, в том числе и поэтическая, начинает развиваться с 60-х гг. XX в. Ценный вклад в поэтическую антропонику внесли исследования Т. Х. Кусимовой, С. Х. Тулеева, З. Г. Ураксина, А. Г. Шайхулова, Р. Шакура и других. Также отдельные вопросы отражены в трудах А. Н. Антышева, Ю. Гареев, К. З. Закирьянова, З. М. Раемгужиной, Р. А. Сулеймановой, Ф. Г. Хисамитдиновой и других. В процессе исследований антропонимов башкирского языка решаются проблемы семантики имён; выявляются их происхождение, национальные и культурные компоненты; осуществляется их фонетический, морфологический и словообразовательный анализ и так далее [Сулейманова, 2019].

Изучение функций поэтических онимов даёт дополнительные возможности в раскрытии основной идеи, глубоких смысловых пластов произведения. Кроме того, в языке художественной литературы бывшее нарицательное значение имени может быть элементом его характеристики [Зиннатуллина, 2012].

Далее мы рассмотрим структурно-словообразовательные аспекты поэтической ономастики. Обобщающих исследований по данной теме ещё немного, поскольку поэтическая ономастика – это молодая, недавно утвердившая себя отрасль лингвистики, что и определяет актуальность данной работы. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в нём впервые предпринята попытка комплексного исследования имён собственных в произведении М. Карима «Долгое-долгое детство» с учётом структурно-словообразовательных взглядов.

Словообразование башкирского языка, как и многих тюркских языков привлекает внимание многих учёных и является актуальной проблемой для исследования. Известным учёным в области башкирского словообразования является профессор К. Г. Ишбаев. Его фундаментальные труды являются неотъемлемой частью формирования и развития башкирского словообразования в целом. По классификации К. Г. Ишбаева в башкирском языкознании можно выделить следующие способы словообразования: 1) лексический; 2) лексико-семантический; 3) фонологический; 4) морфематический; 5) аббревиация; 6) лексико-грамматический; 7) лексико-синтаксический [Ишбаев, 2013, с. 35].

Наиболее подробно рассмотрим один из видов башкирского словообразования – морфематический, который представлен несколькими способами: а) сложением словообразовательной корневой морфемы и аффиксов (словообразовательных компонентов); б) сложением нескольких словообразовательных корневых морфем; в) сложением словообразовательных повторяющихся корневых морфем. Данный тип словообразования активно используется в агглютинативных и флективных языках. Однако, во многих трудах учёных вышеуказанный способ словообразования именуется как морфологическое словообразование. В данном случае мы склонны согласиться с утверждениями профессоров В. Н. Немченко и К. Г. Ишбаева, что правильный вариант наименования – морфематическое словообразование.

Доказательством служит то, что мы имеем дело не только с определёнными частями речи, их морфологическими процессами и категориями, но и с морфематическими единицами (корень, основа, аффикс), которые используются при образовании новых слов [Немченко, 1984, с. 120; Ишбаев, 1994, с. 79].

2. Структура поэтонимов Мустая Карима

Экспериментальная часть настоящего исследования посвящена структурно-словообразовательным особенностям поэтонимов в автобиографическом произведении народного поэта Башкортостана Мустая Карима «Долгое-долгое детство». Поэтические онимы данного произведения обладают теми же языковыми особенностями, что и онимы в общем языкознании. Характерной чертой поэтонимов произведения Мустая Карима «Долгое-долгое детство» является применение словообразовательных аффиксов.

Кроме этого, был рассмотрен компонентный состав указанных поэтонимов. В составе поэтической ономастики данного произведения по структуре можно выделить одно-, дву- и трехкомпонентные поэтонимы. Следует отметить, что в произведении М. Карима «Долгое-долгое детство» широко используются однокомпонентные (*Амин*, *Курбан*), двухкомпонентные поэтонимы (*Исан+гул*, *Тимер+бай* и т. п.) и трехкомпонентные поэтонимы (*Кашаф+ет+дин*, *Таж+ет+дин* и т. п.).

Структурное словообразование башкирского языка выделяется в три масштабные группы: корневую, словообразовательную и составную. В произведении Мустая Карима «Долгое-долгое детство» можно найти все эти виды поэтических онимов. В повести события происходят в одной из башкирских деревень, из этого следует, что в произведении преобладают мусульманские поэтонимы. Анализ словаря Т. Х. Кусимовой и С. А. Биккуловой «Башкирские имена» показывает, что поэтические онимы произведения М. Карима «Долгое-долгое детство» в основном арабского и башкирского происхождения.

Анализ лингвистического материала в исследуемом произведении выявил двукратное преобладание мужских поэтонимов: всего было зафиксировано 67 мужских поэтонимов и 33 женских. Корпус примеров в нашей работе составили именно мужские поэтические онимы. Ниже подробно рассмотрим их словообразовательную структуру и особенности контекстного употребления.

Первую группу примеров составили поэтические онимы, представленные только корневой морфемой:

– *Агзам* ар. 'великий, почётный' (*Әгзам ултырып кына иламань* – Агзам чуть не заплакал [Карим, 2014, с. 133]);

– *Аглям* ар. 'образованный; большой учёный' (*Тагы бер-ике малай, Ташбулат карт менән Әгләм тимерсенен өйөн атап, бәхет һынап караны* – Ещё два-три мальчика пытали счастье, называя дом старика Ташбулата и кузнеца Агляма [Карим, 2014, с. 29]);

– *Амин* ар. – 'спокойный, мирный; верный' (*Түбән урамда уттай эш өстөндә урманга емеш-еләк йыйырға йөрөй торган Әмин* бар – На нижней улице живет Амин, который любит собирать ягоды во время разгара рабочего дня [Карим, 2014, с. 81]);

– *Анвар* ар. – 'лучистый; самый светлый' (*Уны ап-ак ондан бешерәләр, – тип аныкланы Ак Йомагол Әнүәре* – Его готовят из белой муки, – пояснил сын Белого Кадиргула Анвар [Карим, 2014, с. 72]);

– *Асгат* ар. – 'самый счастливый' (*Тик бер Әсгат кенә ташламаны* – Только один Асгат не оставил нас [Карим, 2014, с. 24]);

– *Ахмар* ар. – 'красный, красивый' (*Хыт ас, хыт кич, иң дөрөсөн үзем әйтәм: самай, самай бейеге – Базар урамындагы Әхмар* мулланың ызмаһы – Хоть убейте, все равно скажу вам правду: самая-самая большая зимовка у муллы Ахмара, который живёт на улице Базар [Карим, 2014, с. 29]);

– *Габбас* ар. – 'суровый, воинственный' (*Тиле Ғәббәсте ирештергән шикелле, Микәйзе бала-саға үсекләмәй, артынан таи ырғытып та калмай* – В отличии от глупого Габбаса Муртазу дети не обзывают, камни ему в след не кидают [Карим, 2014, с. 120]);

– *Галлям* ар. – 'учёный, очень много знающий' (*Хәлле генә көн иткән Ғәлләм карт уртансы улын – йомок Хәмзәне шулай баишлы-күзле яһаны* – Старик Галлям, который жил не бедно обустроил своего второго замкнутого сына Хусаина [Карим, 2014, с. 158]);

– *Ибрай* ар. – сокращённая форма имени *Ибрагим* (*Арабызза иң көслөһө Шәһизулла үзе «Рәсәй»зе алды, унан кала тыңкыи Валетдин «Америка», Искәндәр Ибрайы «Япония» булды, бүтәндәргә «Англия», «Франция», «Австрия», «Төркия», «Германия», «Кавказ» эләкте – Самый сильный среди нас Шайхулла взял «Россию», Валитдин «Америку», сын Искандара Ибрай «Японию», а остальным достались «Англия», «Франция», «Австрия», «Турция», «Германия» и «Кавказ» [Карим, 2014, с. 27]);*

– *Ибрагим* ар. – 'отец народов' (*Минән һуң Хәмитийән, уның артынса ук Шәйхаттар, Ибраһим менән Әсгат, Хөсәйен Мөхәррәме, Ак Йомагол Әнүәре, тагы ла бүтәндәр килде* – После меня пришёл Хамитьян, следом пришли Шайхулла, Ибрагим, Асгат, сын Хусаина Мухаррям, сын Белого Кадиргула Анвар и другие [Карим, 2014, с. 70]);

– *Ильяс* ар. – 'крепкий, непобедимый' (*Улар араһында мин дә, минең кесе тугандарым Сәлисә менән Ильяс та бар* – Среди них был я и мои родные: брат Ильяс и сестра Салиса [Карим, 2014, с. 10]);

– *Исмагил* ар. – 'желанный' (*Кәзергол карттың койроғона Козгон кушаматлы Исмагилдең койроғо килеп тоташа тиерлек* – К хвосту старика Кадиргула присоединяется хвост Исмагила по прозвищу Ворон [Карим, 2014, с. 61]);

– *Исхак* ар. – 'смех' (*Исхакты кыумайзар за, түргә лә сакырмайзар* – Исхака и не прогоняют, и на почетное место не приглашают [Карим, 2014, с. 178]);

– *Кусим* баш. – 'кочевать' (отражает кочевой образ жизни башкир) (*Безең Күсем козаның якын ғына козаһы ошо мәсеттә йыл әйләнәһенә мейес яга... – тине Валетдин этенә-төртөнә* – Близкий сват нашего свата

Кусима целый год топит печь в этой мечети... – толкаясь сказал Валитдин [Карим, 2014, с. 89]);

– *Курбан* ар. – 1) 'жертва, жертвоприношение'; 2) 'рождённый во время религиозного праздника курбан' (*Курбан* мулла *әйтә*: «*Аш – ашка, урыны башка*», – *ти* – Как говорит мулла Курбан: «Во время обеда нельзя другими делами заниматься» [Карим, 2014, с. 80]);

– *Каип* ар. – 'вина, провинность, проступок' (*Беззән кыйгасырак урам аша Кәйүп ағайзар тора* – Через дорогу живёт брат Каип [Карим, 2014, с. 164]);

– *Мансур* ар. – 'победитель' (*Ана, беззең үрге күрше Мансур кызы Гөлбостан үзе генә лә ни тора!* – Вон какая красавица дочь нашего соседа Мансура Гульбустан! [Карим, 2014, с. 159]);

– *Музафар* ар. – 'победитель, достигающий цели' (*Уның агаһы Мозафар әле булһа танауын һөртә белмәй, апаһы Йәмлегәлдөң гел генә сабата бауы сиселгән булыр* – Его брат Музафар всё ещё не желает быть опрятным, а у сестры Ямлегуль всегда на лаптях верёвки не завязаны [Карим, 2014, с. 76]);

– *Муртаза* ар. – 'избранный, хороший' (*Калага он һатырға барған еренән байрам бүләге тип уларзы Муртаза ағайым алып кайтты* – Их привёз мой брат Муртаза, когда в городе продавал муку [Карим, 2014, с. 25]);

– *Мусафир* ар. – 'путник, странник, путешественник; прохожий' (*Мосафир төкөрөнгәс тә, бер-ике тапкыр тартышып куйзы* – И даже после этого Мусафир несколько раз попытался вырваться [Карим, 2014, с. 138]);

– *Мухаррам* ар. 'название первого месяца Лунного календаря Хиджри; родился в месяце Мухаррам' (*Минән һуң Хәмитйән, уның артынса ук Шәйхаттар, Ибраһим менән Әсгәт, Хөсәйен Мөхәррәме, Ак Йомагол Әнүәре, тагы ла бүтәндәр килде* – После меня пришёл Хамитьян, следом пришли Шайхулла, Ибрагим, Асгат, сын Хусаина Мухаррам, сын Белого Кадиргула Анвар и другие [Карим, 2014, с. 70]);

– *Мухтар* ар. 'избранный, избранник' (*Ете тин бакыр акса, дүрт мылтык гильзаһы, ике булавка, Мөхтәр езнәм биргән һөйәк һаплы бәке, бихисап кап шырпы әлегеге көндә Шәйхаттарзың комагай кесәһендә тотконлокта ята* – Семь медных копеек, четыре гильзы ружья, две булавки, складной ножик с костяной рукояткой, который мне подарил зять Мухтар, многочисленные коробки из-под спичек в настоящее время находятся в плену семьи ненасытного Шайхуллы [Карим, 2014, с. 117]);

– *Муса* ар. от имени пророка Моисея 'вытащенный из воды; дитя' (*Хатта Муса мулла ер һөрә, иген сәсә, ә ул сәсмәй* – Даже мулла Муса землю пашет, зерна сеет, а он не хочет [Карим, 2014, с. 135]);

– *Махмут* ар. 'хвалимый, прославленный' (*Оло инәйемде укытыусы Мәхмүт аяк үрә басып каршы алды* – Учитель Махмут стоя поприветствовал мою Старшую маму [Карим, 2014, с. 102]);

– *Насип* ар. 'судьба, участь' (*Урманга какыга барһак, әлегә Насип алга сыга*: «*Беренсе какыны мин өзәйем инде, малайзар, минең кулым котло, һезгә лә игелеге тейер*», *ти* – Когда идём в лес за свербигой Насип,

выйдя немного вперёд, всегда говорит: «Давайте первую свербигу первым я попробую, у меня благодатные руки и вам повезёт» [Карим, 2014, с. 71]);

– *Рамазан* ар. название 9-го месяца Лунного календаря Хиджри (такое имя давалось мальчикам, родившимся в этом месяце) (*Рамазандың тауышы күптән тынды, ә һүзе менән моңо күңелдә тороп калды* – Голос Рамазана давно затих, но слова и мелодия остались в душе [Карим, 2014, с. 63]);

– *Сафуан* ар. 'чистота, непорочность; выдержанный' (*Ул лавкала Күркә Мәүлетбай менән Әтәс Сафуан ағай һатыу итә* – В этой лавке продают Индюк Мавлитбай и Петух Сафуан [Карим, 2014, с. 118]);

– *Салих* ар. – 'хороший, благородный; добрый, благочестивый' (*Сәлихе лә ағаһынан калышмай, кушқас та эшләй* – Салих не отстаёт от своего брата, сказали – делает [Карим, 2014, с. 96]);

– *Тагир* ар. – 'чистый, непорочный, невинный' (*Бик каты гишык тошкандар, ти, Таһир менән Зөһрә кеүек...* – Сильно любили друг друга, как Тагир и Зухра... [Карим, 2014, с. 166]);

– *Талип* ар. – 'идущий, ищущий; студент, ученик' (*Йомро Талиптың шыттыра торған ғәзәте барын бар за ул, – тине Шәһизулла, һүзгә яңы кушылып, – әммә калала калас байрамы булыу за ихтимал* – У Большого Талипа есть привычка обманывать, – сказал Шайхулла, – но в городе и вправду может проходить праздник калачей [Карим, 2014, с. 72]);

– *Хусаин* ар. – 'хороший; красивый' (*Минән һуң Хәмитйән, уның артынса ук Шәйхаттар, Ибраһим менән Әсгәт, Хөсәйен Мөхәррәмә, Ак Йомагол Әнүәре, тағы ла бүтәндәр килде* – После меня пришёл Хамитьян, следом пришли Шайхулла, Ибрагим, Асгат, сын Хусаина Мухаррям, сын Белого Кадиргула Анвар и другие [Карим, 2014, с. 70]);

– *Шайхи* ар. – 'учитель, наставник; духовный руководитель; учёный' (*Әсгәт, ә, Әсгәт, – тим мин ойоп ултырған дусыма, – ә бит уйлап караһаң, Шәйхи үз гүренә түгел, ағаһының гүренә ингән* – Асгат, а, Асгат, – говорю я своему засыпающему другу, – а если подумать, Шайхи ведь не в свою могилу лёг, а в могилу отца [Карим, 2014, с. 63–64]);

– *Якуп* ар. – 1) 'упорный, оказывающий сопротивление'; 2) 'хитрый'; 3) 'один из близнецов' (*Ағайымдар Кара Якуптан, кунакка сакырып, парат ебәргән* – Мои братья отправили пару лошадей, чтобы пригласить Чёрного Якупа в гости [Карим, 2014, с. 119]);

– *Ямал* ар. – 'красивый, красота' (*Арабызза иң кыйыу ысәпләнгән Ямал кәңәш бирзе: – Ниңә кал! Тотоп ашамас әле* – Самый смелый среди нас Ямал дал совет: – Оставайся! Никто там тебя не съест [Карим, 2014, с. 281]).

Во в т о р у ю группу были помещены поэтические онимы, состоящие из корневой морфемы и словообразовательных компонентов. Во-первых, это словообразовательные поэтические онимы, состоящие из корневой морфемы и словообразовательного компонента *гул* ('раб; помощник; друг' – компонент мужских имён):

– *Исянгул* баш. – *исян* 'живой, здоровый' + *гул* (*Атайым Исәнгол хажизан калған комарткы ине...* – Мой отец был потомком Исянгул хаджи...) [Карим, 2014, с. 137]);

– *Кадиргул* ар., баш. – *кадир* 'дорогой, почтенный' + *гул* (*Казергол карттың койроғона Козгон кушаматлы Исмағилдең койроғо килеп тоташа тиерлек* – К хвосту старика Кадиргула присоединяется хвост Исмагила по прозвищу Ворон [Карим, 2014, с. 61]).

Во-вторых, это словообразовательные поэтические онимы, состоящие из корневой морфемы и словообразовательного компонента *дар* (аффикс обладания):

– *Зигандар* перс. – *зиган* 'жизнь, вселенная, космос' + *дар* (*Тыңкыш Вәлетдин, бисәһе кулынан алып, кескәй генә малайын һауаға сөйзә: – Улым Йыһандар менән!..* – Гнусавый Валитдин, взяв из рук своей жены маленького сына, подбросил его: – С сыном Зигандаром!.. [Карим, 2014, с. 204]);

– *Искандар* ар. – *искан* 'смелый, бесстрашный, покровитель' + *дар* (*Арабызза иң көслөһө Шәһизулла үзе «Рәсәй»зе алды, унан кала тыңкыш Вәлетдин «Америка», Искәндәр Ибраһы «Япония» булды, бүтәндәргә «Англия», «Франция», «Австрия», «Төркия», «Германия», «Кавказ» эләкте – Самый сильный среди нас Шайхулла взял «Россию», Валитдин «Америку», сын Искандара Ибраһы «Японию», а остальным достались «Англия», «Франция», «Австрия», «Турция», «Германия» и «Кавказ» [Карим, 2014, с. 27]).*

В т р е т ь ю группу были включены поэтические онимы, состоящие из двух или более корневых морфем (составные). Во-первых, это составные поэтические онимы, состоящие из двух или более корневых морфем, одна из которых *улла* 'бог, всевышний' или *мулла* 'образованный человек, господин, хозяин'. Примеры довольно многочисленны:

– *Абдулла* ар. – *абд* 'вечный, бесконечный; раб, слуга бога' + *улла* (*Буран Абдулла Шәрифәһе тегеп биргән зәңгәр күлдәк – кыйык ягалы сатин күлдәк ул* – Синее платье, которая сшила жена Бурана Абдуллы Шарифа – это то сатиновое платье с косым воротником [Карим, 2014, с. 26]);

– *Калимулла* ар. – *кали* 'слово; красноречивый' + *мулла* (*Калимулла баштан-аяк кәрәсингә койондо* – Калимулла с ног до головы облился керосином [Карим, 2014, с. 198]);

– *Кашфулла* ар. – *кашфи* 'изобретённый, открытый; находка' + *улла* 'бог, всевышний' (*Ана, каршыла ғына Шәһизулланың атаһы Кәшфулла ағайзың бер якка янтая төшкән* – Вон, напротив находится дом с соломенной крышей, которая подкашивается в одну сторону отца Шайхуллы Кашфуллы [Карим, 2014, с. 30]);

– *Миннулла* баш. – *минли* 'мальчик с родинкой' + *улла* (*Сокор аръягы Миңнуллаларға ирле-катынлы яңы баяр килде* – К Сокор Миннулле приехала новая семья баяров [Карим, 2014, с. 153]);

– *Сайфулла* ар. – *сайфи* 'имеющий меч' + *улла* (*Соландагы кумтала безең тракторзың аскыстары ята, – тип шыбырлай ул еңгәмдең колагына, – шуларзы иртәгә үк Сәйфуллаға илтеп тапшыр...* – В чулане в коробке лежат ключи от нашего трактора, – прошептал он на ушко снохи, – завтра же отнеси их Сайфулле... [Карим, 2014, с. 203]);

– *Хабибулла* ар. – *хабиб* 'любимый друг; спутник жизни' + *улла* (*Хәбибулла менән Хисбуллаға берәр кәләм эләкте* – Хабибулле и Хисматулле достались по одному карандашу [Карим, 2014, с. 246]);

– *Хажимулла* ар. – *хаж* 'паломник' + *мулла* (*Былыр минең Муртаза ағайым, унан әүлге йылды Корбангәле Хәжимуллаһы ана шулай итә торғайны* – В прошлом году мой брат Муртаза, до этого сын Курбангали Хажимулла так делали [Карим, 2014, с. 158]);

– *Хисматулла* ар. – *хисмат* 'вежливый, благовоспитанный, благонравный; твердое решение' + *улла* (*Отһаң, билемдәге кайышты сисеп бирәм, – тине безең ерән мыйыклы Хисмәтулла козабыз* – Если победишь, отдам тебе свой ремень, – сказал наш сват с рыжими усами Хисматулла [Карим, 2014, с. 179]);

– *Шайхулла* ар. – *шайхи* 'учитель, наставник; духовный руководитель; учёный' + *улла* (*Кашафетдин менән Шәйхулла исемле ағалы-энеле ике кеше Лекаревка тигән рус ауылы янында Дим аша күпер һалып ята икән* – Оказывается два брата Кашафетдин и Шайхулла около русской деревни Лекаревка прокладывают мост через реку Дим [Карим, 2014, с. 63]);

– *Ярулла* ар. – *яр* 'друг, товарищ' + *улла* (*Ярулла, арык тубыктарын сәнсеп, шым ғына ултыра* – Вонзив свои тощие колени, на земле тихо сидел Ярулла [Карим, 2014, с. 115]).

Во-вторых, это составной поэтический оним из двух или более корневых морфем, одна из которых *дин* 'вера, религия':

– *Валитдин* ар. – *валит* 1) 'ребёнок, дитя, мальчик'; 2) 'родитель, потомок' + *дин* (*Тыңкыш Вәлетдин, бисәһе кулынан алып, кескәй генә малайын һауага сөйзә: – Улым Йыһандар менән!..* – Гнусавый Валитдин, взяв из рук своей жены маленького сына, подбросил его: – С сыном Зигандаром!.. [Карим, 2014, с. 204]).

Далее были отмечены составные поэтические онимы из двух или более корневых морфем, одна из которых *бай* 'богатый; хозяин; мужчина, муж':

– *Мавлитбай* ар., баш. – *мавлит* 1) 'место рождения, родная страна'; 2) 'день рождения'; 3) 'рождество, праздник; день рождения пророка Мухаммеда' + *бай* (*Ул лавкала Күркә Мәүлетбай менән Этәс Сафуан ағай һатыу итә* – В этой лавке продают Индюк Мавлитбай и Петух Сафуан [Карим, 2014, с. 118]);

– *Тимирбай* баш. – *тимир* 'железо, железный' + *бай* (*Тимербай тәүге тустакты һоҗоп бирзе* – Тимирбай первую миску отдал мне [Карим, 2014, с. 181]).

Встретились составные поэтические онимы из двух или более корневых морфем, одна из которых *мурат* 'желание, цель':

– *Шатмурат* баш., ар. – *шат* 'радость' + *мурат* (*Илак Шатмураттың илаклығы бөткәндер инде* – Плаксивость Шатмурата наверно утихла [Карим, 2014, с. 244]);

– *Шагимурат* ар. – *шаги* 'самый лучший' + *мурат* (*Әсе телле, уңган Сәлимәнең ире Шаһиморат буйға бәләкәй, йәнәһе* – Муж прямолинейной, трудолюбивой Салимы Шагимурат невысок ростом [Карим, 2014, с. 135]).

Отмечены составные поэтические онимы из двух или более корневых морфем, одна из которых *бирди* 'дал':

– *Ишбирди* баш. – *иш* 'друг, товарищ' + *бирди* (*Эй, Ишбирзе, ана козаларың килгән! – «Ишбирзе» тигәне анау мөйөштә яткан кеше булып*

сыкты – Эй, Ишбирди, вон твои сваты приехали! – «Ишбирди» оказался тем человеком, который лежал в углу [Карим, 2014, с. 89]);

– Янбирди баш. – ян 'душа' + бирди (*Йәнбирзегә йүн бирер, безгә емде кем бирер?* – *тип Әсгәт шаяртмак булды* – У Янбирди всё есть, а нам кто даст? – решил пошутить Асгат [Карим, 2014, с. 88]).

К составным поэтическим онимам из двух или более корневых морфем, одна из которых *гали* в значении 'великий; выдающийся; возвышенный, знатный' можно отнести следующие:

– Курбангали ар. – курбан 'жертва' + гали (*Былтыр минең Муртаза ағайым, унан әүәлге йылды Корбангәле Хәжимуллаһы ана шулай итә торғайны* – В прошлом году мой брат Муртаза, до этого сын Курбангали Хажимулла так делали [Карим, 2014, с. 158]);

– Сафаргали ар. – сафар 1) 'путешествие, дальний путь'; 2) название 2-го месяца Лунного календаря Хиджри + гали (*Сәфәрғали менән бер картарзан балык та һикерзе* – Рыба нырнула в одном ряду с Сафаргали [Карим, 2014, с. 152]).

Составные поэтические онимы могли также быть образованы из двух или более корневых морфем, одна из которых *мурза* 'царевич; младший брат'; *сафа* 'чистота, искренность, непорочность; блаженство, покой'; *булат* 'сталь'; *рахман* 'милосердный, милостивый'; *ян* 'душа'. Приведём по примеру на каждый случай:

– Ишмурза баш. – иш 'друг, товарищ' + мурза (*Ишмурза исемле малай ай үсәһен көн үсте* – Мальчик по имени Ишмурза рос не по дням, а по часам [Карим, 2014, с. 61]);

– Нурсафа ар. – нур 'свет, сияние' + сафа (*Беләһең дә инде... Нурсафа малайы. Оло инәйемдең улы...* – Знаешь же его... сын Нурсафы. Сын моей Старшей мамы... [Карим, 2014, с. 123]);

– Ташибулат баш. – таш 'камень' + булат (*Тағы бер-ике малай, Ташибулат карт менән Әгләм тимерсенәң өйөн атап, бәхет һынап караны* – Ещё два-три мальчика пытали счастье тем, что называли дом старика Ташбулата и кузнеца Агляма [Карим, 2014, с. 29]);

– Хабибрахман ар. – хабиб 'любимый друг; спутник жизни' + рахман (*Сайрандагы езнәмдең исеме Хәбибрахман* – Моего зятя, который живёт в деревне Сайран зовут Хабибрахманом [Карим, 2014, с. 127]);

– Хамитьян ар. – хамит 'похвальный, достойный похвалы; безвредный' + ян (*Хәмийән менән минең өләшкә ошо икәү төштө, юрттырып, алмаш-тилмәш былар тирәһенә киләбез зә етәбез* – На нашу долю с Хамитьяном выпали эти двое, поэтому мы часто приходим к ним [Карим, 2014, с. 201]).

Наконец, в четвёртую группу вошли поэтонимы, которые состоят из корневой морфемы, словообразовательного компонента (*ит, фет, ет, ут*) и ещё одной корневой морфемы *дин* в значении 'вера, религия':

– Зыяитдин ар. – зыя 'свет, сиянье' + ит + дин (*Зыятдин карт шундай әзәм – гармун тауышы ишетһә, енләһә лә китә* – Старик Зыяитдин такой человек, если услышит звук гармонии сразу теряет голову [Карим, 2014, с. 132]);

– *Кашафетдин* ар. – *кашаф* 'открывающий, обнаруживающий' + *фет* + *дин* (**Кашафетдин** менән Шәйхулла исемле ағалы-энеле ике кеше Лекарёвка тигән рус ауылы янында Дим аша күпер һалып ята икән – Оказывается, два брата Кашафетдин и Шайхулла около русской деревни Лекарёвка прокладывают мост через реку Дим [Карим, 2014, с. 63]);

– *Нуретдин* ар. – *нур* 'свет, сияние, луч' + *ет* + *дин* (*Унан, уззырһа ла, беззең урамдың көтөүсеге Нуретдин генә уззырыр* – Его может догнать только пастух Нуретдин, живущий на нашей улице [Карим, 2014, с. 128]);

– *Тажетдин* ар. – *тажи* 'корона, венец' + *ет* + *дин* (*Ана шул Тажетдин дә килгән. Үзен тыйнак, ипле тотта, әйтерһең, мулла кейәүе...* – Этот Тажетдин тоже приехал. Ведёт себя сдержанно и аккуратно, словно зять муллы... [Карим, 2014, с. 243]);

– *Шарафутдин* ар. – *шараф* 'слава; честь; уважение' + *ут* + *дин* (**Шәрәфетдиндең бөтә карап торғаны терпе балаһы дәүмәле шул кара мыйык ине** – Достоинством Шарафутдина были черные усы размером с маленького ежа [Карим, 2014, с. 254]).

Как становится понятным из приведённых примеров, подавляющее количество поэтонимов имеют положительное значение, которое может быть связано с такими похвальными чертами человеческого характера, как высокая образованность и желание учиться; спокойствие, благородство и верность, чистота, честь и достоинство; красноречие, напористость и быстрота реакции, стремление к победе. Ряд поэтонимов отражают значение красоты. Довольно объёмную группу формируют поэтонимы религиозного характера с такими значениями, как бог, пророк, вера, паломничество, святость. Часть поэтонимы посвящены вселенной и природным феноменам и образу жизни башкиров. Также зафиксированы и некоторые частные значения. Поэтонимы с отрицательным значением, например, вины, встречаются в исследуемом произведении нечасто. При изучении набора значений корневых и аффиксальных морфем рассматриваемых поэтонимов обращают на себя внимание факты полисемии (подробнее о полисемии и омонимии в ономастике см. в работе А. А. Бурыкина [Бурыкин, 2010]) и синонимии.

Завершая анализ примеров, нельзя не отметить, как искусно и гармонично М. Карим вплетает эти значения в структуру предложений, то поддерживая и развивая значение поэтонима через контекст (см. последние три примера), то создавая забавные противоречия, как в сочетании *Петух Сафуан* (второе слово созначением 'чистота, непрочность; выдержанный').

3. Заключение

Поэтическая ономастика – молодая, но быстрорастущая и перспективная отрасль знания в лингвистике. Выражается это во многом значимостью ономастического материала, вовлечение которого в научный оборот позволяет охватить широкие области исторических, историко-географических и лингвистических вопросов от глубокой древности до современности.

Актуальность и перспективность изучения ономастики на основе художественных произведений очевидна, поскольку она является смежной

отраслью знания, а одно из современных её направлений – имя собственное в художественном произведении. Имена собственные способны с большей наглядностью и убедительностью передать картину мира и авторскую манеру изложения.

Определить внутреннее богатство, выделить целостную эстетическую канву и понять психологию творчества помогает исследование поэтической ономастики того или иного писателя. Имена героев в художественном тексте приобретают значительные смыслообразующие функции, не характерные для официально-деловых научных трудов. Постижению эстетической функции художественного текста способствуют их анализ, выявление тех или иных закономерностей, понимание смысловой целенаправленности.

Исследование поэтической ономастики определённых произведений и творчества того или иного автора в целом является более чем перспективным, потому что способствует реализации перехода от изучения конкретных ономастических полей (разрядов поэтонимов) частного произведения к исследованию поэтической ономастики, иными словами, вербализованного в художественном произведении ономастического словаря поэта.

Из второстепенной прикладной дисциплины, которая длительное время растворялась в огромном массиве литературоведения и стилистики, языкознания и текстологии, истории и социологии, поэтическая ономастика русского, тюркских и башкирского языков в настоящее время имеет право считаться самостоятельным научным направлением со своими объектами исследования, своими методами, целями и задачами.

В башкирском языкознании творчество Мустая Карима является ярким примером использования имён собственных в художественных произведениях. В повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство» широко используются поэтические онимы, а их структурное словообразование многогранно. Это способствует всестороннему описанию башкирского народа, их расселения и окружающей их природы. Следует отметить, что многие свои идеи автор передаёт через поэтонимы и посредством личных переживаний героев.

Автор в своём произведении активно использует одно-, дву- и трёхкомпонентные поэтонимы, чем демонстрирует своё мастерство и особый подход к подбору поэтических онимов.

Важно подчеркнуть, что при исследовании поэтической ономастики произведений Мустая Карима мы отметили, что каждый поэтоним используется правильно и к месту, что способствует возрастанию интереса читателей к данному произведению в частности и творчеству писателя в целом.

Список литературы

1. Башкирский язык : уч. пособие [Текст] / Г. Р. Абдуллина, Г. Д. Валиева, К. Г. Ишбаев и др. – Уфа : Китап, 2012. – 616 с.
2. Благова, Г. Ф. О причинах живучести тюркской антропонимической системы / Вопросы тюркской филологии [Текст] / Г. Ф. Благова. – М. : МГУ, 1997.

3. Бурыкин, А. А. Проблемы полисемии и омонимии в ономастике [Текст] / А. А. Бурыкин // Ономастика и общество: язык и культура. Материалы Первой Всероссийской научной конференции (14–15 октября 2010 года). – Тамбов 2010. – С. 25–35.
4. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 259 с.
5. Воронова, О.Е. Творчество С.А. Есенина в контексте традиций русской духовной культуры [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук 10.01.01 / Воронова Ольга Ефимовна ; Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 2000. – 469 с.
6. Елистратова, К. А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосомиотический аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Елистратова Ксения Александровна ; Череповецкий гос. ун-т. – Череповец, 2015. – 24 с.
7. Зайнуллина, Г. Д. Русско-башкирский словарь лингвистических терминов [Текст] / Г. Д. Зайнуллина. – Уфа : Китап, 1991. – 184 с.
8. Зиннатуллина, Г. Х. Функции антропонимов в произведениях А. Еники [Текст] / Г.Х. Зиннатуллина // Филология и культура. – 2012. – № 1 (27). – С. 30–33.
9. Ишбаев, К. Г. Словообразование башкирского языка (на баш. яз.) [Текст] / К. Г. Ишбаев. – Уфа, 1994. – 284 с.
10. Ишбаев, К. Г. Словообразовательная парадигматика частей речи башкирского языка (на баш. яз) [Текст] / К. Г. Ишбаев. – Уфа : Гилем, 2013. – 156 с.
11. Калинин, В. М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки. Логос ономастики [Текст] / В. М. Калинин. – № 2. – М., 2008. – С. 96–101.
12. Карим, М. Сочинения в пяти томах, Т. V: повести (на баш. яз.) [Текст] / М. Карим. – Уфа : Китап, 2014. – 664 с.
13. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе [Текст] / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
14. Карпенко, Ю.А. Русские антропонимы: пособие к спецкурсу / Ю.А. Карпенко. – Одесса. – 1970.
15. Ковалёв, Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях [Текст] / Г. Ф. Ковалёв // I Крымские Международные Михайловские чтения «Собственное имя в русской и мировой литературе». – Крым – Донбасс, 2007, С. 19–24.
16. Ковалёв, Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика [Текст] / Г. Ф. Ковалёв. – Воронеж : Научная книга, 2014. – 440 с.
17. Ковалёв, Г. Ф. Имя как хронотоп в художественной литературе [Текст] / Г. Ф. Ковалёв // «Времена не выбирают...». – Воронеж, 2017. – С. 167–173.
18. Кусимова, Т.Х. Башкирские имена (на баш. яз.) / Т.Х.Кусимова, С.А.Биккулова. – Уфа : Китап, 2005. – 224 с.
19. Махпиров, В. У. Антропонимы в «Дивану лугат ит -турк» и «Кутадгу билиг» [Текст] / В. У Махпиров // Советская тюркология. – 1979. – № 4. – С. 22–29.
20. Немченко, В. Н. Современный русский язык: Словообразование [Текст] / В. Н. Немченко. – М. : Высшая школа, 1984. – 225 с.
21. Никонов, В. А. Имя и общество [Текст] / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 276 с.

22. Пеньковский, А. Б. Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира [Текст] / А. Б. Пеньковский // Язык русского фольклора. Межвуз. сб. / отв. ред. З. К. Тарланов. – Петрозаводск, 1988. – С. 34–38.
23. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – М., 1978. – 198 с.
24. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
25. Творческие взгляды советских писателей / отв. ред. В. А. Ковалев. – Л. : Наука, 1981. – 286 с.
26. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под ред. А. М. Щербака. – М. : Наука, 1997. – 800 с.
27. Сувандии, Н. Д. Тувинская антропонимия [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.02 / Сувандии Надежда Дарыевна; Тывинский гос. ун-т. – М., 2004. – 20 с.
28. Сулейманова, Р. А. Ономастика [Электронный ресурс] / Р. А. Сулейманова, Р. З. Шакуров // Онлайн Башкирская энциклопедия. – 2019. – URL : <http://башкирская-энциклопедия.рф/component/content/article/2-statya/16774-onomastika.html>.
29. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.
30. Суперанская, А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации имен собственных [Текст] / А. В. Суперанская // Антропонимика / под ред. В. А. Никонова, А. В. Суперанской. – М., 1970. – С. 7–16.
31. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст] / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 171 с.
32. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 104 с.
33. Хусаинова, Л. М. Башкирская ономастика: микропонимия, поэтическая ономастика [Текст] / Л. М. Хусаинова. – Стерлитамак : СФ БашГУ, 2014. – 120 с.
34. Шакур, Р. З. История государства в именах собственных [Текст] / Р. З. Шакур. – Уфа : Китап, 1993. – 256 с.
35. Шакуров, Р. З. По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Демы [Текст] / Р. З. Шакуров. – Уфа : Башкнигоиздат, 1986. – 181 с.

References

1. Abdullina, G. R., Valieva, G. D., Ishbaev, K. G. et al. (2012). *Bashkirskiy yazyk* [Bashkir language]: A coursebook. Ufa: Kitap Press.
2. Blagova, G. F. (1997). O prichinakh zhivuchesti tyurkskoy antroponimicheskoy sistemy [On causes of survivability of the Turkic anthroponymic system]. *Voprosy tyurkskoy filologii* [Issues in Turkic philology]. Moscow: MSU Press.
3. Burykin, A. A. (2010). Problemy polisemii i omonimii v onomastike [Issues of polysemy and homonymy in onomatology]. *Onomastika i obshchestvo: yazyk i kul'tura* [Onomatology and society: Language and culture]. Proc. First All-Russia Scientific Conference, October 14–15, 2010 (pp. 25–35). Tambov.

4. Vinogradov, V. V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow : The Academy of Sciences of the USSR Press.
5. Voronova, O. E. (2000). *Tvorchestvo S.A. Esenina v kontekste traditsiy russkoy dukhovnoy kul'tury* [Creativity S. A. Yesenin in the context of the traditions of Russian spiritual culture]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University.
6. Elistratova, K. A. (2015). *Onomastikon poeticheskogo diskursa Very Polozkovoy: lingvosemioticheskiy aspekt* [Onomastic of the poetic discourse of Vera Polozkova: lingvosemiotical aspect]. PhD in Philological sci. diss. Cherepovets : Cherepovets State University.
7. Zaynullina, G. D. (1991). *Russko-bashkirskiy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Russian-Bashkir dictionary of linguistic terms]. Ufa : Kitap Press.
8. Zinnatullina, G. Kh. (2012). Funktsii antroponimov v proizvedeniyakh A. Eniki [Functions of anthroponyms in the works of A. Eniki]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 1 (27), 30–33.
9. Ishbaev, K. G. (1994). *Slovoobrazovanie bashkirskogo yazyka (na bash. yaz.)* [Word Formation of the Bashkir Language (in Bashkir)]. – Ufa.
10. Ishbaev, K. G. (2013). *Slovoobrazovatel'naya paradigmatika chastey rechi bashkirskogo yazyka (na bash. yaz)* [A word-formation paradigmatic of parts of speech of the Bashkir language (in Bashkir)]. Ufa : Gilem Press.
11. Kalinkin, V. M. (2008). Poetonimologiya: iz zametok o metayazyke nauki [Poetonymology: from notes on the metalanguage of science]. *Logos onomastiki* [Logos of onomastics], 2, 96–101.
12. Karim, M. (2014). *Sochineniya v pyati tomakh. T. V: Povesti (na bash. yaz.)* [Essays in five volumes. Vol. V : Novels (in Bashkir)]. Ufa : Kitap Press.
13. Karpenko, Yu. A. (1986). Imya sobstvennoe v khudozhestvennoy literature [Proper name in fiction]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 4, 34–40.
14. Karpenko, Yu. A. (1970). *Russkie antroponimy* [Russian anthroponyms] : A coursebook. Odessa.
15. Kovalyov, G. F. (2007). Aspekty izucheniya imen sobstvennykh v khudozhestvennykh proizvedeniyakh [The problem of studying nomina propria in belles-lettres]. *I Krymskie Mezhdunarodnye Mikhaylovskie chteniya «Sobstvennoe imya v russkoy i mirovoy literature»* [The First International Mikhaylovskie Readings in Crimea] (pp. 19–23). Crimea ; Donbass.
16. Kovalyov, G. F. (2014). *Izbrannoe. Literaturnaya onomastika* [Selected works. Onomatology in literature]. Voronezh : Nauchnaya kniga Press.
17. Kovalyov, G. F. (2017). Imya kak khronotop v khudozhestvennoy literature [Name as chronotope in fiction]. *Vremena ne vybirayut...* [We cannot choose in what times to live...] (pp. 167–173). Voronezh.
18. Kusimova, T. Kh., Bikkulova, S. A. (2005). *Bashkirskie imena (na bash. yaz.)* [Bashkir names (in Bashkir)]. Ufa : Kitap Press.
19. Makhpirov, V. U. (1979). Antroponimy v «Divanu lugat it -turk» i «Kutadgu bilig» [Anthroponyms in «Divan lugat it-turk» and «Kutadgu bilig»]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkic Studies], 4, 22–29.

20. Nemchenko, V.N. (1984). *Sovremennyy russkiy yazyk: Slovoobrazovanie* [Modern Russian: Word-building]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
21. Nikonov, V. A. (1974). *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow : Nauka Press.
22. Penkovsky, A. B. (1988). Onomasticheskoe prostranstvo russkogo bylevogo eposa kak model' ego khudozhestvennogo mira [Onomastic space of the Russian epic as a model of its artistic world]. In Z. K. Tarlanov, *Yazyk russkogo fol'klora* [The language of Russian folklore] (pp. 34–38). Petrozavodsk, 1988.
23. Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow.
24. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow : Nauka Press.
25. Tvorcheskie vzglyady sovetskikh pisateley [Creative views of Soviet writers] (1981). Ed. by V. A. Kovalyov. Leningrad : Nauka Press.
26. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (1997). Ed. by A. M. Shcherbak. Moscow : Nauka Press.
27. Suvandii, N. D. (2004). *Tuvinskaya antroponimiya* [Tuvinian anthroponymy]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Tyva State University.
28. Suleymanova, R. A., Shakurov, R. Z. (2019). Onomastika [Electronic resource]. *Onlayn Bashkirskaya entsiklopediya* [Online Bashkir Encyclopedia]. Retrieved from <<http://башкирская-энциклопедия.рф/component/content/article/2-statya/16774-onomastika.html>>.
29. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of a proper name]. Moscow.
30. Superanskaya, A. V. (1970). *Yazykovye i vneyazykovye assotsiatsii imen sobstvennykh* [Language and non-linguistic associations of proper names. Anthroponymics]. Moscow.
31. Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd : Peremena Press.
32. Fonyakova, O. I. (1990). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper name in the artistic text]. Leningrad : Leningrad State University Press.
33. Khusainova, L. M. (2014). *Bashkirskaya onomastika: mikrotoponimiya, poeticheskaya onomastika* [Bashkir onomastics: microtoponymy, poetic onomastics] Sterlitamak : SF BashGU Press.
34. Shakur, R. Z. (1993). *Istoriya gosudarstva v imenakh sobstvennykh* [The history of the state in proper names]. Ufa : Kitap Press.
35. Shakurov, R. Z. (1986). *Po sledam geograficheskikh nazvaniy: Toponimiya basseyna reki Demy* [In the wake of place names: Toponymy of the Demä River Basin]. Ufa : Bashkniigoizdat Press.

УДК 811.112.2
UDC 811.112.2

Сюткина Надежда Павловна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Nadezhda P. Siutkina
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
nadegda.siutkina@gmail.com

НАРЕЧИЯ-ИНТЕНСИФИКАТОРЫ
В СИТУАЦИИ С ЭМОТИВНЫМИ КАУЗАТИВАМИ
ADVERBIAL INTENSIFIERS
IN SITUATION WITH EMOTIVE CAUSATIVES

Аннотация

В настоящей статье на примере каузативной ситуации, актуализирующей модификацию эмоционального состояния, рассматриваются семантические варианты реализации значения интенсивности. Исследование проводится в аспекте функциональной грамматики на примере семантических категорий интенсивности, каузативности, эмотивности и их межкуатегориального взаимодействия. Категория интенсивности отражает количественные и качественные характеристики явления, может сопровождаться оценочными значениями. В результате усиление интенсивности служит увеличению экспрессивной силы высказывания. Таким образом, в ситуациях с эмотивными каузативами мы наблюдаем пример межкуатегориального взаимодействия нескольких категорий: интенсивности, оценочности, экспрессивности. Цель статьи состоит в выявлении и систематизации наречий-интенсификаторов, относящихся к экспрессивным средствам языка и реализующих функцию усиленного воздействия на адресата. Объектом анализа являются аспекты межкуатегориального взаимодействия. Предметом анализа выступают наречия-интенсификаторы в ситуациях с эмотивными каузативами. С помощью методов контекстуального анализа, дефиниционно-синонимического анализа, обобщения и интерпретации языкового материала производится классификация наречий-интенсификаторов в ситуациях с эмотивными каузативами. Сделан вывод о том, что межкуатегориальное взаимодействие данных категорий является инструментом целенаправленного воздействия на адресата.

Abstract

In this article, the example of a causative situation actualizing the modification of the emotional state is used to consider semantic variants of expressing the meaning of intensification. The study is conducted from the viewpoint of functional grammar, particularly, semantic categories of intensification, causativeness, emotiveness and their intercategory interaction. The category of intensification reflects the quantitative and qualitative characteristics of the phenomenon which may be accompanied by estimated values. As a result, intensification increase serves to increase the expressive power of the utterance. Thus, in situations with emotive causations, we observe an example of

intercategorical interaction of several categories: intensification, evaluation, expressiveness. The purpose of the paper is to identify and systematize adverb intensifiers relating to the expressive means of the language and implementing the function of enhanced influence on the addressee. The object of the analysis are aspects of intercategorical interaction. The focus of the current study are adverbial intensifiers in situations with emotive causatives. Methods of contextual analysis, definition and synonyms analysis, generalizing and interpretation are used to classify adverbial intensifiers in situations with emotive causatives. It is concluded that the intercategorical interaction of these categories is a tool for purposeful influence on the addressee of the utterance.

Ключевые слова: наречия-интенсификаторы, эмотивные каузативы, категория каузативности, категория интенсивности, категория экспрессивности, межкуатегориальное взаимодействие.

Keywords: adverbial intensifiers, emotive causatives, category of causativeness, category of intensification, category of expressiveness, intercategorical interaction.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_1_145_155

1. Введение

Категория интенсивности в лингвистике широко обсуждается, но на данный момент не выработано её однозначного понимания. Категория интенсивности рассматривается в грамматическом, лексическом и стилистическом аспектах. В отечественной лексикологии данной проблемой занимались Н. А. Лукьянова, Е. И. Шейгал, Е. В. Бельская и другие [Лукьянова 1986 ; Шейгал 1981, Бельская 2004]. Отмечается ведущая роль в системе языковых средств выражения значения интенсивности средств лексического уровня, высоко продуктивных, отличающихся наибольшей многочисленностью и разнообразием в различных языках мира [Бельская, 2004, с. 203]. При этом термин «интенсивность» в работах некоторых учёных 70-х гг. XX в. не используется, вместо него используется термин «экспрессивность» [Шаховский, 1983].

Считается, что интенсивность наиболее тесно связана с категориями количества и качества. «Интенсивность указывает на количественные характеристики качественного признака предмета» [Ревенко, 2013, с. 202]. Категория интенсивности определяется как находящаяся на пересечении категорий качества (неопределённого, недискретного) и количества (градуируемого, поддающегося количественной оценке) [Шейгал, 1981, с. 21–22].

Интенсивность – это «микроразличие, связанное с качественно-количественной характеристикой обозначаемого словом явления, иначе говоря, отражающее меру явления» [Лукьянова, 1986, с. 55]. Важным становится понятие нормы, поскольку именно отклонение от нормы в ту или иную сторону выделяет явление из ряда однородных ему явлений. Как правило, усиление признака необходимо для актуализации экспрессивности. «Интенсивность выполняет функцию усиленного воздействия на адресата, она связана с субъективным выбором адресантом экспрессивных средств и

средств интенсификации высказывания, ей сопутствуют показатели эмоциональности и оценочности [Шестова, 2005, с. 4].

«Экспрессивность – свойство диктемы¹, которое передаёт смысл с увеличенной интенсивностью, при этом результатом является эмоциональное или логическое усиление, связанное с намерением убедить адресата посредством целенаправленного воздействия на него, то есть путём повышения силы высказывания. Как следствие, экспрессивность призвана пробудить реакцию реципиента на какой-либо предмет, явление, воздействие» [Десятская, 2017, с. 220].

Средства выражения категории интенсивности связаны с субъективным выбором говорящим средств интенсификации высказывания и выполняют функцию не просто воздействия, но усиленного воздействия на адресата. Нередко мотивом употребления тех или иных способов интенсификации являются эмоции, так как эмоциональная сфера личности – это её отношение к миру, к объектам естественных и культурных потребностей, состояние её сознания [Карповская, 2010, с. 177].

Взаимосвязь интенсивности и оценочности проявляется в том, что с точки зрения логики, интенсивность является разновидностью оценки, поскольку оценка также может характеризоваться как с количественной, так и с качественной стороны. Выделяются два типа шкал: шкала количественной оценки (много / мало) или интенсивности, и шкала собственно оценки (хорошо / плохо). Точка отсчёта на шкале количественной оценки соотносится с нормой данного качества. Точка отсчёта на шкале качественной оценки соответствует нейтральному отношению говорящего, который ориентируется на эталон, осознанный как стандартный всеми членами данного социума [Лойко, 1990, с. 9]. Интенсивность в языке выступает в связи с модально-оценочными элементами. «Средства обозначения этих элементов предполагают определённое отношение к обозначаемому признаку, они несут в себе дополнительную информацию, заключают в себе экспрессивность, эмоционально-оценочную характеристику. Каждая такая единица обозначения интенсивности содержит информацию о характере поступков, действий, поведении людей, качестве, даёт им положительную или отрицательную оценку» [Лойко, 1990, с. 16].

2. Наречия-интенсификаторы и их классификация

Мы рассматриваем интенсификацию эмотивного компонента в ситуации каузации эмоциональной модификации (об аспектах каузации в сфере модификации эмоционально-психического состояния см., напр., [Шустова 2018 а, б]). Работа с корпусом немецкого языка dwds.de позволила выделить актуализаторы признака интенсивности, функционирующие с базовыми эмотивными каузативами² немецкого языка. Интенсификаторами могут служить наречия, прилагательные, причастия, предложные группы. Можно

¹ Под диктемой понимается элементарная ситуативно-тематическая единица текста.

² Эмотивный каузатив в данной работе рассматривается как глагол интерперсонального взаимодействия с целью изменения эмоционального состояния у объекта каузации.

выделить следующие разряды признака интенсивности: 1) полноты действия: *in vollen Zügen, uneingeschränkt, ausgiebig, riesig, restlos*; 2) качества: *lebhaft, herzlich, blendend, herrlich, ausgelassen, trefflich, spontan*; 3) характера действия: *gewaltig, wahnsinnig, grün, furchtbar, fürchterlich*; 4) локализации: *landesweit, andernorts, vielerorts*; 5) степени признака действия: *groß, soviel, genug, mehr, maßlos, sehr, mäßig, übermäßig*; 6) итеративности: *mehrheitlich, mehrfach, wiederum, gelegentlich, regelrecht, ständig, stets, häufig, jedesmal, jährlich, erneut, mancherlei, manchmal*; 7) целенаправленности действия: *gezielt, bewusst, absichtlich, vorsätzlich, vordergründig, notwendigerweise, zwangsläufig, unweigerlich, zusätzlich, unnötig, lediglich, unwillkürlich*; 8) оценки действия: *positiv, angenehm, unangenehm, negativ, freudig*; 9) способа действия: *spielerisch, wortreich, lauthals*; 10) времени действия: *kürzlich, neuerlich, lange, stundenlang, nachhaltig, permanent*; 11) сравнения *wie Schneekönig, wie ein Kind, gleichwohl, genauso*; 12) отрицания *keinerlei, keineswegs, kaum*.

Итак, разряд признака «п о л н о т а д е й с т в и я» может быть актуализирована предложной группой *in vollen Zügen*, прилагательными *enorm, nennenswert, riesig, dicht, heftig, spürbar, reich, reichlich, massiv, erheblich, ausdrücklich, heftig*, наречиями *zusehends, zunehmend*. В данной группе интенсификаторов с эмотивными каузативами функционируют прежде всего актуализаторы полноты действия, актуализирующие значения «больше нормы».

(1) *Und ich möchte Sie **ausdrücklich ermutigen**, auf diesem Weg fortzuschreiten (dwds).*

(2) *Einige Studentinnen hatten es befürchtet: Sie spannten ihre Regenschirme auf, was uns beide **erheblich amüsierte** (Ngram).*

В качестве актуализатора признака в сторону уменьшения нормы может выступать наречие *wenig*, которое также может интенсифицироваться сравнением *so wenig wie möglich*.

(3) *Im übrigen war ihm alles sehr gleichgültig, und er **belästigte** die Mannschaft persönlich **nur wenig** (dwds).*

(4) *Damals hätten die Politiker Europas beschlossen, «die Reisenden **so wenig wie möglich zu belästigen**» (dwds).*

Также для реализации значения полноты действия в значениях «меньше нормы» возможно сочетание наречия *kaum* с прилагательными *spürbar, merklich* и *nennenswert*.

(5) *Die paar bisher gewagten Mini-Reförmchen werden bis dahin die blutarme Wirtschaft **kaum spürbar beleben** (Ngram).*

Следующий выделенный разряд признака – к а ч е с т в о. Данный признак актуализируется такими интенсификаторами, как: *lebhaft, herzlich, blendend, herrlich, ausgelassen, trefflich, spontan, leidenschaftlich, prächtig, glänzend, leichtfertig, flüchtig, ungestört, unbeschwert, ungehindert, unzumutbar, unhaltbar, offenkundig, ungebremst, angeblich*.

(1) *Dass er diesen Schulterchluss leichtfertig provozierte, ist umso unverständlicher, als Möllemann in der Sache durchaus Recht hat* (dwds).

(2) *Man kann sich so herrlich aufregen über Hupka* (dwds).

Разряд признака «характер действия» актуализируется наречиями как отрицательной, так и положительной семантики. С наречиями отрицательной семантики *gewaltig, diebisch, fürchterlich, schmerzlich, grausam, ungeheuer* и подобными можно привести следующие примеры.

(1) *Er würde damit seinen Papa ganz gewaltig ärgern* (dwds).

(2) *Den Schauspiel-Intendanten ärgert es furchtbar, dass man sein Schauspiel irgendwie als gering erachten könnte* (dwds).

(3) *Gerhard Schröder freute sich diebisch über die Pazifisten von damals* (dwds).

(4) *Er fehle ihr sehr, sagt Klara, sie freue sich wahnsinnig, ihn am Freitag wiederzusehen* (dwds).

К примерам с наречиями положительной семантики *sanft, zart, köstlich, wunderbar, geschickt, königlich, eifrig* и другими можно отнести следующие предложения.

(5) *Ein Flegel, der zart das Herz berührt* (dwds).

(6) *Szlachta und Komsomol, Pilsudski und Breschnew berührten sie nur sanft* (dwds).

В этом же разряде выделяется также группа интенсификаторов, обозначающих сложность, трудоёмкость действия: *schwerlich, mühsam, schwer, leicht, kaum*.

(7) *Es handelt sich um Menschen, die leicht zornig werden, sich aufregen, sich ärgern, neidisch oder eifersüchtig sind* (Ngram).

(8) *Die Schüler der neunten Klasse, in welcher ich Deutsch unterrichtete, sind nur schwer für literarische Texte zu begeistern* (Ngram).

С лексемой *ärgern* зафиксированы контексты с интенсификаторами *blau, schwarz, grün*, реализующими значение «больше нормы».

(9) *Er ärgere sich schwarz über die Münchener* (dwds).

(10) *Und ärgert sich grün und blau, dass man von dort nichts mitgebracht hat* (dwds).

Следующий выделенный разряд интенсификаторов реализует признак локализации действия. Он актуализируется наречиями: *bundesweit, weltweit, europaweit international, überregional, landesweit, andernorts, vielerorts, vereinzelt, hierzulande, insgesamt, gemeinsam, allenthalben*.

(1) *Weltweit erregte das Todesurteil gegen ihn Aufsehen* (dwds).

(2) *Der Mord in Potzlow, in der Uckermark, erregte bundesweit Entsetzen* (dwds).

(3) *Der Fall Zürich hatte europaweit Aufsehen erregt und Proteste provoziert* (dwds).

В разряде степень признака действия можно выделить группы «больше нормы», актуализируемых наречиями и прилагательными *groß, soviel, mehr, maßlos, sehr, übermäßig, vielmehr, allzusehr, zutiefst, viel, zunehmend, maßgeblich*; «норма» – *genügend, genug, mäßig, dermaßen*,

derart, gleichermaßen; значение «меньше нормы» актуализируется лексемами: *wenig, kaum, ebensowenig, zumindest, wenigstens, immerhin*.

(1) *Ein noch junger Mann **erregte** sich **maßlos** über ein amtliches Schreiben, das ihm zufällig in die Hand gekommen sei* (dwds).

(2) *Ich möchte die Reisenden **vielmehrermutigen**, selbst dazu beizutragen, dass die lokale Bevölkerung mehr vom Tourismus hat* (dwds).

(3) *Pevenage wird die verbrämte Drohung nur **müßig beeindrucken*** (dwds).

(4) *Was sie darin über das seltsame und den Franzosen so unendlich fremde und ferne Land schrieb, **beeindruckte** die Deutschen selbst **wenig*** (dwds).

Разряд и т е р а т и в н о с т и составили наречия, имеющие значение повторяемости действия: *einmal, mehrfach, wiederum, regelrecht, ständig, jedesmal, stets, jährlich*. Здесь выделяются четыре группы, обозначающие:

– однократность действия (*einmal*):

(1) *Wir brachten das Geld weg und ich musste mich erst **einmal beruhigen**, damit ich zum Fußball gehen konnte* (Ngram).

– многократность действия (*mehrheitlich, mehrfach, wiederum*):

(1) *Einige wenige haben ihren Heimatort in diesen Geschichten aber doch wiedererkannt, was mich **wiederum ermutigte**, dieses vorliegende Dschungelbuch zu Ende zu schreiben, obwohl es gar kein Ende haben kann* (dwds).

(2) *Die Kinder sehen ihre Aufgabe zum Teil darin, sich gegen ihre Eltern auf Schritt und Tritt zur Wehr zu setzen, was **wiederum** die Eltern **ärgert*** (Ngram).

(3) *In einer Negativabgrenzung ist den Prüfungsgehilfen ihre Arbeit nicht gleichgültig. Sie **freuen** sich **mehrheitlich** darauf, ihre Arbeit ausüben zu dürfen* (Ngram).

– регулярность действия (*regelrecht, ständig, stets, häufig, jedesmal, allenfalls, jährlich*):

(1) *Nur, dass die Mongolen, obwohl sie so wenige sind, bei der Ankunft in Tegel strenger kontrolliert werden als die Chinesen, das **ärgert** Birvaa Mandakhbileg **jedesmal** wieder* (dwds).

(2) *Alle, die sie kennen, haben das Gefühl, sie **ständig beruhigen** zu müssen* (dwds).

– нерегулярность действия (*gelegentlich, erneut, mancherlei, manchmal, weiterhin*):

(1) ***Manchmal spornen** mich die andern an, manchmal steigen Gefühle in mir auf, manchmal brennen mir die Sicherungen durch* (dwds).

(2) *Was mich auch **manchmal ärgert**, sind Kritiken von Rezensenten, die das Buch nicht verstanden haben* (dwds).

К разряду «целенаправленность действия» относятся наречия и прилагательные, актуализирующие значение наличия цели действия либо случайности действия, отсутствия цели. Целенаправленность реализуют лексемы: *gezielt, bewusst, absichtlich, vorsätzlich, vordergründig, notwendigerweise, zwangsläufig, unweigerlich*.

(1) Sie **provozieren absichtlich** die Justiz und die Polizei, weil sie hoffen, verborgene Ungerechtigkeit damit ans Licht der Öffentlichkeit zu bringen und so bekämpfen zu können (Ngram).

Случайность, нецеленаправленность действия актуализируются лексемами: *zusätzlich, unnötig, lediglich, irgendwie, womöglich, obendrein, vielleicht, indirekt, unwillkürlich, außerdem.*

(2) Dass der eigene Innenminister Richard Dewes vom Koalitionspartner SPD Verständnis für die Entscheidung des Bundesverkehrsministeriums aufbringe, **verärgert** die CDU im Erfurter Kabinett **zusätzlich** (dwds).

(3) Landwirtschaftsminister Michel Rocard spielte gar mit dem Feuer, als er vor Wochen die Bauern **indirekt** zu weiteren Demonstrationen **ermunterte**, um seine Stellung in den europäischen Agrarverhandlungen zu stärken (dwds).

(4) Ich muss sie **irgendwie ablenken**, indem ich ihnen etwas Schönes zeige (dwds).

Следующий разряд «о ц е н к а д е й с т в и я» подразделяется на три группы: положительная, отрицательная и нейтральная. Группу с положительной оценкой формируют наречия *positiv, angenehm, freudig, erfolgreich, optimistisch, hoffnungsvoll, gnädig, froh, bestens.*

(1) Über Klatsch aus dem Leben von Schriftstellern konnte sich Wolfgang Herrndorf **bestens amüsieren** (dwds).

(2) Der beherzte Kampf "gegen rechts" – so wichtig er ist – **lenkt** mit seinen sentimentalен Volksfrontgefühlen **angenehm** davon ab, die eigenen Fehler zu bedenken (dwds).

Группу с отрицательной оценкой формируют наречия *unangenehm, negativ, traurig, skeptisch, peinlich.*

(3) Doch Brown könnte sie **unangenehm überraschen** (dwds).

(4) Es ist schon erstaunlich, dass Karstadt trotz der ungezählten Krisenmeldungen der vergangenen eineinhalb Jahre noch immer **negativ überraschen** kann (dwds).

Наконец в группу с нейтральной оценкой входят наречия *nachdenklich, bedenklich, versöhnlich.*

(5) Allerdings **stimmte** den Trainer die erste Halbzeit auch sehr **nachdenklich** (dwds).

(6) Einige mag Obamas Rückzugsofferte **versöhnlich stimmen**, viele jedoch trauen seiner Strategie nicht (dwds).

Разряд «с п о с о б д е й с т в и я» включает прилагательные и наречия *spielerisch, wortreich, lauthals, still, moralisch, verbal.*

(1) Eine Horde Seeleute aus Macao **vergnügt** sich **lautstark** beim Kartenspiel, französische Skipper verhandeln gestikulierend mit einem Schiffszimmerer, Emigranten von der kapverdischen Nachbarinsel Santo Antão bewundern Schmuck, Uhren und elektrische Geräte in den gläsernen Verkaufsvitrinen (dwds).

(2) Zunächst **belästigte** der 37-Jährige seine Ex-Freundin **verbal** (dwds).

Разряд «в р е м я д е й с т в и я» составляет многочисленную, сложную по составу, группу, в которой можно выделить целый ряд подгрупп:

– наступление действия в какой-либо отрезок времени: *kürzlich, neuerlich, kurzfristig, frühzeitig, momentan, damals, seinerzeit, jedenfalls, bisweilen, irgendwann, derweil, derzeit, endlich, nie*.

(1) *Erst **kürzlich** empörte sich die südafrikanische Regierung, dass nach dem Abtreten des weißen Geschäftsführers des Gesamtunternehmens De Beers ein anderer Weißer an die Spitze trat* (dwds).

(2) *Er will Kinder und Jugendliche **frühzeitig** für Technik und Naturwissenschaften **begeistern*** (dwds).

– резкое наступление действия: *auf Anhieb, sofort, prompt, plötzlich, jäh*.

(3) *Ich will mir die Sache überlegen und werde Dich vielleicht **plötzlich überraschen*** (Ngram).

(4) *Statt sich ändernden Bedingungen für Glück und Wohlbefinden hinterherzujagen, könnten Sie sofort Ihre Lieblingsstärke, z.B. Mut, Freundlichkeit, Dankbarkeit, Genussfähigkeit, Neugier, Optimismus oder Humor definieren, an der Sie sich immer, überall und **sofort erfreuen** können* (Ngram).

– продолжение действия: *weiter, weiterhin, ferner*.

(5) ***Ferner** regten die Abgeordneten an, gemeinsame Ermittlungsgruppen einzurichten, die EU-weit gegen illegale Glücksspiele im Internet und anonyme Wetten vorgehen sollten* (dwds).

– одновременность действия: *gleichzeitig, gleich, sogleich, zugleich*.

(6) ***Gleichzeitig verärgern** sie aber die zwei Potsdamer, die ihre Restaurantpläne für so gut wie sicher hielten* (dwds).

(7) ***Zugleich provozieren** Wissenschaft und Technik – oftmals gerade aufgrund ihrer unbestreitbaren und unverzichtbaren Erfolge – immer wieder Konflikte um mögliche unerwünschte Folgen und Fragen hinsichtlich der langfristigen ethischen und sozialen Effekte ihres regelhaften Einsatzes* (Ngram).

– скорость выполнения действия: *allmählich, langsam, schnell*.

(8) *Zur Kaffeezeit kommen die Kinder; freuen sich über die Clownerien von „Hops und Hopsi“, junge Familien im Sonntagsstaat **belebenlangsam** den Alex* (dwds).

(9) *Gefahr für die Passagiere bestand aber nicht, das Bordpersonal habe die Passagiere **schnellberuhigen** können* (dwds).

– продолжительность выполнения действия: *lange, lang, stundenlang, nachhaltig, permanent, allzeit, langfristig, weitgehend, kurzzeitig, vorübergehend, zeitweise, zeitweilen, zuweilen*.

(10) *Zwei Sendungen pro Woche haben es vermocht, sein Augenmerk **kurzzeitig** von der Arbeit **abzulenken*** (dwds).

(11) ***Stundenlang** konnte sich der Chemiker damit **vergnügen**, ein Thema bis ins letzte Detail zu ergründen* (dwds).

(12) *Es sind die schlichten Ideen, die besonders **nachhaltig begeistern*** (dwds).

Также можно выделить группу интенсификаторов, актуализирующих значение интенсификации на основе с р а в н е н и я: *wie Schneekönig, wie Kind, wie Schneekönigin, wie König, lieber, gleichermaßen, gleichwohl, genauso*.

(1) *Wer Deutsch büffelt, **freut** sich wie ein **Schneekönig** auf Studium oder Job in Düsseldorf oder Berlin (dwds).*

(2) ***Gleichwohl freuen** wir uns der wohl gelungenen Aufführung (Ngram).*

О т р и ц а н и е так же составляет разряд интенсификаторов, поскольку на шкале «больше нормы» – «норма» – «меньше нормы», реализует крайние значения «меньше нормы» (*keinesfalls, keinerlei, keineswegs, kaum*).

(1) *Umgekehrt weiß ich heute, dass er mich **keineswegs ärgern** wollte, dass es nicht nur gut war, den Aufsatz, und damit auch mich, mehrfach hintereinander zu verbessern, sondern ebenfalls gut war, meine Hartnäckigkeit und mein Wollen herauszufordern (Ngram).*

3. Заключение

Таким образом, интенсификаторы, функционирующие в ситуациях с эмотивными каузативами, представляют собой содержательно обширный класс лексем. Полученный языковой материал позволяет наблюдать пересечение нескольких категорий (интенсивности, оценочности, темпоральности, итеративности и др.), ведущим остаётся значение каузации эмоциональной модификации, усиливается именно эмотивный компонент, с целью повышения экспрессивной силы высказывания. В лингвопрагматическом аспекте подобное межкатегориальное взаимодействие можно рассматривать как инструмент целенаправленного воздействия на адресата, поскольку усиление эмоциональной составляющей неизбежно ведёт к усилению иллюкутивного эффекта всего высказывания.

Список сокращений и условных обозначений

dwds – www.dwds.de

Ngram – электронный исследовательский ресурс NgramViewer

Список литературы

1. Бельская, Е. В. Проблемы интенсивности в современной отечественной лексикологии [Текст] / Е. В. Бельская // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 282. – С. 202–210.
2. Десятская, С. В. Понятийная связь категории интенсивности с категориями эмоциональности и экспрессивности [Текст] / С. В. Десятская // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 220–222.
3. Карповская, Н. В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) [Текст] / Н. В. Карповская // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 1 (61). – С. 176–181.
4. Лойко, М. О. Функционально-семантическая категория интенсивности признака [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Лойко Мария Осиповна; Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы. – Минск, 1990. – 18 с.

5. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики [Текст] / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.
6. Ревенко, И. В. Комплекс признаков семантической категории «Интенсивность» [Текст] / И. В. Ревенко // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 2 (24). – С. 200–205.
7. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания [Текст] / В. И. Шаховский. – Волгоград ВГПИ. 1983. – 94 с.
8. Шейгал, Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук 10.02.04. / Шейгал Елена Иосифовна ; МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1981. – 244 с.
9. Шестова, А. А. Категория степени интенсивности в семантике двучленных словосочетаний, обозначающих эмоции, в современном английском языке [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Шестова Анна Александровна ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2005. – 26 с.
10. Шустова, С. В. Функционально-грамматический каузатив «возбуждать» в аспекте когнитивного моделирования [Текст] С. В. Шустова // Наука и практика в XXI веке. Межвузовский сб. науч. тр. – Астрахань, 2018 а. – С. 34–38.
11. Шустова, С. В. Категоризация в сфере эмоциональной модификации (на материале каузативной ситуации эмоциональной модификации) [Текст] / С. В. Шустова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018 б. – № 2 (30). – С. 7–13.
12. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Electronic Resource]. – URL : www.dwds.de.
13. Google Books Ngram Viewer [Electronic Resource]. – URL : <https://books.google.com/ngrams>.

References

1. Belskaya, E. V. (2004). Problemy intensivnosti v sovremennoi otechestvennoj leksikologii [Problem of intensity in modern domestic lexicology], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 282, 202–210.
2. Desyatskaya, S. V. (2017). Ponyatiynaya svyaz' kategorii intensivnosti s kategoriyami emotsionalnosti i expressivnosti [The conceptual connection of the category of intensification with the categories of emotiveness and impressiveness]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i l praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual problems of theory and practice. A series of Humanities], 12, 220–222.
3. Karpovskaya, N. V. (2010). Intensivnost'atributivngo priznaka kak lingvopragmaticheskaja kategorija (na materiale ispanskogo yazyka) [Intensiveness of a feature as a linguo-pragmatic category]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 1 (61), 176–181.
4. Loiko, M. O. (1990). *Funktsional'no-semnatischeskaya kategoriya intnesivnosti priznaka* [Functional-semantic category of a feature intensiveness]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Minsk : Yanka Kupala State University of Grodno.

5. Lukyanova, N. A. (1986). *Expressivnaya lexika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive lexical units of various use: Semantic issues]. Novosibirsk : Nauka Press.
6. Revenko, I. V. (2013). Kompleks priznakov semanticheskoy kategorii «Intensivnost'» [Complex of features of semantic category «Intensity»]. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafyeva* [Bulletin of KSPU named after V. P. Astafiev], 2 (24), 200–205.
7. Shakhovsky, V. I. (1983). *Emotivnyy komponent znacheniya i metody ego opisaniya* [Emotive component of meaning and its description methods]. Volgograd : VGPI Press.
8. Sheigal, E. I. (1981). *Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom angliyskom yazyke* [Intensiveness as word semantics component in modern English]. PhD in Philol. sci. diss. Moscow : The Maurice Thorez Institute for Foreign Languages.
9. Shestova, A. A. (2005). *Kategoriya stepeni intensivnosti v semantike dvuchlennykh slovosochetaniy, oboznachayushchikh emotsii, v sovremennom angliyskom yazyke* [The degree of intensiveness category in the semantics of 2-element wordgroups denoting emotions in modern English]. PhD in Philol. sci. diss. Moscow : Institute for language Studies, Russian Academy of Sciences.
10. Shustova, S. V. (2018 a). *Funktsional'no-grammaticheskiy kauzativ «vzbuzhdat'» v aspekte kognitivnogo modelirovaniya* [Causative verb «возбуждать» in Russian]. *Nauka i praktika v XXI veke* [Science and practice] (pp. 34–38). Astrakhan.
11. Shustova, S. V. (2018 b). Kategorizatsiya v sfere emotsional'noy modifikatsii (na materiale kauzativnoy situatsii emotsional'noy modifikatsii) [Categorization in the sphere of functional grammar (By the example of a causative situation of an emotional mode)]. *Aktual'nye problemy folologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2 (30), 7–13.
12. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Electronic Resource]. Retrieved from <www.dwds.de>.
13. Google Books Ngram Viewer [Electronic Resource]. Retrieved from <<https://books.google.com/ngrams>>.

УДК 811.512.211
UDC 811.512.211

Шарина Сардана Ивановна

**Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН**

Sardana I. Sharina

**The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian
Academy of Sciences Siberian Branch**

sarshar@mail.ru

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРХНЕКОЛЫМСКОГО
ГОВОРА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА**
**SYNTACTIC FEATURES IN THE VERKHNKOLYMSKIY DIALECT
OF THE EVEN LANGUAGE**

Аннотация

В статье рассматриваются синтаксические особенности не имеющего системного описания верхнеколымского говора эвенского языка. Анализ полевых материалов, собранных нами в ходе экспедиции в Верхнеколымский район Республики Саха (Якутия) в 2014 г., позволил выявить полное соответствие порядка слов в предложении в верхнеколымском говоре синтаксическим нормам литературного языка. Согласно этим нормам, сочинительная связь оформлена интонацией перечисления, а в качестве коннекторов используются частицы и союзные слова. В речи информантов в основном отмечается согласование с определяемым в падеже и числе. Верхнеколымский говор нельзя отнести к западному наречию, для которого свойственно отсутствие уподобления определения формам числа и падежа определяемого, поскольку в исследуемом говоре уподобление отсутствует редко. При управлении наблюдается падежное оформление зависимых от управляющего слова именных или причастных членов предложения и служебных слов. Таким образом, на уровне синтаксических показателей верхнеколымский говор может быть предварительно отнесён к среднему наречию.

Abstract

The article discusses the syntactic features in the Verkhnekolymsky dialect of the Even language, which has not been coherently described so far. The analysis of the material collected during the field expedition to the Verkhnekolymsky region of the Sakha Republic (Yakutia) in 2014 enabled to state that the word order in Verkhnekolymsky dialect is similar to the standard variety of the language. In accordance with its rules, combining words and phrases with coordination is performed using the corresponding coordinating particles and conjunctions and is expressed by enumerating intonation. In the subjects' speech, mainly coordination in case and number was found. As far as the absence of this coordination is rare in Verkhnekolymsky dialect, it cannot belong to the Western dialect group whose relevant feature is the absence of this coordination. In subordination, nominal words and participles are subordinated in case to the independent word they are linked to with appropriate subordinators. Thus, at the level of syntactic patterns, Verkhnekolymsky dialect can be preliminary affiliated to the Middle dialect group.

Ключевые слова: эвенский язык, верхнеколымский говор, синтаксические особенности, сочинительная связь, управление.

Keywords: Even language, Verkhnekolymskiy dialect, syntactic features, coordination, subordination.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_1_156_164

1. Введение

В настоящее время количество работ по эвенскому языку возрастает. В центр внимания исследователей попали целый ряд говоров и диалектов, территориально и лингвистически объединённых в наречия. Однако некоторые диалекты и входящие в их состав говоры данного языка до сих пор не получили достаточно полного описания в литературе, а некоторые из них вообще не имеют системного описания. Эвенским говорам свойственна высокая степень вариантности как результат дву- и многоязычия их носителей (напр., влияние якутского и др. языков), проявляющаяся на всех уровнях языка. Данное обстоятельство значительно затрудняет описание эвенских говоров, что, в свою очередь, усложняет задачу классификации эвенских диалектов и говоров. Кроме того, в настоящее время используются несколько подходов к классификации эвенских диалектов, что также не способствует единообразию систематизации данных по ним.

Итак, фонетические, лексические и грамматические различия между эвенскими диалектными группами позволили В. И. Цинциус [Цинциус, 1947] выделить 11 диалектов и говоров. На карте эвенских диалектов, составленной К. А. Новиковой, отмечено 12 диалектов и говоров [Новикова, 1960]. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» выделяются 15 наименований эвенских диалектов и говоров [Сравнительный словарь ..., 1975]. Позже А. А. Бурыкин выделил 26 говоров и диалектов [Бурыкин, 2004]. Представленные классификации значительно разнятся и по составу говоров, и по номенклатуре. Их следует уточнить и дополнить новыми надёжными данными, которые необходимо получить на основе исследования особенностей фонетики, морфологии и лексики, зафиксированных на современном этапе развития эвенского языка в тесной связи с его диахронией.

Потенциал диалектов и говоров эвенского языка для полевых исследований далеко не исчерпан. Наибольшее количество данных собрано и систематизировано только по восточному ареалу проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), однако исследования якутского ареала эвенов далеки от завершения. Чтобы получить исчерпывающую картину современного состояния эвенского языка во всей его вариантности, необходим сбор новых данных по ряду говоров и диалектов. Причина в том, что выборки языкового материала, ранее полученные исследователями по говорам Усть-Янского, Верхнеколымского,

Нижнеколымского, Оймяконского и Томпонского районов Якутии нельзя назвать ни высококачественными, ни статистически репрезентативными. Указанные ограничения, во-первых, не дают возможности надёжно очертить ареалы распространения тех или иных говоров и диалектов, а во-вторых, не позволяют решить вопрос о разграничении либо объединении говоров среднего и западного наречий. Осложняет ситуацию и то обстоятельство, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой территориальной единицы может быть осмыслено только в сопоставлении с диалектами соседних районов. При рассмотрении эвенских говоров Якутии, помимо несовпадения лингвистических и административных границ, следует отметить и несовпадение лингвистического и географического ландшафтов в связи с изменениями, произошедшими в исторической перспективе.

Сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных говоров, системного описания говоров и диалектов эвенского языка, выявления их лингвистических особенностей, систематизации имеющихся данных. Требуется существенно дополненная и уточнённая классификация, основанная на собственно лингвистических признаках говоров и диалектов, отличающих данные языковые формации друг от друга. Дополнения и уточнения возможны только при качественном обобщении достаточного количества текстовых материалов по малоизученным диалектам и входящим в их состав говорам прежде всего на территории Якутии. При этом необходимо корректно соотнести современную языковую ситуацию с особенностями этнокультурной ситуации на современном этапе развития данного этноса.

В основу дополненной и уточнённой классификации диалектов и говоров эвенского языка должны быть положены собственно лингвистические дифференциальные признаки этих диалектов и говоров. В ней должны быть обобщены ранее предлагавшиеся лингвистические классификации диалектов эвенского языка, в которые вписываются некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными.

Верхнеколымский говор до недавнего времени относился к одному из неизученных идиом эвенского языка [Шарина, 2014]. Материалы по верхнеколымскому говору в исследованиях по эвенскому языку отсутствовали, в публикациях не приводились ни тексты, ни образцы бытовой речи, не встречались даже материалы в виде иллюстративных примеров, за одним лишь исключением. В 2003 г. А. А. Бурыкиным были изданы рукописные варианты юкагирско-русского и эвенско-русского словарей, составленных Н. И. Спиридоновым – Текки Одулоком примерно в 1930–1931 годах и переписанных Е. П. Орловой, куда вошли некоторые лексические материалы по верхнеколымскому говору эвенского языка [Спиридонов, 2003].

На территории Верхнеколымского района эвены компактно проживают в сёлах Утая и Верхнеколымск. Численность населения Верхнеколым-

ского района составляет 4715 человек, из которых к эвенскому этносу относятся лишь 72 человека, что составляет всего 1,5% населения этого района. По данным информантов, по всему Верхнеколымскому району эвенским языком владеют всего около 10 человек – это 13,8% от общего количества эвенов района. Эвенский язык как предмет преподают в двух школах в сёлах Верхнеколымск и Утая, в которых эвенский язык изучают более 20 учеников.

В ходе экспедиционной работы в населённых пунктах Верхнеколымск и Зырянка Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия) были зафиксированы и документированы лингвистические материалы от данной этнической группы эвенов. В качестве информантов были приглашены эвены старшего поколения в возрасте 62–78 лет.

В ходе исследований выяснилось, что даже у информантов старшего поколения интерференция проникла на все уровни языка и особенно ярко проявилась на фонетическом и лексическом уровнях. В частности, лексическая интерференция в речи верхнеколымских эвенов выражалась в использовании немалого количества заимствованных из якутского языка лексем.

На исследуемом ареале было проведено выборочное анкетирование, которое дало неутешительные результаты. Все респонденты отмечали в качестве основного языка повседневной коммуникации якутский язык. Вместе с тем, большая часть опрошенных указала, что языком общения в дошкольном возрасте был и эвенский язык. Степень владения эвенским языком участники оценивают неоднозначно, подчёркивают отсутствие языковой среды, незнание устного народного творчества и прочее. Всё это указывает на то, что верхнеколымский говор с социолингвистической точки зрения относится к одному из наиболее неблагополучных говоров эвенского языка, который находится на грани исчезновения. Поэтому его документация и лингвистический анализ столь важны для реализации возможности его сохранения и ревитализации.

Материалы, полученные от информантов-эвенов, проживающих в Верхнеколымском районе, дали возможность впервые в эвенской диалектологии провести сравнительный анализ фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей языка верхнеколымских эвенов и сопоставить их с данными других эвенских говоров и диалектов [Шарина, 2015; Шарина, 2016; Шарина 2017]. Выявление особенностей говора позволят определить место рассматриваемого говора в классификационной системе диалектов эвенского языка.

2. Типы синтаксических отношений в верхнеколымском говоре

Порядок слов в предложении в верхнеколымском говоре сохраняется как и в литературном языке: подлежащее в именительном падеже обычно стоит в начале предложения, сказуемое располагается в конце, определение стоит перед определяемым словом, прямой объект, оформляемый суффиксом винительного падежа, занимает место перед сказуемым. В строении

распространённых предложений второстепенные члены – дополнения и обстоятельства – находятся между главными членами предложения, иногда обстоятельства располагаются перед подлежащим в начале предложения. Продемонстрируем это положение на трёх примерах.

(1) *Уйбан эн'ми нямичаман туһут хэпкэниди, бөчэ* – Иван важенку матери солью приманив, отдал.

(2) *Би куна биңсиву эвэдыт төрэгрэри*в – Когда я была ребёнком, по-эвенски говорила.

(3) *Тарит тар өринчэлэт ноһан тимин бадикар миан өмэндүлэ балдан* – После того как мы остановились стойбищем, она родилась на завтрашний день утром в одиннадцать.

В эвенском языке выделяются следующие типы синтаксических отношений: сочинительная связь и подчинительная связь. Сочинительная связь, связывающая однородные члены предложения, в рассматриваемом говоре выражается интонацией перечисления, с помощью частиц и союзных слов. Нижеследующие примеры демонстрируют сочинительную связь.

(1) *Авсала инмэйи, унапми, хүмэнэлби йали эду бутумэн һаһандийи д'бодайи бутумэн һиночаннын* – В женской сумочке иголку, напёрсток, нитки, все свои швейные принадлежности должна хранить.

(2) *Нөһөгчэр биңсэвур чакурид'ур тачин эбиврэрэп, һэд'эгрэрэп, йа-грарайп гөникэн укчэнгэрэр* – Рассказывали, что, когда были молодыми, собирались и состязались, и танцевали хэде, и всяко делали.

(3) *Би һуту Арылахту балдэрин н'ан таду һупкучэку мудайкрин* – Мой ребёнок родился в Арылахе и там школу закончил.

(4) *Бй тогу эрэгэр улэвэттэм, элэ оһак-та йак-та ачча, илэ-дэ эһэни улэр* – Я всегда угощаю огонь, а здесь ни печки, ничего нет, никак не покормишь.

В рассматриваемом говоре используются следующие способы подчинительной связи: согласование, управление, примыкание. Согласование состоит в уподоблении определения формам числа и падежа определяемого. В говоре в речи информантов в основном отмечается согласование с определяемым в падеже и в числе. Приведём характерные примеры.

(1) **Орынчил бэйэл** *һунад'утун бичэ* – Многооленных людей дочерью была.

(2) *Тарит мут амардадут һө-һө көчукэкэр бэйил чуриба гэрбө мут амардадут уөскэд'ур гөникэн укчэнгэрэр былыргыл* – После нас родятся маленькие-маленькие люди, под названием чуриба, рассказывали люди в старину.

(3) *Тадук һойал орайтан эгд'эһэлбу һурэлбур околала йд'иллэк-экэтэн д'э сыһыла йрид'ур сыһыду д'угад'айн'алти* – Когда пришло время отдавать в школу старших детей, начали проводить лето на равнине.

(4) **Өтэл орай һойал биһитын** – Раньше оленей много было.

(5) **Эрэл бэйэл** *билигин бутунни һагды эгд'ур* – Эти люди сейчас все повзрослели.

(6) *Нулгэددил бэйил мут инуннэт-тэ, йāt-та ачча* – У нас, у кочующих, ни выюков, ничего не было.

(7) *Тоѳ абаѳат, тѳр ойлāн бисилбу бэйилбу бутумэтэн инэнтэн дурми н'амалчивканакыс мут hōч өрэнчивэттэн* – Огонь-дедушка наш, если будешь согревать своим теплом каждый день всех людей, живущих на земле, мы будем очень рады.

(8) *Өмнэкэй омонгылбу, хурэлбу н'унэм мātāв мāритāн* – Однажды сыновья мои, дети, шесть волков убили.

(9) *Һōйав гургэв гургэвчилдэ* – Много работы сделайте.

(10) *Орāлби илāндула тѳрлэ д'авоткич н'āн бэйд'и хурэлни эгин утукичил орāлбан* – Оленей в трёх местах держал и сам с детьми смотрел за ними.

(11) *Тарāк муңгэрэи hō-hō манылагран, тусна орāнду инун, нār айу анжамтав-такан ойу таду муңгэрэди таңараи hэтуктун hin'уткāран* – Относилась очень бережно к этой выючной суме, навьючивала на отдельного оленя, всегда вместе с иконой складывала только новые вещи, чистые вещи.

(12) *Гору, адыв-да анунив улгимирин* – Долго, несколько лет спрашивал.

В приведённых примерах согласуются с существительным в форме множественного числа следующие части речи: зависимое прилагательное (примеры 1, 2, 3), определительное местоимение (4), указательное местоимение (5), причастие (6, 7). В примере 8 числительное и существительное оформлены показателем винительного падежа. Пример 9 иллюстрирует согласование в винительном падеже определительного местоимения и существительного. В предложении 10 числительное согласуется с существительным в местном падеже. В предложении 11 зависимое прилагательное согласуется с существительным в форме винительного падежа, в примере 12 неопределённое местоимение вместе с существительным оформляются суффиксом винительного падежа.

В рассматриваемом говоре иногда фиксируется отсутствие согласования определения с определяемым в числе и падеже, как в следующем примере.

(13) *Таракām боллар улдэвэн-дэмур уңгэрэр гайсидукун көчукэн улдэв гачāл бид'ир имсэн'унни* – Наверно, взяли небольшой кусок мяса, отрезав от бедра, и сало.

При управлении наблюдается падежное оформление зависимых от управляющего слова именных или причастных членов предложения и служебных слов. Управляющим словом может быть глагол, деепричастие, *причастие, отрицательное имя, наречие*.

(14) *Бй акму хиркām, ирэв-тарав он* – Мой брат мастерит ножи, всякую всячину.

(15) *Бад'икār айаннāһнид'ур һизhэчэндүлэ истāла учāкāt н'улгэд'эннэн*. – С утра выезжали и до вечера верхом на оленях кочевали.

(16) *Эвэди тѳрэрив, укчэндив-дэ бэйу эһни бакалдаватта*. – На эвенском языке говорящего, разговаривающего человека не встретишь.

В примере 14 управляющее слово – глагол *бн*, зависимые существительные оформлены показателями винительного падежа *-в*, *-м*. Предложение 15 иллюстрирует управление деепричастия наречием, которое принимает форму местного падежа. Пример 16 показывает, что при управлении наблюдается оформление причастий суффиксом винительного падежа *-в*.

В говоре управление может быть опосредованным, когда падежная форма присоединяется к послелогу.

(17) *Кунал окат һөлилэн эвиритэн*. – Дети играли на берегу реки.

Примыкание грамматически выражается порядком слов и интонацией. Зависимый член словосочетания стоит в неизменяемой форме. В роли примыкающего слова могут быть наречия и некоторые деепричастия вместе с относящимися к ним словами. Ниже приведены примеры примыкания в верхнеколымском говоре.

(18) *Д’уганиду орайн кабайта бваттэн* – Летом у оленей обычно выпадает шерсть.

(19) *Д’албу бад’икяр хатарсиду һөррөттэ, һуэһэчэн хатаралчалан эммөттэ* – Родители мои рано утром засветло уезжали, приезжали вечером, когда темнело.

(20) *Ноһмән кыайан эчэл кулактар, умһэ дөмһэлэ тэгэлэ бичэ* – Его не смогли раскулачить, так как далеко в тайге находился.

(21) *Д’өрид’ур эмритэн эн’му-дэ, амму-да* – Вдвоём приехали, и мать, и отец.

(22) *Чукачар икэнутэн долчими би һоч-һоч өрэнчигрэрэм* – Когда слушаю пение птиц, я очень-очень радуюсь.

(23) *Тарак һэйэлэн иссид’ур тарак бэй иттэкэн эгд’ун-эгд’эн -эгд’эн элди урэмэкэн уһэн элд’эмкурул һол-һол эгд’ур элд’ур бичэл тарак урэкчэн һэйэлэн* – Вобразившись на вершину горы, тот человек увидел большую-большую, похожую на лодку, очень большую лодку увидел на вершине той горы.

(24) *Төрэмнин һөррэн* – Разговаривая, ушёл (в мир иной).

В примерах 18, 19, 20 примыкающим словом являются наречия времени и места; в примере 21 – числительное; в примере 22 примыкающим словом является условно-временное деепричастие на *-ми*; в предложении 23 – деепричастие предела с суффиксом *-кан / -кэн*; в примере 24 – последовательное деепричастие с суффиксом *-мнин*.

3. Заключение

Приведённое исследование одного из самых неблагополучных по лингвистической ситуации говора – исчезающего верхнеколымского говора эвенского языка – даёт основание считать, что, в целом, его синтаксические нормы аналогичны нормам литературного языка и говоров восточного наречия. Характерное для западного наречия отсутствие уподобления определения формам числа и падежа определяемого в говоре встречается, но редко. Таким образом, на уровне синтаксических показателей данный

говор занимает переходное (промежуточное) положение между восточным и западным наречиями, что позволяет предварительно отнести верхнеколымский говор к среднему наречию.

Список литературы

1. Бурыкин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме [Текст] / А. А. Бурыкин. – Санкт-Петербург, 2004. – 384 с.
2. Новикова, К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть I [Текст] / К. А. Новикова. – М.; Л., 1960. – 263 с.
3. Спиридонов, Н. И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь [Текст] / К. А. Новикова / сост. А. А. Бурыкин. – Якутск, 2003. – 57 с.
4. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Т. 1 [Текст] / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л., 1975. – 672 с.
5. Цинциус, В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1947. – 270 с.
6. Шарина, С. И. Особенности консонантизма верхнеколымского говора эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // *Alkış bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова / отв. ред. Е. А. Оганова. – М. : МБА, 2015. – С. 379–384.
7. Шарина, С. И. Наклонение глагола в верхнеколымском говоре эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // *Social Science. Общественные науки. Всероссийский научный журнал*. – 2016. – № 1. – С. 209–219.
8. Шарина, С. И. Причастие в верхнеколымском говоре эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2017. – № 3 (20), С. 129–132.
9. Sharina, S. I. Some Features of the Language of Verkhnekolymsky Evens [Text] / S. I. Sharina // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences*. – 2014. – Vol. 7. – Issue 10. – P. 1738–1742.

References

1. Burykin, A. A. (2004). *Yazyk malochislennoy naroda v yego pis'mennoy forme* [The language of small people in its written form]. St. Petersburg.
2. Novikov, K. A. (1960). *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Ol'skiy govor* [Essays on the Even dialects. Ol'skiy dialect]. Part I. Moscow ; Leningrad.
3. Spiridonov, N. I. (2003). *Yukagirsko-russkiy slovar'. Evensko-russkiy slovar'* [Yukagir-Russian dictionary. Even-Russian dictionary]. Comp. by A. A. Burykin. Yakutsk.
4. Tsintsius, V. I. (ed.) (1975). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages]. Vol. 1. Leningrad.
5. Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [An outline of the Even (Lamut) grammar]. Leningrad.
6. Sharina, S. I. (2015). *Osobennosti konsonantizma verkhnekolymskogo govora evenskogo yazyka* [Features of consonants in the Verkhnekolymskiy sub-dialect of

- the Even language]. *Alkış bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov. Collection of articles on the 80th anniversary of D. M. Nasilov* (pp. 379–384). Moscow : IBA Press.
7. Sharina, S. I. (2016). Nakloneniye glagola v verkhnekolymskom govore evenskogo yazyka [Grammatical moods in the Verkhnekolymsky dialect of the Even language]. *Social Science*, 1, 209–219.
 8. Sharina, S. I. (2017). Prichastiye v verkhnekolymskom govore evenskogo yazyka [The Participle in Verkhnekolymskiy dialect of the Even language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities], 3 (20), 129–132.
 9. Sharina, S. I. (2014). Some Features of the Language of Verkhnekolymsky Evens. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences*, 7 (10), 1738–1742.

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Баландина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Челябинск, Российская Федерация, email: nenash_ek@mail.ru

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Российская Федерация, email: belenov82@gmail.com

Зубарева Екатерина Олеговна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация, email: fialka2185@mail.ru

Инживоткина Яна Викторовна, преподаватель факультета журналистики и коммуникации, Универсидад де Гуаякил, Гуаякиль, Эквадор, email: bp.ru@mail.ru., yana.inzhivotkina@ug.edu.ec

Колесников Семён Витальевич, студент Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: kolesnikov.sv@siladt.ru

Ма Татьяна Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tdovnar@mail.ru

Мань Шу, аспирант Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Российская Федерация ; г. Суйхуа, КНР, email: manshu9057@126.com

Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Наумов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: vladimir_naumov@mail.ru

Путина Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: onputina@mail.ru

Ситун Надежда Владимировна, магистрант Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: tumanis.n@gmail.com

Султанова Альфина Шамильевна, аспирант Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Российская Федерация, email: bashirova_alfina@mail.ru

Сюткина Надежда Павловна, старший преподаватель кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: nadegda.siutkina@gmail.com

Шарина Сардана Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: sarshar@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного

национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: info@psu.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Ekaterina S. Balandina, PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: nenash_ek@mail.ru

Nikolay V. Belenov, PhD in Pedagogical Sciences, associate professor, ICTE, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, email: belenov82@gmail.com

Ekaterina O. Zubareva, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: fialka2185@mail.ru

Yana V. Inzhivotkina, English teacher, Universidad de Guayaquil, Faculty of Social Communication, Guayaquil, Ecuador, email: bp.ru@mail.ru., yana.inzhivotkina@ug.edu.ec

Semyon V. Kolesnikov, student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: kolesnikov.sv@silad-t.ru

Tatyana Yu. Ma, Doctor of Philology, Head of the Department of Translation Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: tdovnar@mail.ru

Man Shu, PhD student, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation ; Suihua, China, email: manshu9057@126.com

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Vladimir V. Naumov, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg, Russian Federation, email: vladimir_naumov_@mail.ru

Olga N. Putina, senior teacher, English for Specific Purposes Department, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: onputina@mail.ru

Nadezhda V. Situn, Master student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: tumanis.n@gmail.com

Alfina Sh. Sultanova, PhD student, Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russian Federation, email: bashirova_alfina@mail.ru

Nadezhda P. Siutkina, senior teacher, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nadegda.siutkina@gmail.com

Sardana I. Sharina, PhD in Historical Sciences, senior researcher, the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russian Federation, email: sarshar@mail.ru

Svetlana V. Shustova, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: info@psu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Баландина Е. С.</i>	Образ цвета в языковом сознании представителей арабской культуры	5
<i>Беленов Н. В.</i>	Индоевропейские гидронимические форманты и изоглоссы самарского Поволжья в этноисторическом контексте	16
<i>Зубарева Е. О.</i>	Модель миграционного дискурса	35
<i>Инживоткина Я. В.</i>	Образы, ассоциируемые с белым и красным цветами в сознании носителей испанского и английского языков	46
<i>Мань Шу</i>	Стратегии называния магазинов в Китае и России	64
<i>Ма Т. Ю., Ситун Н. В.</i>	Лингвоцветовая картина мира индустрии моды 2008–2018 годов по версии Pantone Color Institute	77
<i>Морозова О. Н., Андросова С. В., Колесников С. В.</i>	Длительность гласных в эвенкийском языке	88
<i>Наумов В. В.</i>	Гимн(ы) России: лингвоментальные сонограммы нации	101
<i>Путина О. Н., Шустова С. В.</i>	Функциональный потенциал дискурсивных маркеров <i>ну</i> и <i>well</i> в русском и английском языках (корпусное исследование)	112
<i>Султанова А. Ш.</i>	Структурно-словообразовательные особенности поэтимов произведения Мустая Карима «Долгое-долгое детство»	123
<i>Сюткина Н. П.</i>	Наречия-интенсификаторы в ситуации с эмотивными каузативами	145
<i>Шарина С. И.</i>	Синтаксические особенности верхнеколымского говора эвенского языка	156
<i>Информация об авторах</i>		165

CONTENTS

Original Papers

<i>Balandina E. S.</i>	Color images in linguistic consciousness of Arabic students	5
<i>Belenov N. V.</i>	Indo-European hydronymic formants and isoglosses of the Samara Volga region in ethnohistorical context	16
<i>Zubareva E. O.</i>	The model of migration discourse	35
<i>Inzhivotkina Ya. V.</i>	Images of white and red in Spanish and English speakers' consciousness	46
<i>Man Shu</i>	Store name strategies in China and Russia	64
<i>Ma T. Yu., Situn N. V.</i>	Linguocolor picture of the fashion industry world created by Pantone Color Institute in 2008–2018	77
<i>Morozova O. N., Androsova S. V., Kolesnikov S. V.</i>	Vowels duration in the Evenki language	88
<i>Naumov V. V.</i>	Linguo-mental sonograms of the nation	101
<i>Putina O. N., Shustova S. V.</i>	Functional potential of discourse markers <i>hy</i> and <i>well</i> in Russian and English (Corpus study)	112
<i>Sultanova A. Sh.</i>	Word structure of poetonyms in Mustai Karim's literary work «Long-long childhood»	123
<i>Siutkina N. P.</i>	Adverbial intensifiers in situation with emotive causatives	145
<i>Sharina S. I.</i>	Syntactic features in the Verkhnekolymskiy dialect of the Even language	156
<i>Our authors</i>		165

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 5, No 1, 2019.

Сдано в набор 25.03.2019. Подписано к печати 22.03.19. Дата выхода в свет 29.03.2019.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 19,99. Тираж 1000. Заказ 105. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.